

Заседание 3^е

20 viii . утрен

Заседание Бахаева от 186 - 189

Каменел от 189 - 233

Дробел от 234 - 246

Зинел от 246 - 283

Сагонтла от 284 - 301

Zachariah Baxaels

cm 186-189

2000 ym

20-го августа 1936 г.

- 1 -

Комендант: Верховный Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь, пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ: Позвольте мне сделать заявление. По нашему плану ведения судебного следствия должен был быть опрошен свидетель Карев. В связи с показаниями обвиняемого Бакаева, но в виду исчерпывающих показаний обвиняемого Бакаева и признания им своей вины, я не считаю необходимым допрос свидетеля Карева.

БАКАЕВ: Я прошу разрешить ^{дать} ~~сделать~~ мне дополнительные показания в связи с террористической моей деятельностью. Я забыл сказать об одном существенном обстоятельстве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите, пожалуйста.

Суд удовлетворяет ходатайство прокурора, так же как и заявление обвиняемого Бакаева.

ВЫШИНСКИЙ: Я полагал бы целесообразным заслушать его сейчас.

БАКАЕВ: Вчера Евдокимов говорил о том, что в августе м-це 1932 г. в Ильинском на даче Зиновьева и Каменева состоялось заседание троцкистско-зиновьевского центра, на котором присутствовали я и Карев. Я считаю необходимым сказать, что в это время на даче Зиновьева и Каменева было нечто совсем другое, а не заседание центра, о решениях которого, принятых будто бы на этом заседании, вчера докладывал вам Евдокимов.

В августе 1932 года на даче Зиновьева и Каменева произошло совещание, на котором присутствовали кроме Зиновьева и Каменева, Евдокимов, я, Карев и Ольга Равич. Зиновьев говорил о поездке Ивана Никитича Смирнова за границу, о том, что Смирнов связался там с Троцким и передавал оценку Троцкого внутреннего положения нашей страны. Зиновьев говорил, что Троцкий оценивает внутреннее положение нашей страны как чрезвычайно напряженное: масса рабочих и крестьян еще не видят положительных результатов от хозяйствен-

1874

- 2 -

ной политики теперешнего руководства, недовольство у нас выражается в открытой форме-волны на предприятиях, сопротивление крестьянства мероприятиям правительства, головотяпство отдельных советских местных руководителей, задерживавших^{ющих} выдачу зарплаты, сопротивление руководству новым формам ведения сельского хозяйства, - Троцкий, как и мы все считали^{это} ошибками партийного руководства

188⁵
И.А.
БН.

Мы все изваливали на руководство. Но Троцкий в то же время признавал, что Сталинская линия победила, пятилетки будет выполнена, основные массы крестьянства становятся на новые пути в сельском хозяйстве. Положение в партии Троцкий характеризовал словами, что партия заката, все гайки завинчены до отказа и сменить руководство и политику партии можно только насильственным путем.

Зиновьев полностью соглашался с определением внутреннего положения, данного Троцким и с его выводами. Троцкий абсолютно прав, говорил Зиновьев. Через два-три года массы почувствуют результаты индустриализации и коллективизации, сплоченность партийных рядов...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый БАКАЕВ, это известно нам из ваших же собственных показаний. Об этом вы говорили вчера. Ничего нового в этих высказываниях Зиновьева нет.

БАКАЕВ. Еще два-три слова и будет совершенно конкретно.

ВЫШЕМСКИЙ. Нельзя ли прямо перейти к конкретному? Что же мы будем общие декларации слушать. Я прошу слово.

Я не понимаю вообще, что хочет доказать здесь Бакаев. Вчера он имел возможность дать и дал подробные исчерпывающие показания по интересующим нас вопросам. Если он желает добавить, чтонибудь существенное к своим показаниям, тогда надо ему предоставить слово. Но вообще брать слово для того, чтобы здесь ораторствовать, не следует. Надо договориться, или вы взяли слово для того, чтобы дать дополнительные показания по существу предъявленного вам обвинения, или отнесите это свое желание поговорить на последнее ваше слово.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Бакаев, вы просили слово, чтобы сделать весьма существенные добавления к вашим вчерашним показаниям. Я только пару минут назад сделал вам замечание по этому вопросу. Если у вас есть что-нибудь новое, конкретное, связанное с вашей террористической деятельностью и террористической деятельностью других, тогда продолжайте.

БАКАЕВ. На этом совещании Зиновьев сказал, что Смирнов Иван Никитич и Мрачковский по заданию Троцкого приступили к организа-

Камнев

ст 189-233

ции террористического акта против Сталина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это тоже вчера говорилось.

БАКАЕВ. И именно на этом совещании была поручена организация террористического акта против Сталина мне, а убийство Кирова — Кареву.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кроме этого, ничего у вас нет?

БАКАЕВ. В связи с этим обстоятельством нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. То же самое вы говорили вчера. Мы можем взять стенограмму и прочитать ее второй раз.

Приступаем к допросу подсудимого Каменева.

Подсудимый Каменев.

ВЫШИНСКИЙ. Пожалуйста в двух словах, скажите о мотивах, которые вас привели к образованию об"единенного троцкистско-зиновьевского центра.

КАМЕНЕВ. Выступающие передо мной говорили здесь о блоке, троцкистско-зиновьевском блоке на террористической основе.

Я думаю, что это терминология неправильная, она затуманивает сущность дела и маскирует ее.

Я обвиняюсь и даю сейчас показания по делу о террористическом заговоре. Террористический заговор был организован и руководим мною, Зиновьевым и Троцким. Троцкого не было в стране и поэтому я принужден, пояснив тот путь, которым я пришел к террористическим выводам и организации террористического заговора, указать также почему и каким образом мы были уверены, что действуем в полной солидарности с Троцким, которого в стране не было.

180

- 5 -

Начну с себя. В обвинительном акте приведено показание РЕЙНГОЛЬДА, в котором он характеризует мои настроения, вернее, мои политические мысли в момент подготовки и организации этого заговора. На стр. 5 обвинительного заключения по показанию РЕЙНГОЛЬДА сказано: "КАМЕНЕВ приходил к выводу, что дело партии идет не к катастрофе, а к под"ему; поэтому все ожидания автоматического краха беспочвенны, а сложившееся руководство олицетворяет собой твердый гранит, чтобы рассчитывать на то, что руководство это само расколится".

Должен заявить, что в несколько обвинительном стиле, но по существу политическое мнение мое накануне организации террористического заговора передано здесь точно. Оно обозначает, что в этот момент я пришел к убеждению, что политика партии и политика руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна победа политики в стране социализма, что эта политика признана трудящимися массами.

Во-вторых, это показание РЕЙНГОЛЬДА, отражающее точно мое настроение в этот момент, указывает на то, что я всегда развивал перед своими единомышленниками мысль о том, что правительство и руководство партии, которое прошло в стране самые трудные этапы, настолько сплочено, что рассчитывать нам на возможность внутренних трудностей, трудностей внутри правительственных органов, нельзя. Ставка была на расчеты, которыми мы руководствовались в предшествующий период - возможность раскола партийного руководства - оказалась битой. Я должен прибавить к этому точные мотивы, которые привели меня к террористической деятельности, в связи с этим я должен указать еще на третий мотив, который заключается в том, что правительство и руководство партии, которые провели народ через такой важный и трудный этап революции, как индустриализация и коллективизация, не имеют перед собой внутри страны таких трудностей, которые хотя бы в даль-

нейшем позволили нам рассчитывать на крах их политики. Трудности экономического ~~и~~^{или} политического характера, после того как перейдем^{II} такой рубеж, как превращение аграрной страны в страну индустриальную и превращение мелкого раздробленного сельского хозяйства^В социалистическое хозяйство - ~~ни~~-такая фантазия не может представить себе такие трудности, которые после этого рубежа дали бы возможность контрреволюционной организации внутри вести с успехом свою деятельность, опасность могла угрожать только извне, в виде военного капиталистического окружения.

О себе лично я должен сказать, что тот факт что наша попытка опереться в борьбе за власть на сочувствие масс и завоевание этого сочувствия, сделанная нами в 1928-29 г. - потерпела крах. Тот факт, что вслед за этим крахом мы рассчитывали на мелкобуржуазное течение, которое ~~имело~~ имело в то время место среди руководства, в виде правых групп - РЫКОВА, БУХАРИНА и ТОМСКОГО

192

ОД/БМ

- - -

... и ~~не~~ это и народное дело в среде коммунистического руковод-
ство создаст внутренние затруднения для пролетарской револю-
ции и даст таким образом некоторую возможность воспользо-
ваться этим - и это ставка, как 1930 год после того, как наша по-
пытка соглашения с этой группой, прямого блока с ней, после
того, как эта группа была выведена из состава руководства и
дискредитирована перед трудящимися - и эта ставка была бита.

И, наконец, тот факт, что страна под руководством данного
правительства преодолела и прошла тот этап революции, который
является моментом окончательного утверждения, создания индус-
триального общества в виде коллективизации и индустриализа-
ции, что трудности, на которые мы рассчитывали, на которых была
построена наша тактика 1930, 1931 и начала 1932 года, что
эта политика наша была также бита.

Наконец уверенность моя, которая разделялась и моими
единомышленниками о том, что в дальнейшем нельзя ожидать како-
го либо осложнения внутри страны, которое дало бы какие-либо
шансы на широкое контр-революционное движение, которое гото-
вились возглавить, этот анализ, повторяю, воспроизведен ^{или} здесь
кратко, но точно в показаниях Рейнгольда и в обвинительном
заключении, совершенно естественно приводило к двум выводам:
или честно и полно ликвидировать всякую борьбу, или продол-
жать ее. Но без базы какой-либо массовой или хотя бы якобы
массовой, без платформы, без политической перспективы, без
какого либо знамени, вокруг которого можно было сплотить
какие-либо группы трудящихся. Мы выбрали второй путь, который
естественно и неизбежно при продолжении политической деятель-
ности вели методами заговорщиков и террористической борьбы.

193¹¹

- 8 -

Причины, мотивы, которые заставили нас, или дилема пойти по этой линии заключается в двух моментах: во-первых, это бесконечная озабоченность, которое двигало нами против руководства партии и, во-вторых, жажда власти, к которой мы не были близки, но от которой мы были отброшены ходом исторического движения.

Та картина положения, к которой мы пришли и те внутренние мотивы, которые я указал, заставили встать нас на путь террористического заговора.

Должен указать, что этот террор и заговор был не единственными их средств борьбы, а вытекает из того, что я сказал -
в
был для нас тот момент единственным средством борьбы.

Возможно, что этот заговор не дал бы тех кровавых плодов, которые он дал, если бы те соображения, те мысли и те чувства, о которых я сейчас говорил, оставались достоянием очень узкого круга бывшей, так называемой, ленинградской оппозиции. Должен указать, что в 1932г. эти террористические настроения были распространены гораздо шире, именно - в среде всех бывших оппозиционных и превратившихся в контрреволюционные группы, и что именно эта, если можно так выразиться, широкая атмосфера террористических настроений, охватившая в этот момент эти группы, эта атмосфера терроризма и заговора укрепила нас на том пути, на который мы встали. Мы весьма скоро убедились, что, ставши на этот путь, мы вполне целиком и точно совпадаем с тем путем, на который встал ТРОЦКИЙ и его представительство здесь, в стране. Ранее, однако, чем обратиться к этому решающему моменту для создания заговора, - не для наших террористических мыслей и настроений, а для состава заговора и механики его действия, - раньше чем обратиться к позициям наших ближайших соратников в этом деле - троцкистов и их руководители ТРОЦКОГО, я должен пояснить, конкретизировать то обстоятельство, на которое я указывал, как на проникновение террористических настроений в среду ^{всех} бывших оппозиционных и превратившихся в контрреволюционные группы. Я имею ввиду, прежде всего, ту группу, о которой я сам в 1932г. лично вел переговоры, и террористическую организацию, в заданиях и настроениях которой я лично мог убедиться, это - группа так называемых леваков - ЛОМИНАДЗЕ-ШАЦКИНА. В материалах предварительного следствия, в показаниях, если не ошибаюсь, ЗИНОВЬЕВА, имеются сообщения о том, как я передавал ЗИНОВЬЕВУ впечатления о этих переговорах; там сказано, что КАМЕНЕВ

- 10 -

после переговоров с ЛОМОНОВИЧЕМ и ШАЦКИНЫМ сказал мне, ЗИНОВЬЕВУ, следующую фразу: " Да, вот это — настоящие враги СТАЛИНА". Фраза эта была мною сказана и она отражала точно то впечатление, которое я вынес из знакомства с этой группой, и тот критерий, который я применял: я искал в группах, с которыми находился в отношениях, врагов СТАЛИНА. В этой группе я нашел этих врагов, сплоченных в организацию очень твердую, подобранную по признаку старой, тесной, личной связи, готовую к самым решительным методам борьбы и абсолютно подготовленную к тому, чтобы перейти к борьбе боевой.

Такой же непримиримостью, таким же озлоблением и таким же расчетом на террористическую катастрофу отличалась и другая группа, с которой и я, и ЗИНОВЬЕВ в это время (1932г.) имели постоянную, хотя и не систематическую связь, это — группа бывшей "рабочей оппозиции" — ШУШНИКОВА и МЕДВЕДЕВА. Она достаточно ясна в стране, достаточно ясна суду, чтобы не останавливаться более подробно на ее характеристике.

скажу только, что мы постоянно встречались с ними. Наконец, третья группа, которая вступила с нами в сношение на этой же платформе и которая подтвердила нам переход к террористическим методам действий всех групп оппозиции, была группа правых. Террористические выводы этой группы были сделаны в том письме, в том документе, который был передан на обсуждение нам и виновным и на обсуждение одновременно троцкистов, в том же 1932 году осенью, в документе, который завершался прямым террористическим призывом, прямым призывом к организации терактов при помощи которых должен быть устранен Сталин. Так окончилась прокламация известная под названием платформы Рютина. Но для меня, который внимательно следил и был осведомлен о ходе развития взаимоотношений различных групп контр-революционного подполья, было ясно, что этот вывод, так называемый, Рютинской платформы, находится в прямой связи с прямым путем восходит к тем характеристикам политико-экономического положения и к тем личным характеристикам руководителей правительства, которые были мне даны Бухариным и Томским за некоторое время до того. Для меня не было никакого сомнения, что платформа Рютина, я до сих пор не знаю физически кто ее писал, но что она вдохновлялась той общеполитической концепцией и теми личными настроениями к конкретным представителям руководства, в частности к Сталину, которые развивали мне Бухарин и Томский. Настроения, выразившиеся в этой платформе, которая конечно не случайно возникла в 1932 году и не случайно была передана одновременно на обсуждение и нашей группы и группы Троцкого, с прямым запросом нет ли у нас какихнибудь попра-

ВО-ЕЧ

- 12 -

вок этой платформы, с прямым указанием на то, что группа, составившая ее не считает ее окончательно и готова внести исправления, в зависимости от тех замечаний, которые будут сделаны нами и троцкистами.

Для меня не составляло никакого сомнения то, что эта платформа отражает настроения всех правых групп, хотя, повторяю, что именно писал ее физически и каковы были связи внутри этой группы мне было неизвестно тогда, неизвестно и сейчас. Я лично в 1932-33-34 г.г. поддерживал сношения и с Томским и с Бухариным, знал от них о настроениях Рыкова и это личное мое впечатление привело меня к выводу, что эта платформа их заостряет и доводит до конца те предпосылки, на которых стояли эти лица. Вчера гл.прокурор указал, что материалы по делу группы правых как и ряд других материалов, не входят в обвинительный акт, не являются материалами данного суда и на то, что это может быть привлечено к исследованию наших преступлений лишь как общая форма, в том только смысле, как указания на тот общий фон, среди которого составлялся наш террористический заговор, о чем я и считал долгом упомянуть об этих группах, не вводя в дальнейшую конкретизацию моих отношений и разговоров с Томским и Бухариным, если по этому поводу не последуют вопросы. И с тем и с другим в 1932-33-34 г.г. я виделся несколько раз.

КАМЕНЕВ: С Томским и Бухариным.

ВЫШИНСКИЙ: Только с двумя?

КАМЕНЕВ: Томский передавал мнение и Рыкова.

ВЫШИНСКИЙ: Но вы встречались только с двумя? В 1933-1934 году вы разговаривали с Томским и Бухариным о чем?

КАМЕНЕВ: Я говорил с ними на политические темы, т.е. мы взаимно осведомляли о нашей оценке положения в стране, политике правительства и в тех позициях, которые мы занимали тогда в отношении к этой политике правительства.

ВЫШИНСКИЙ: О мерах в связи с террористическим заговором? Вы об этом говорили с Бухариным и Томским?

КАМЕНЕВ: Я говорил с Томским.

ВЫШИНСКИЙ: Как он к этому относился?

КАМЕНЕВ: Он считал, что это есть единственный метод, который остается у групп, враждебных правительству при данной обстановке.

ВЫШИНСКИЙ: Он был с вами солидарен?

КАМЕНЕВ: Он был со мною солидарен в цели, хотя у него и у группы была другая тактика, диктовавшаяся другим положением, которое он занимал в партии.

ВЫШИНСКИЙ: Тактика - тактикой, но метод борьбы - террор. Это было в 1934 году?

КАМЕНЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Позвольте вернуться к вам непосредственно.

КАМЕНЕВ: Я характеризовал лишь общую атмосферу.

ВЫШИНСКИЙ: Я вас так понял, что вами тогда владело чувство безнадежности в смысле ^{ведения} массовой борьбы. Это было в 1932-1933 и 1934 годах. Это состояние борьбы, приведшее на второй путь, на путь террористического заговора, оно вами владело, когда вы выступали в печати в мае 1933 года?

КАМЕНЕВ: Гражданин Прокурор! Вы своими вопросами предупреждаете то, что мне хотелось бы сказать суду.

ВЫШИНСКИЙ: Но это ведет к одной цели - выяснению истины, так что это не имеет большого значения.

КАМЕНЕВ: Мне кажется, что в том хронологическом порядке, в каком...

ВЫШИНСКИЙ: Хронология хронологией, но преступление есть преступление;

КАМЕНЕВ: Тогда можно ограничиться и сказать, что я организатор заговора.

ВЫШИНСКИЙ: У меня есть статья ваша "25 лет", изданная в 1933 году, и у меня есть ваше заявление, написанное в мае 1933 года. Эти статьи и заявление вы писали, когда вами владело то настроение, о котором мы с вами так много говорим? Как оценить те статьи, в которых вы выражаете преданность партии? Обман?

КАМЕНЕВ: Нет, хуже обмана.

ВЫШИНСКИЙ: Вероломство?

КАМЕНЕВ: Хуже.

ВЫШИНСКИЙ: Измена? Найдите же слово! Хуже обмана, хуже вероломства - найдите это слово. Измена?

КАМЕНЕВ: Вы его нашли.

ВЫШИНСКИЙ: Это не только личное качество, это общественное явление. Вы это делали по соглашению с Зиновьевым? От 20-го мая имеется заявление Зиновьева, и тогда же его статья в "Правде"

КАМЕНЕВ: Я делал это не только по соглашению с Зиновьевым

...а делал это во исполнение вполне определенного, выработанного плана захвата власти, — который заключался в сочетании террористических действий с двурушничеством.

ВЫШИНСКИЙ. Эти ваши выступления входили в план вашего заговора?

КАМЕНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Можно Зиновьева спросить? Обвиняемый Зиновьев, по этому вопросу вы то же самое можете сказать?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И в план вашего участия в террористическом заговоре также входила публикация подобного рода статей?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Каменев, на ХУП с "езде партии вы выступали с речью, в которой говорили о том, что вы хотели бы сбросить с себя эту ослиную шкуру. Это тоже проявление той же измены, вероломства и двурушничества?

КАМЕНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И тоже входило в план вашего заговора?

КАМЕНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Зиновьев, вы тоже самое можете сказать?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Измена, вероломство, двурушничество?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно я вас понимаю, подсудимый Каменев. Вы говорили, что у вас было два пути, или честная ликвидация борьбы или продолжение ее без платформы, без знамени и т.д. Правильно ли я понял, что здесь противопоставление между честными и бесчестными способами борьбы?

КАМЕНЕВ. Нет, неправильно.

ВЫШИНСКИЙ. Тогда об"ясните.

КАМЕНЕВ. Это перевод политического вопроса в область моральных оценок. Оно, конечно, естественно, но я думаю, что мои

показания должны сводиться не к моральной оценке моих собственных поступков, а к политическому, фактическому содержанию их. Поэтому поводу я и говорю, что между путем честной ликвидации борьбы и путем продолжения борьбы, которая неизбежна свелась к террористическому заговору, мы выбрали второе, не по низости характеров..

ВЫШИНСКИЙ. Я не имею ввиду личных качеств. Я говорю о низости средств борьбы. Я хочу сказать еще одно. Вы достаточно хорошо понимаете положение вещей и не можете отрицать того факта, что такие методы борьбы, как, например, политическое убийство, в особенности в связи и при содействии таких людей, как Ольберги и другие, а с другой стороны покушения на государственную казну, — бросает след явных уголовных преступлений на вашу деятельность.

КАМЕНЕВ. Я думаю, что никакая уголовщина, которая неизбежна применяется к тем методам борьбы, на которые мы встали, не может опорочить...

ВЫШИНСКИЙ. Я не об этом говорю. Я хочу проанализировать ваши действия с точки зрения их общественной значимости и хочу сказать — признаете ли вы то обстоятельство, что все способы, методы, формы борьбы, которые вы приняли в тот период времени, носят явно уголовный характер, отдают явной уголовщиной.

КАМЕНЕВ. Я могу признать только одно, что поставив перед собой чудовищно-преступную цель дезорганизовать правительство социалистической страны, мы употребляли методы борьбы, которые по нашему мнению соответствовали этой цели и которые также низки и подлы, как сама цель, которую мы перед собой поставили.

ВЫШИНСКИЙ. Правильно. Я и хотел, чтобы вы этот вывод сделали.

Основной мотив, который нами руководил, это было бесконечное озлобление против руководства партии и советского правительства. На какой основе озлобление? За успехи социализма?

КАМЕНЕВ. За успехи той политики, которая проводилась.

ВЫШИНСКИЙ. Но успехи политики, это успехи социализма.

КАМЕНЕВ. да.

ВИШИНСКИЙ. Таким образом, можно сказать, что вы хотели бить по партии и правительству за то, что нам удалось построить в нашей стране социализм?

КАМЕНЕВ. Нет.

ВИШИНСКИЙ. Тогда объясните пожалуйста. Вы говорите: бес-
вот
конечное озлобление против руководства партии, что вами глав-
ным образом в этом руководило. Так я вас понял?

КАМЕНЕВ. Да.

ВИШИНСКИЙ. Озлобление против руководства партии. В связи с чем это озлобление.

КАМЕНЕВ: Я сказал, что это озлобление в связи с жаждой власти.

ВЫШИНСКИЙ: Вам власть нужна для чего — для себя или ^{для} дела.

КАМЕНЕВ: Для дела.

ВЫШИНСКИЙ: Дело делается, а почему Вы не навидите тех, которые с успехом делают дело и ведут страну к социализму.

КАМЕНЕВ: Нам совершенно очевидно, что политическая группа, отброшенная историей от власти и пытающаяся вернуться к ней, оценивает ту политику, которая ведется в стране, как политику неправильную.

ВЫШИНСКИЙ: Вы говорили на предварительном следствии про Зиновьева — "Зиновьев обречен на жалкое прозябание и не на какую политическую роль рассчитывать не может"

Не есть ли это признание в голом виде личных мотивов власти.

КАМЕНЕВ: Я сказал, что наше озлобление есть личная жажда власти.

ВЫШИНСКИЙ: Независимо от социалистических идеалов и прочее.

КАМЕНЕВ: Именно.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно Вашей политикой против руководства партии руководили мотивы обычного низменного личного порядка — жажда личной власти.

КАМЕНЕВ: Да, жажда власти нашей группы.

ВЫШИНСКИЙ: Не находите ли Вы, что это ничего общего не имеет с общественными идеалами.

КАМЕНЕВ: Оно имеет то общее, что имеет революция и контрреволюция.

ВЫШИНСКИЙ: Значит Вы на стороне контрреволюции.

КАМЕНЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно, Вы отчетливо себе представляете,

что ведете борьбу против социализма.

КАМЕНЕВ: Мы отчетливо представляем, что ведем борьбу против руководства партии и правительства, которые ведут страну к социализму.

ВЫШИНСКИЙ: Тем самым и против социализма.

КАМЕНЕВ: Вы делаете вывод историка и обвинителя.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы не хотите признать этот вывод.

КАМЕНЕВ: Я не обязан присоединяться к Вашему анализу, когда у меня свои настроения.

ВЫШИНСКИЙ: Меня интересует Ваш план.

КАМЕНЕВ: О плане я Вам говорил.

ВЫШИНСКИЙ: Значит Ваш план - контрреволюционная борьба / против социализма.

КАМЕНЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Вы сказали, что искали злейших врагов тов. СТАЛИНА и Вы их находили и что это обстоятельство имело свое выражение в том, что Вы организовали заговор, поставили своей конкретной задачей организацию убийства и подбирали людей, которые готовы были пойти на это преступление, а именно: РЕДНГОЛЬД, БАКАЕВ и друг. - это и есть отъявленные ^{враги} нашей партии.

КАМЕНЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: В 1932-33-34 г.г., о дальнейшем я пока не говорю, Вы сами представляли собой тоже отъявленного врага, простите за это выражение.

КАМЕНЕВ: Нечего мне прощать - это точная характеристика

23
24

ОД/ЕМ

- 19 -

КАМЕНЕВ: Тут мне нечего прощать, это точная характеристика.

НАШИНСКИЙ: Ваше практическое участие в организации убийства т. Кирова, в частности, вопрос вашей поездки в Ленинград — скажите тоже.

КАМЕНЕВ: Вы значит не интересуетесь участием Троцкого в заговоре, ни моментом организации самого заговора.

НАШИНСКИЙ: Об этом много говорилось и мы будем об этом говорить в конце вашего вопроса.

КАМЕНЕВ: О моем конкретном участии.

НАШИНСКИЙ: Да, об организации и участии убийства т. Кирова.

КАМЕНЕВ: После того, как мы убедились в том, что наши цели и методы террористического заговора не только вполне совпадали с настроением и методами действия Троцкого, но что Троцкий настойчиво добивается об"единения наших террористических сил, — действуя по прямой директиве Троцкого был заключен блок, в основу которого легли, с одной стороны, наши планы, с другой стороны, директивы Троцкого.

НАШИНСКИЙ: ^{троцкисты} Вы говорите, что Хруцкий добивается этого блока во имя острей капиталистических методов борьбы. Кто именно были эти троцкисты.

КАМЕНЕВ: Гражданин прокурор, вы меня спрашиваете об убийстве Кирова, а когда я хочу говорить кратко об этом, вы начинаете говорить о другом.

Оно ^{заключается} заключается в том, что мы, узнав, что Троцкий прислал сюда террористического характера директивы...

НАШИНСКИЙ: От кого узнали.

КАМЕНЕВ: Сейчас, узнал я лично от Синозьева, который вел переговоры со Смирновым по поручению нашего центра.

- 20 -

БЕЛИНСКИЙ: Давайте установим факт. У нас судебное следствие, на котором устанавливаются факты. Вы от Синявского через Смирнова узнали о террористических установках Троцкого. Это было когда...

КАМЕНЕВ: Это было в начале осени 1932 года или в конце лета.

БЕЛИНСКИЙ: Вы лично от Смирнова ничего об этом не слышали.

КАМЕНЕВ: Я со Смирновым по обстоятельствам случайно не встречаясь, а вел разговоры с членами террористического блока.

БЕЛИНСКИЙ: Синявский вам передавал, что Троцкий дал такую террористическую установку. Это было в начале или в конце 1932 года.

КАМЕНЕВ: Это было в конце лета или в начале осени 1932 г.

БЕЛИНСКИЙ: Это первое обстоятельство. Далее.

КАМЕНЕВ: Я вел переговоры с Тер-Ваганяном, так как мы рассматривали и Мрачковского, и Смирнова, и Тер-Ваганяна не как творцов самостоятельных политических директив, мне кажется они и сами на это не претендовали. Они представляли для нас ценность, лишь исключительную ценность, как люди, которым мы могли доверять. Как людям точно воспроизводящим директивы Троцкого. Вы знали прошлую роль и Мрачковского и Смирнова в организации троцкистов...

Маш:ВГ
Ст. МП

- 21 -

... зная их ~~влияющую~~ активность, продолжающуюся в 1932г., зная о поездке СМИРНОВА за границу и о том, что он там за границей связался с ТРОЦКИМ (причем, нас, конечно не могли интересовать технические методы связи), мы были абсолютно уверены, что директива о террористической установке, передаваемая и МРАКОВСКИМ, и СМИРНОВЫМ и им защищаемая, есть точная директива ТРОЦКОГО, ибо ТРОЦКИМ и его мысли интересовали нас гораздо больше и могли оказать влияние на политическое складывание террористического заговора гораздо больше, чем личные настроения ТЕР-ВАГАИНА или кого либо другого. На основании этой абсолютной уверенности в террористических позициях ТРОЦКОГО, передаваемых через абсолютно доверенных людей ТРОЦКОГО, на основании того, что эти абсолютно доверенные люди ТРОЦКОГО защищали перед нами эту директиву, как директиву, принятую их троцкистским центром и настаивали на том, что исполнение этой директивы должно быть проведено об "единенными усилиями нашей и их группы, При совпадении этой директивы с нашими настроениями, мы и заключили то, что здесь называется "блок", а то, что следует назвать — мы построили узкий террористический заговор, опирающийся на ту широкую (в кавычках) среду, о которой я говорил, но включавшую в себя, как основные силы, зиновьевцев и троцкистов. Этот заговор, как я уже сказал, сложился в 1932г., как организационное об "единение, которое не имело никакой платформы, которое не задумывалось на этой платформой, а попытки ее создания, которые были вначале, очень быстро были отброшены. Целью своей он имел захват власти методом террористической дезорганизации правительства, путем устранения и убиения

- 22 -

СТАЛИНА, как руководителя партии и страны, — и его ближайших соратников^а. Методом использования этой дезорганизации для прихода^к власти нашей и ТРОЦКОГО было то, что называется двуручничеством, т.е., завоевав предварительно доверие партии, и таким образом расчет на то, что, завоевав это доверие партии, мы в момент террористического удара будем иметь возможность принять участие, будем привлечены к руководству страной и партией. Это было сочетанием методов конспиративного террористического заговора с ^визуитским методом завоевания во внешнем мире доверия партии.

ВЫШИНСКИЙ: — Кто именно из троцкистов в этом принимал участие.

КАМЕНЕВ: — Центр заговора состоял из следующих лиц: со стороны зиновьевцев — из меня, ЗИНОВЬЕВА, ВЕДЬКОМОВА, БАКАЕВА и СУКИНА; со стороны троцкистов — ИРАНОВСКОГО, СМЕРНОВА и ТЕР-БАГАЯНА. В числе руководителей заговора можно назвать еще одно лицо, которое фактически принадлежало к руководителям, но виду особых расчетов наших, которые с этим лицом были связаны, не было привлекаемо к практическим мероприятиям этого заговора. Я говорю о СОКОЛЬНИКОВЕ.

ВЫШИНСКИЙ: — Который был членом центра, но строго законспирированным.

КАМЕНЕВ: — Да.

ВЫШИНСКИЙ: — Следовательно, ИРАНОВСКИЙ был в этом центре и он стоял на террористической платформе. А вот ТЕР-БАГАЯН, — какое у Вас, обвиняемый КАМЕНЕВ, имеются данные утверждать об участии ТЕР-БАГАЯНА в террористической деятельности.

КАМЕНЕВ — Тер-Ваганян в течение 1936г. от имени руководства троцкистов лично вел со мной переговоры, вел их очень настойчиво, причем выступал не как Тер-Ваганян, а выступал, как представитель центра, т.е. тройки Мрачковский, Смирнов и Тер-Ваганян. Если бы у меня было хоть малейшее сомнение в том что Ваганян не представляет тройки, а эта тройка не представляет Троцкого, то никаких разговоров с Тер-Ваганяном я бы не стал и не мог вести.

ВЫШИНСКИЙ — Вопрос о терроре в этих разговорах был отчетливо поставлен.

КАМЕНЕВ — Совершенно ясно.

ВЫШИНСКИЙ — Это было в 1932 году ?

КАМЕНЕВ — Да.

ВЫШИНСКИЙ — А дальше ?

КАМЕНЕВ — Затем, с Тер-Ваганяном я встречался в 1934г. осенью или в конце лета и начале осени, причем его позиция тогда была вполне естественной и точным воспроизведением и продолжением позиции блока, заключенного в 1932 году.

ВЫШИНСКИЙ — Т.е. он в это время стоял на той же самой террористической основе ?

КАМЕНЕВ — Да.

ВЫШИНСКИЙ — Следовательно, если он пытается говорить, что он не разделял эти позиции — это неправильно ?

КАМЕНЕВ — Это смешное виляние, которое будет производить комическое впечатление.

ВЫШИНСКИЙ — Со Смирновым вы встречались ?

КАМЕНЕВ — По случайным обстоятельствам не встречался.

ВО-ЕЧ

- 24 -

ВЫШИНСКИЙ - Разговоров не вели ?

КАМЕНЕВ - Нет.

ВЫШИНСКИЙ - О нем знаете только от Зиновьева ?

КАМЕНЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Что еще хотите сказать об об"единенном центре, о троцкистско-зиновьевском террористическом центре. Я понял, что вы хотите это предпослать к переходу к конкретным обстоятельствам.

КАМЕНЕВ - Совершенно верно. Этот центр, организовавшийся к началу осени 1932 года имел ряд совещаний, причем, так как это был не вообще центр какой нибудь политической партии, группы, а был центр террористический, то, естественно, он должен был и разговаривать о терроре и об устройстве плана террора. Поэтому на одном из первых совещаний центра он решил организовать в первую очередь террористическое покушение на Сталина и на ближайших его соратников, в первую очередь на Кирова.

ВЫШИНСКИЙ - Кто принимал участие в обсуждении этого вопроса и принятии решения персонально ?

КАМЕНЕВ - Персонально тот же самый центр, который я назвал. Это нельзя было представлять, что было заседание с повестками, на которых каждый расписывался и с голосованием поднятием руки. Совещание центра подпольной террористической организации в нашей стране таким образом не происходит. Часть центра совещалась совместно, часть членов центра принимали участие в решении этого вопроса путем опроса и переговоров между отдельными членами центра.

ВО-ЕЧ

- 24 а -

ВЫШИНСКИЙ - Но в Ильинском на даче вашей и Зиновьева совещание было ?

КАМЕНЕВ - Да, да.

ВЫШИНСКИЙ - Это когда было ?

КАМЕНЕВ - Повторяю, в конце лета или начале осени 1932г.

ВЫШИНСКИЙ - Вот на этом совещании и решали вопрос об убийстве Сталина и Кирова ?

КАМЕНЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Кто принял участие в этом совещании ?

КАМЕНЕВ - Я, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Куклин, Карев. На этом совещании Зиновьев, подводя итоги всем предварительным переговорам об об"единении сил троцкистов и зиновьевцев, заявил, что это об"единение есть совершившийся факт, сообщил, что переговоры со Смирновым заключают в себе директиву Троцкого о совершении терактов и переходе на совершение терактов.

... и что для него из этих же переговоров ясно, что троцкистская часть заговора под прямым влиянием и давлением своего руководителя из-за границы настаивает и требует от блока заговора в целях перехода к практическим мероприятиям. Это было сделано здесь, ибо сообщение Зиновьева о настоячивой требовательности троцкистов не вызвало у нас ни сомнений, ни какого либо сопротивления. Это было сделано здесь и выразилось в том, что на этом же совещании Зиновьев по предварительному соглашению поручил организацию террористического акта в Москве Бакаеву, а в Ленинграде Кареву.

ВЫШИНСКИЙ: Это решение Зиновьев передал в соответствии с решениями блока центра и по согласованию лично с вами?

КАМЕНЕВ: Да. Вслед за этим важнейшим совещанием блока было то, на котором был организован московский центр.

ВЫШИНСКИЙ: Это было когда?

КАМЕНЕВ: Это было через пару недель после этого совещания.

ВЫШИНСКИЙ: Летом? И в этот центр входил?

КАМЕНЕВ: Простите. Этот вопрос был возбужден Бакаевым и Рейнгольдом под влиянием практической необходимости. Приступив к выполнению того поручения, которое Бакаев имел, и подбору сил, которые могли бы быть впоследствии направлены в террористическую группу, они столкнулись с тем фактом, что в Москве идет параллельно террористическая работа, может быть, несколько ранее начавшаяся со стороны троцкистов. Ясное дело, что при существовании блока, единственных условиях сохранения параллельной террористической работы в том же городе и с теми же целями им, как людям, которым было поручено практическое выполнение этого дела, казалось явно нецелесообразным. Поэтому они обратились к центру с требованием вынесения решения об объединении террористической деятельности в данный практический центр. На этом настаивали Бакаев и Рейнгольд. Они указывали, что в Москве действует террористическая группа Дрейцера и что объединение этих групп должно быть осуществлено. Оно было осуществлено созданием московского террористического руководства, центра, группы, все рав-

31
213

- 26 -

но как это назвать, - в которую вошли и троцкисты, и зиновьевцы. Состав ее был таков: Бакаев, представитель центра и общий руководитель, Рейнгольд, Богдан - представители зиновьевской части, Дрейцер и еще один троцкист, фамилии которого я не помню, со стороны троцкистов. Это был ближайший практический шаг, который был осуществлен центром.

Затем, повидимому, раньше чем эти группы могли перейти от подбора кадров к их втучке, к техническому обучению и подготовке, раньше чем они смогли перейти к попыткам осуществления (я говорю, повидимому, насколько я себе так представляю) произошел провал, провал, коснувшийся руководителей центра и рядовых лиц, которые должны были послужить кадрами для этого заговора.

Я и Зиновьев были высланы, Смирнов вскоре был арестован и вместе с ним была арестована целая группа троцкистов, десятки троцкистов, насколько я знаю, среди которых, конечно, должны были вербоваться и террористические кадры этого заговора.

Этот провал, последующий в конце 1932 года, задержал выполнение практических планов, он задержался не только нашим физическим отсутствием, но он внес серьезные изменения в политическую обстановку совершения этих актов. Ибо, как здесь кто-то указывал, что является не его измышлением, а результатом всей политики центра, совершение террористических актов в тот момент, когда Зиновьев и Каменев были явно уличены, как враги партии и подверглись высылке, нарушало весь тот чудовищный план сочетания завоевания доверия и террора, на котором базировался весь наш план.

ВЫШНСКИЙ. Правильно.

КАМЕНЕВ. Затем, устранение тех или других лиц из руководства без возможности немедленного использования этого для нашего прихода к власти, теряло для нас политический смысл.

ВЫШНСКИЙ. Весь вопрос был во власти?

КАМЕНЕВ. Это вы установили.

ВЫШНСКИЙ. Поэтому план был отложен, задержался?

КАМЕНЕВ. Поэтому план задержался, не только по причине нашего физического отсутствия в Москве, но из соображений политического нашего восстановления в доверии партии.

Когда мы вернулись в Москву, мы ничего не пересматривали в основах блока и те черты, которыми я характеризовал этот заговор 1932 г. (я не стану их повторять, это беспринципность, терро-

ристические методы в расчете на привлечение более широких контрреволюционных групп и т.д., - так вот здесь мы ничего не пересматривали, но в методах осуществления пересмотр должен был произойти и он произошел. В каком смысле? В том смысле, что после провала должны были быть углублены обе линии, по которым двигался этот заговор: и линия конспиративно-террористической подготовки и линия вот этого иезуитского двурушничества. И то и другое должно было быть углублено, заговор должен был быть спущен еще ниже и еще более законспирирован. Заговор должен был быть потенцирован и возведен в высшую степень конспирации, имея ввиду, что только что произошел провал.

Эта необходимость подготовить политическую почву для использования террористического акта, она и задержала выполнение террористических актов, приступ к ним, к их выполнению, не только на основе нашего физического отсутствия, но и на пару месяцев после нашего возвращения.

Здесь я должен сказать, что то, о чем другие подсудимые говорили дробно и рассеянно, возможно потому, что так это до них доходило, - я, как руководитель и организатор этого заговора, считаю своим долгом показать, что приблизительно в августе месяце наступил момент чрезвычайного обострения и форсирования террористического заговора.

Мотивами и толчками, которые привели к этому форсированию, были два обстоятельства: во-первых, срыв двурушнической политики Зиновьева. То, что после провала было в смысле продвижения к цели заговора достигнуто, т.е. его жат поступление в редакцию "Большевика", его сотрудничество в "Правде", все это в определенный момент сорвалось.

Это была не только личная неудача ЗИНОВЬЕВА, это был сигнал того, что политика рассчитанная на завоевание доверия партии в каждый момент может сорваться. Для нашей верхушки этого заговора борьба реакции на участие Зиновьева в "Большевике" сорвалась репрессией, которая была проведена в виде снятия ЗИНОВЬЕВА с "Большевика". Наконец, мотивы, которые были указаны в решении и которые я не их хочу сейчас оглашать, т.к. они не имеют непосредственного отношения к настоящему делу, но все-же скажу, что в Мотивах было указано на троцкизм. Вот это обстоятельство показало нам, что на верху в руководстве быть может проникли сведения о нашей связи с Троцким и что этот удар по легальной деятельности Зиновьева - есть сигнал, который должен предупредить нас с тем, что эта самая двуррушническая политика может сорваться.

Это был самый важный момент, ибо к нашим соображениям нужно прибавить все выводы, которые сформулировал Зиновьев - это вывод о том, что политика двурруш/ническая срывается, отсюда, следовательно, прогноз Троцкого, который в момент разрыва с нами в 1927 г. предупреждал, что политика ^{вконец} ~~двуррушническая~~ <sup>в пор-
ническая</sup> ~~двуррушническая~~ ^{утор-} ~~двуррушническая~~, которую мы всегда отстаивали, есть самообман и что этого никогда не удастся сделать. Затем второй вывод, что Троцкий, таким образом, прав в том, что невозможно никакое достижение наших целей без быстрых решительных методов - террористической дезорганизации правительства и/ наконец, третий вывод это то, что Вы прочли из моих показаний, что положение Троцкого представляется завидным по сравнению с Зиновьевым.

Таким образом эти выводы показали необходимость форсировать политику террористического заговора, кроме этого, другим толчком было получение новой директивы Троцкого, которое приблизительно совпало (я не могу сейчас сказать точно день) с тем обострением этих вопросов, которые я сейчас охарактеризовал.

217

Троцкий, как нам передавали, требовал форсирования террористических актов, это было сообщено, как сейчас нам всем известно, в письме к ДРЕЖЦЕРУ, которое потом перешло к МРАЧКОВСКОМУ, а от Мрачковского к ТЕР-ВАГАНИНУ, а затем к нам.

218

ОД/ЕМ

- 31 -

... но, повторяю, что мы ни капельки не сомневались в точности этой передачи и, во-вторых, что это форсирование, настойчивость и нажим со стороны Троцкого не только нас не удивляло, но казалось вполне естественным следствием его позиции. Если мы, которые в прошлом периоде проявляли некоторое колебание, в котором он, Троцкий, обвинял в иллюзорности примирения с партией, то у Троцкого никогда этих иллюзорностей не было, и база его отправная точка о невозможности построения социализма в одной стране приводила к тому, что это есть кровавый эксперимент, произведенный над людьми, волей Сталина.

Кроме этого для Троцкого, находящегося за границей был совершенно ясен тот путь возвращения к власти, который лежит только через трупы. Было это ясно и для нас. Но тем с большей остротой должен был сознавать руководитель контр-революционной группы, который был изгнан за пределы страны. Поэтому полученная осенью 1934 года директива Троцкого с нажимом насчет практического осуществления террористических актов против Сталина и его ближайшего окружения не только вызвало у нас сомнение и колебание, но казалось нам вполне естественным последствием проведения той политики, которую указал Троцкий в 1932 году, и которую проводили представители в лице названных здесь уже лиц.

Мы узнали, что Троцкий вступил во II-й Интернационал и хотя случаи перехода людей, бывший когда либо в III-м Интернационале во II-й Интернационал мы слышали уже ранее, но никогда не слышали в истории, чтобы кто-либо переходил для примирения с коммунистической партией, всегда делалось для борьбы с коммунистической партией, и, конечно, этот переход был

- 32 -

оценен нами как обострение борьбы с коммунистической партией.

Открытый переход с развернутыми знаменами во П-й Интернационал, настойчивость, которую проявляли представители троцкизма в стране - Крейцер, практически ведущий работу, Мрачковский, переговоры с Тер-Ваганяном - все это было действительным толчком к тому, чтобы ускорить, форсировать совершение террористических актов. Организационно это получило завершение в том, что было принято решение форсировать убийство Сталина и убийство Кирова.

Бакаеву было поручено выполнение этих актов.

Он должен был съездить в Ленинград и проверить ведущуюся там работу. Здесь в Москве кадры, которые находились в распоряжении БАКАЕВА, РЕЙНГОЛЬДА и ДРЕЙЦЕРА, должны были быть приведены в боевую готовность. Я лично встретился во время одной из поездок в Ленинград с ЯКОВЛЕВЫМ, о котором мне было известно, что он после ареста КАРЕВА принял на себя функции общего руководства зиновьевской организации в Ленинграде. Из разговора с ЯКОВЛЕВЫМ я узнал, что у них произошло об'единение с троцкистами на террористической основе; он назвал мне имя того, как он говорил, выдающегося, с точки зрения пригодности к данному делу, троцкиста, которое мне ничего не сказала и которое я поэтому и не помню. Я подтвердил ЯКОВЛЕВУ о том, что решение 1932 г. - то решение, которое ему передал еще КАРЕВ перед арестом, остается в полной силе, и я одобрил его предложение - организовать параллельно существовавшим, уже действовавшим в Ленинграде группам КОТОЛЬНОВА и РУМИНЦЕВА - группу, которую ^{ую он} должен был возглавить. Что касается поездки БАКАЕВА в Ленинград, то, вернувшись, он рассказал мне, нам всем то, что он здесь повторил на суде. Несчастье, конечно, заключается в том, что нам, террористическому центру, о своей встрече с НИКОЛАЕВЫМ и со всей организацией он сказал за два года до того, как он рассказал на суде. Из сообщения БАКАЕВА, из его поездки явствует, что в Ленинграде все подготовлено к совершению террористического акта. Чтобы не забыть, я должен отметить еще факт, относящийся к этому же времени. Это - о встрече с МРАКОВСКИМ...

ВЫЛИНСКИЙ:- БАКАЕВ вернулся из Ленинграда и рассказал, что все готово. Что именно он сказал.

221

- 24 -

КАМЕНЕВ: - Он сказал буквально то, что он здесь рассказывал.

ВЫШИНСКИЙ: - Следовательно, Вам после 1934 г., за пару месяцев до убийства т. КИРОВА, было известно и имя НИКОЛАЕВА, судимого убийца КИРОВА, и имена всех других - его сообщников.

КАМЕНЕВ: - Да, только это было не за два месяца, а меньше - в начале ноября.

ВЫШИНСКИЙ: - Я вспоминаю Ваши показания на суде Военной Коллегии

Б-16 января 1935 г. Вы тогда клялись, что Вы в этом деле не участвовали, что Вы берете на себя только моральную ответственность. Что Вы скажете по этому поводу сейчас.

КАМЕНЕВ - Да, это было продолжение того же двурушничества, на котором базировалась наша политика.

ВЫШИНСКИЙ - Убийство Кирова это дело непосредственно Ваших рук?

КАМЕНЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Когда Бакаев вам рассказал о том, что все готово, ~~или~~ вы к этому отнеслись ~~и~~ так, что вы были членом ~~центральной комиссии~~ и отнеслись к этому как к задаче которая должна быть выполнена.

КАМЕНЕВ - Да, точно.

ВЫШИНСКИЙ - Вы сами проверяли подготовку ленинградской группы ?

КАМЕНЕВ - Нет, я считаю эту фразу в обвинительном акте единственной неточной фразой, которую я хотел бы оговорить, хотя, конечно, по сути дела она ничего не меняет, но приписывание мне задач инспектирования или проверки неточно уже потому, что я не виделся тогда с основной группой и ничего в ней не знал. Это я говорю о группе Румянцева и Котлимова. Я виделся только с Яковлевым, который сам вел работу ~~и~~ параллельно, а не совместно. Конечно, если бы тогда стояла задача о проверке, в июле 1934 г., то я, как член центра, не отказался бы эту работу выполнить, я просто констатирую, что центр мне этого не поручал, а я сам по своей инициативе этой проверки не производил.

ВЫШИНСКИЙ - Об этой проверке вы знали только со слов Бакаева ?

КАМЕНЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Вы были в июле 1934 года в Ленинграде ?

КАМЕНЕВ - Да.

41
203

ВО-ЕЧ

- 36 -

ВЫШИНСКИЙ - Вы виделись с Яковлевым, говорили и поручали ему организацию убийства ?

КАМЕНЕВ - Да, параллельно.

ВЫШИНСКИЙ - А почему параллельно, когда там уже велась работа, для большей верности ?

КАМЕНЕВ - Да, других мотивов не было.

ВЫШИНСКИЙ - Какие вы давали конкретные указания Яковлеву?

КАМЕНЕВ - Никаких конкретных указаний я не давал, повторяю, я сказал, что решение остается в силе, что задачи остаются старые, это было в июне, а не в августе и на его предложение перейти к осуществлению этих заданий, я выразил согласие, хотя к этому времени я уже знал, что существует другая группа.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, вы не только приняли участие в обсуждении вопроса об организации убийства Кирова, но вы были в курсе всей работы группы Николаева, Коталнинова и кроме этого вы еще самостоятельно поручили такую же организацию теракта против Кирова и Яковлеву.

КАМЕНЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Правильно ?

КАМЕНЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - У меня один вопрос. Вы говорили о разных группах с которыми вы искали связи, о группе Шляпошниковой и Медведева и группе правых. Вы говорите, что в 1933-34 г. в отношении Томского, Бухарина, Рыкова, вы сказали, что они точно также разделяли необходимость применения острых методов борьбы?

КАМЕНЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Скажите, в чем заключались эти острые методы

~~224~~

ВО/ЕЧ

- 36-а -

борьбы, которые пропагандировали или разделяли в беседах с вами эти три лица, или каждый из них в отдельности.

КАМЕНЕВ: Я не могу сказать, что они пропагандировали, у меня таких сведений нет.

ВЫШИНСКИЙ: Но с вами они беседовали?

КАМЕНЕВ: С Рыковым я не виделся в то время. Конкретный политический разговор у меня был только с Томским. Бухарин явно конспирировал и предпочитал, чтобы эти переговоры велись с Томским. Томский мне не пред"явил доверительных грамот, но мне ясно, что он говорил от имени всей этой тройки, что подтверждается тем, что когда я спросил у Томского, каково настроение у Рыкова, он ответил, что Рыков думает так же как я. На вопрос, что же думает Бухарин, он ответил: Бухарин думает то же что я, но проводит несколько иную тактику - тактику усиленного внедрения в партию и завоевания доверия личного руководства.

ВЫШИНСКИЙ: Это та же тактика, что и вы проводили?

КАМЕНЕВ: Причем я должен добавить, что я думал, что у Бухарина это не выйдет. Что касается Томского, то позиции, которые он занимал в 1932-1933 и 1934 году ^{своими} к тому, что политика партии и правительства гибельна, что страна должна быть избавлена от этого правительства, что рассчитывать на широкое, массовое какое-либо движение, несмотря на то, что по его мнению массы недовольны, все же рассчитывать на массовое движение невозможно. Поэтому я с абсолютной ответственностью могу утверждать, что его расчет был построен на катастрофе террористического характера, которая должна была бы ослабить и дезорганизовать верхушку. Что касается практического участия их в блоке, то я могу сказать, что Томский знал о нашем соглашении с троцкистами, не выражал желания примкнуть к блоку тоже по причинам естественным и понятным, диктовавшимся его положением в партии. Мы были люди отрезанные.

ВЫШИНСКИЙ: Конечные.

КАМЕНЕВ: Конечные, а они были членами ЦК. Поэтому сохранение ими позиции людей, присутствующих в ЦК, имеющих право голоса в ЦК, пользующихся материалами ЦК, имело для нас чрезвычайную

77
226

важность именно в тот момент, когда, как нам казалось, наши чудовищные цели могли быть выполнены. Было чрезвычайно важно в момент, когда разразился бы террористический акт центральный, иметь в ЦК, в этом штабе, который должен был бы немедленно собраться и определить ближайшую политику группы цекистов, голос которых в этот момент раздавался бы громко и который, как мы имели все основания думать, проводил бы политику нам желательную, т.е. политику привлечения нас к переговорам, привлечение нас к власти.

Группа эта состояла из правых, Сокольников, который пользовался этими же самими правами с их стороны. Это был мотив, по которому вовлечение этих лиц в прямую организационную связь с блоком был просто политическим с нашей стороны. С их стороны ихние методы борьбы определялись тоже этим самым наличием их в ЦК. Еще в 1929 году, когда мы с Троцким и Бухариным совместно обсуждали их положение и они прибегли к моему совету как человека, который уже прошел через то, через что им еще предстояло пройти, и тогда Томский и Бухарин в полной солидарности с Рыковым говорили, что нашей ошибкой было то, что мы в 1926-1927 г.г. не учли своеобразия их положения, при котором сохранение позиций в ЦК является одним из главных опорных пунктов для блока, который желает развивать свою деятельность.

И тогда он говорил: мы не позволим сделать с собой то, что сделали с вами, ни за что не позволим вывести себя из ЦК и сделаем все, чтобы сохранить себя в ЦК. Эту политику, они проводили до 1934 года и позиция Томского, Бухарина и Рикова в 1934 году определялась в основном той же линией, которая была у нас.

ВЫШИНСКИЙ. Я говорю не об этой общей позиции. Я хочу внести ясность в одном вопросе об этих острых методах борьбы. Так, прикажите понимать вас, что из разговоров с Томским, вы усвоили себе, что эта тройка — Томский, Бухарин, Риков разделяли и в 1934 году вашу террористическую позицию?

КАМЕНЕВ. Я не могу точно сказать разделяли, вообще слово разделяли...

ВЫШИНСКИЙ. Возьмите другое слово, такое, которое соответствует истинному положению вещей.

КАМЕНЕВ. Да, в точном соответствии с действительностью, то что я могу сказать перед любым человеком и человеком, которого я сейчас обвиняю — это то, что мое сообщение о террористической деятельности у Томского не вызвало не только...

ВЫШИНСКИЙ. Вы ему сообщили об этом?

КАМЕНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Он знал о вашей террористической деятельности?

КАМЕНЕВ. Да. Не вызвало не только никакого сопротивления...

ВЫШИНСКИЙ. Но...

КАМЕНЕВ. Но, наоборот, для меня было совершенно ясно, что он ~~скроит~~ свою политическую деятельность на успехе этого.

ВЫШИНСКИЙ. На успехе террористических актов?

КАМЕНЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И это было по вашему представлению не только точной зрения Томского, но и всей этой группы?

КАМЕНЕВ. Я не спрашивал точно его в отдельных пунктах, но я не обнаружил никаких разногласий между ними во всем об"еме их политической деятельности.

ВЫШИНСКИЙ. У меня вопросов больше нет.

КАМЕНЕВ. Я хотел бы только добавить о Мрачковском. Я должен заметить суду, весьма вероятно, что при том методе опроса, который был здесь применен, я может быть кое-что из того, что имел сообщить, в мелочах и деталях может быть упустил, но мне не хотелось бы упускать момент с Мрачковским.

Эта беседа происходила в тот момент, когда обострение и форсирование террористических методов вполне уже наметилось. Мрачковский упустил из виду, что в этой беседе я не только информировал его о том, что блок, заговор продолжается и ^{но и} нехотая встретил с его стороны прямое подтверждение того, что троцкисты, он лично, а следовательно и Троцкий, целиком продолжают и осенью 1934 года отстаивать эту же самую линию, на основе которой был заключен блок. Это было самое важное в беседе с Мрачковским, подтверждение им, человеком, который для нас всегда был прямым воспроизведением директив Троцкого, подтверждение того, что они настойчиво продолжают стоять на террористических позициях.

Это первое. А второе, Мрачковский вероятно случайно забыл. Я поднимал перед ними вопрос, который обсуждался нами предварительно, вопрос о возможности замены нашего центра в случае провала.

ВЫШИНСКИЙ. Запасной центр.

КАМЕНЕВ. Да. Конечно, в случай провала обсуждался гораздо меньше и гораздо скромнее, чем случай успеха, но все-таки обсуждался и он.

229

Зная, что может быть этот провал мы наметили узенькую группу, которая продолжала бы эту террористическую деятельность. Нами для этой цели был намечен СОКОЛЫНИКОВ, а это и есть то особое положение его, о котором я указывал в своем показании. Со стороны Троцкистов нам казалось, что эту роль могут с успехом выполнить СЕРЕБРЯКОВ и РАДЕК. И вот с вопросом о том, правильно ли наше предположение насчет этих двух последних троцкистов, - я и обратился к Брачковскому, от которого получил указание, что - да, что СЕРЕБРЯКОВ и РАДЕК, по их мнению, смогут сыграть роль замены, если наша руководящая группа, коче чаяния, провалилась бы.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Каменев, скажите относительно заматания следов. У Вас был разговор с РЕЙНГОЛЬДОМ и ЗИНОВЬЕВИМ относительно заматания следов вашей преступной деятельности.

КАМЕНЕВ: Нет никакого сомнения, что в случае удачи преступлений и нашего прихода к власти заматать участие наше в террористических актах было абсолютно необходимо, но то толкование о заматании следов, которое дает здесь Рейнгольд, - это нелепость.

ВЫШИНСКИЙ: Вы БАКАЕВА пытались приспособить для заматания следов.

КАМЕНЕВ: Гражданин Прокурор, прежде чем говорить (Прервал Вышинский)

ВЫШИНСКИЙ: Позвольте получить от Вас точный и конкретный ответ.

КАМЕНЕВ (продолжает): БАКАЕВА мы не приспособливали для заматания следов.

ВЫШИНСКИЙ: Чем вызвано Ваше показание от 10 августа, где Вы говорите, что "в августе 1934 г. на моей квартире я, Зинovieв и Рейнгольд говорили о том, что после захвата власти БАКАЕВ будет назначен руководителем ОГПУ и использует свое положение для того, чтобы замести следы наших преступлений".

РЕЙНГОЛЬД: Это преклоченный роман.

ВЫШИНСКИЙ: Мы это потом оценим. (Обращаясь к обвиняемому Каменеву) Я спрашиваю, у Вас такой разговор был относительно БАКАЕВА, что Вы хотели его назначить руководителем ОГПУ, который использует свое положение для заматания следов преступлений.

230⁴⁸

ИТ/ЛК

КАМЕНЕВ: Заметание следов террористических преступлений должно было быть общим делом всей нашей власти.

ВЫШИНСКИЙ: Мы знаем, что из себя представляет "общее дело".

Я спрашиваю, намечала ли наша организация использовать БАКАЕВА для того, чтобы замести следы совершенных Вами преступлений.

КАМЕНЕВ: Не только БАКАЕВА, но и других намечала наша организация

КАМЕНЕВ: Не только повторяю, БАКАЕВА, но и всех.

ВЫШИНСКИЙ: Я вас спрашиваю о Бакаеве и именно в качестве председателя ОГПУ.

КАМЕНЕВ: Отчасти да.

ВЫШИНСКИЙ: Это о чем говорит, Как будто вы хотели направить руку ОГПУ, если бы оно оказалось в вашей власти.

КАМЕНЕВ: Вы настаиваете на важности вопроса, я утверждаю, что использование органов государственной безопасности после совершения террористических актов отнюдь не исчерпалось бы и отнюдь не могло быть в данном случае направлено к уничтожению исполнителей, а можно было бы направить на ложные следы по исследованию этих актов. Бакаев, будучи председателем ОГПУ, если бы это осуществилось, мог использовать этот аппарат для наведения следствия, которое было бы неизбежным, на ложный след. Это, чтобы навести следы, но не для того, чтобы расстреливать людей, уничтожать людей, которых мы посылали на совершение этих актов, как говорил Рейнгольд.

ВЫШИНСКИЙ: Рейнгольд, что это значит. Сейчас меня интересует Бакаев. Ставка у вас была замести следы. Зиновьев вчера говорил — путем преступления, путем уничтожения. Я прошу Рейнгольда еще раз это расшифровать.

РЕЙНГОЛЬД: Здоровый литературный вкус Каменева подсказывает правильный путь заматывания следов — все это бумажки взять и сжечь. Здоровый литературный вкус Зиновьева, о чем говорил Пикель толкнуло Богдана и привело его к тому, что он, не будучи в силах провести данное ему задание — убить Сталина, покончил самоубийством, потому что он не мог выполнить дело, которое поставили перед ним Каменев и Зиновьев.

- 44 -

Пусть Каменев попробует отречься от этого.

КАМЕНЕВ: Я абсолютно отрицаю.

БАШИНСКИЙ: Значит отвергаете.

КАМЕНЕВ: Потому что я не знаю этого факта.

РЕЙНГОЛЬД: Я утверждаю, что в том утверждении, о котором шла речь, хотя он сделал изящный переход, в котором сказано, что прокурор не дал ему сказать полностью, то при уточнении, под нажимом должен был признать, что утверждение это было. Теперь отступает на вторую позицию, которая заключается в том, что до обсуждения вопроса о заметании дт следов, Бакаев должен стоять одной ногой на улице, другой в ОГПУ, и он признал сам, что Бакаев должен быть уничтожен, чтобы замести следы, хит и боевики-террористы, которые могли бы непосредственно стрелять и потом выдать организацию, как не особенно надежные люди. Не меня, не Пикеля, которым доверяли.

51
243
Мем. ВГ
Ст: МГ

- 45 - 46 -

... а вот таких людей - боевиков-террористов, которые в этом смысле могли бы оказаться ненадежными, - их может быть придется физически уничтожить для того, чтобы полностью скрыть следы преступления, - это факт. И пусть КАМЕНЕВ не прикидывается тут таким невинным творением; он - политик прожженный, который добивался бы к власти через горы трупов. Что, он остановился бы перед тем, чтобы уничтожить одного - двух террористов? Он перед этим впадает тут в ужас и истерику... Никто ему не поверит.

ПРИОБРАТКА:- Объявляю перерыв на 20 минут.

Iskoluel

camp 234-246

20 viii yango

234⁵³

ВО-ЕЧ

- 47 -

Комендант - Суд идет, прошу встать.

Садитесь пожалуйста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Заседание продолжается. Тов. комендант

пригласите свидетеля Яковлева.

ТЕР-БАГАНИН - Можно задать Каменеву вопрос .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - (к свид. Яковлеву) Ваша фамилия Яковлев Моисей Натанович (?) .

ЯКОВЛЕВ - Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Так как свидетель Яковлев вызван по ходатайству Прокуратуры, слово предоставляется Прокурору.

ВАШИНСКИЙ - Я хочу спросить относительно связи Каменева в связи с его террористической деятельностью, и вами, как привлекающемуся по другому делу.

ЯКОВЛЕВ - С 1926 года я являлся активным участником троцкистско-зиновьевской организации, ставившей своей задачей свержение партийного руководства. С 1926 по 1927-й я был членом Ленинградского центра, был теснейшим образом связан с троцкистско-зиновьевским центром в лице Зиновьева, Евдокимова и друг. После 1927 года я обманул партию и продолжал активнейшую контр-революционную деятельность, возглавляя так. называемую группу насилеострошцев. В 1931 году Карев и я организовали контр-революционную организацию в академии наук.

ВАШИНСКИЙ - Какое отношение вы имели к этому учреждению?

ЯКОВЛЕВ - Я состоял работником академии наук.

ВАШИНСКИЙ - Научным работником ?

ЯКОВЛЕВ - Научным работником и научно-организационным.

Связь с зиновьевцами в этот период 1931-32г. шла через Карева, который получал неоднократные директивы от Зиновьева и Каменева. В 1932 году осенью, приблизительно в сентябре Карев мне сообщил, что он был у Зиновьева и Каменева за директивами, которые

235-54

ВО-ЕЧ

- 48 -

сообщили ему, что восстановлен блок с троцкистами и что на об"единенном центре, троцкистско-зиновьевском центре, в ютором участвовали Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Смирнов, Мрачковский, было решено, что основным методом борьбы с партией и советской властью является террор, что решено организовать теракты на Сталина и Кирова. На Сталина потому, что этим путем думали расшатать единство партии и вернуть к руководству Троцкого, Зиновьева и Каменева. На Кирова, с тем чтобы расшатать ленинградскую организацию и получить возможность развернуть контр-революционную деятельность и захватить руководство. И с этими установками согласился. Карев в Ленинграде установил контакт, на основе этих директив, с одним из руководителей троцкистской организации Ленинграда, ^{Зайделем} на основе террора как основном методе борьбы с советской властью. После ареста Карева, я в 1933-34 г. поддерживал эту связь с Зайделем. В 1934 году я был приглашен в Ленинград Каменевым в академию наук, которого я информировал о контр-революционной организации в академии наук и ~~принял~~ про те установки, которые я получил от Карева - постановление центра о терроре. Каменев сказал, что эти установки приняты на об"единенном центре с участием Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Мрачковского, Смирнова и Тер-Ваганяна.

Каменев мне сказал, что руководителем боевой организации и центра является БАКАЕВ. Каменев от имени центра поручил мне организовать террористическую группу контрреволюционной организации Академии Наук. Я это поручение принял. Каменев указал мне, что такие же задания по подготовке терактов даны и другим группам. В Москве ведется работа по подготовке покушения на СТАЛИНА, а в Ленинграде поручение совершить теракт дано группе Румянцева-Котолынова, которая и совершила теракт.

Те же директивы я получил осенью 1932 года от БАКАЕВА через Маторина, аналогичную директиву. Во исполнение этой директивы я организовал террористическую группу в составе СЕДИХА УРАНОВСКОГО и ВУСЫГИНА. УРОМОВСКИЙ обследовал пути следования т. КИРОВА, а ВУСЫГИН расследовал места работы КИРОВА и места куда проходит машина его. И тот и другой установили возможность совершения теракта. Я должен добавить, что Каменев просил меня, чтобы я, организовывая группу, не делал никаких ссылок на Зиновьева и Каменева, а делал ссылку только на Бакаева.

ВЫШИНСКИЙ:- Когда Вы виделись с Каменевым?

ЯКО ВЛЕВ:- Я виделся с Каменевым в конце июня в 1932 году, в Академии Наук, в здании Академии Наук.

ВЫШИНСКИЙ:- И там у Вас был разговор с Каменевым о вашей террористической деятельности?

ЯКО ВЛЕВ:- Простите, это было в 1934 году, в 1932 г. я Каменева не видел.

ВЫШИНСКИЙ:- Значит, вы видели Каменева в июне 1934 г.?

ЯКО ВЛЕВ:- Да.

ВЫШИНСКИЙ:- А в 1932 г. Вы его видели?

ЯКО ВЛЕВ:- Нет.

ВЫШИНСКИЙ:- Можно спросить Каменева?

ПРЕДСИД.:— Можно.

ВЫШИНСКИЙ:— Идет речь о июне 1934 г., а не о июне 1932 года ?

КАМЕНЕВ:— Да.

ВЫШИНСКИЙ:— Обвиняемый Каменев в своих показаниях говорил о Яковлеве. (Обращается к свидетелю) Повернитесь к нему. (Обращается к Каменеву) Это именно тот самый Яковлев ?

КАМЕНЕВ:— Он самый.

ВЫШИНСКИЙ:— И Вы с ним виделись ?

КАМЕНЕВ:— Виделся

ВЫШИНСКИЙ:— Вы ему поручили работу по подготовке террора параллельно с группой Румянцева-Котолунова ? Вы подтверждаете это ?

КАМЕНЕВ:— Да.

ВЫШИНСКИЙ:— А Вы, ЯКОВЛЕВ, это подтверждаете ?

ЯКОВЛЕВ:— Да.

ВЫШИНСКИЙ:— Значит, в июне 1934 года Вы встретились с Каменевым. Воспроизведите разговор у вас кратко, но по возможности точно.

ЯКОВЛЕВ:— Я рассказал Каменеву о контр-рев. организации в Академии Наук, организованной Каменевым и мною. И рассказал о директиве, полученной в 1932 г. КАРЕВЫМ. Каменев подтвердил правильность этой директивы и сказал, что на объединенном центре террор принят основным методом борьбы с ~~явными~~ советским руководством. Каменев заявил, что решено совершить террористические акты над СТАЛИНЫМ, ~~или~~ и КИРОВЫМ ; что соответствующая подготовка ведется в Москве и в Ленинграде и поручил мне организовать террористическую группу.

ВЫШИНСКИЙ:— Вы приняли это поручение ?

ЯКОВЛЕВ:— Да.

ВЫШИНСКИЙ:— И выполнили ее в тех размерах, в которых вы сказали ?

ЯКОВЛЕВ:- Да.

ВЫШИНСКИЙ:- Конкретно, у вас был с Каменевым разговор, какими методами какими приемами действовать ?

ЯКОВЛЕВ:- Каменев мне сказал, что на данном этапе идет речь о подготовке терактов.

ВЫШИНСКИЙ:- А был рассказ о другой группе ?

ЯКОВЛЕВ:- Да, Каменев мне сказал, что подготовка теракта ведется также группой Румянцева - Котолнинова.

ВЫШИНСКИЙ:- А Вы не спросили, кто они такие ?

ЯКОВЛЕВ:- Я Румянцева и Котолнинова знал, я с ними встречался в 1932-37 гг.

239
А.А.
ЕН.

- 51 -

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали его по подполью?

ЯКОВЛЕВ. Да, по контрреволюционному подполью.

ВЫШИНСКИЙ. Фамилию Николаева вам не называли?

ЯКОВЛЕВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Говорилось только о группе Румянцева-Котолднова?

ЯКОВЛЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. У меня больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Каменев, есть у вас вопросы к Яковлеву?

КАМЕНЕВ. Нет.

БАКАЕВ. У меня есть. Свидетель Яковлев заявил, что после 1932 года он получил аналогичную с каменевской директиву от меня о подготовке террористического акта. Где и при каких обстоятельствах это было?

ЯКОВЛЕВ. Я сообщил, что я получил ее через Моторина.

БАКАЕВ. В 1932 году?

ЯКОВЛЕВ. В 1934 году, я оговорился. В 1932 году у меня был разговор с Каревым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Бакаева не встречали.

ЯКОВЛЕВ. Нет. Моторин мне передал в сентябре 1934 года.

ВЫШИНСКИЙ. Вы Моторина знаете, подсудимый Бакаев.

БАКАЕВ. Знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы его знаете?

БАКАЕВ. Как зиновьевца.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были с ним связаны по подпольной работе?

БАКАЕВ. Иногда, случайно встречал, постоянной связи с ним не имел.

ВЫШИНСКИЙ. Он знал вас как троцкистско-зиновьевского агента?

БАКАЕВ. Да, знал.

ВЫШИНСКИЙ. Больше у меня вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К свидетелю нет вопросов? (свидетеля выводят из зала).

240

- 52 -

ТЕР-БАГАНИН. У меня вопрос к Каменеву. Мне хотелось бы, что бы Каменев сказал, при каких обстоятельствах была наша осенняя встреча и кто присутствовал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Осенняя встреча какого года?

ТЕР-БАГАНИН. Речь идет о 1934 году.

КАМЕНЕВ. Осенью 1934 года я встречался с БАГАНИНОМ несколько раз. Несколько раз он был у меня в моем деловом кабинете. Один раз он присутствовал, и об этом речь идет, у меня на квартире в Карманицком переулке. Время сейчас точно не помню, в августе или сентябре, в конце осени 1934 г. Кроме него там присутствовали Зиновьев, Евдокимов, Бакаев и Рейнгольд.

ТЕР-БАГАНИН. Вы в своих показаниях говорите, что на одной из этих встреч присутствовали Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский, Тер-Баганин.

~~ТЕР-БАГАНИН~~

КАМЕНЕВ. Я Мрачковского не помню на этом совещании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Тер-Баганин, вы кому вопрос задаете?

ТЕР-БАГАНИН. Я хочу выяснить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы задали вопрос Каменеву. Он вам на это ответил.

ТЕР-БАГАНИН. Вопрос заключается в следующем: есть расхождение между составом этого совещания, на который указывает Каменев. Это было одно или два совещания?

КАМЕНЕВ. Повидимому одно.

ТЕР-БАГАНИН. Разрешите этот вопрос выяснить или вы считаете его неважным для выяснения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы отрицаете свое присутствие на этом совещании, о котором идет речь?

ТЕР-БАГАНИН. Безусловно отрицаю. Я хотел бы только отметить, что прокурор сделал вывод из показаний Каменева, будто Каменев меня изобличает в разговоре, имевшим место в 1934 году. Однако у Прокурора имеются мои показания от 14 числа, где

241⁶⁰

- 52-а -

сказано об этом разговоре и эти разговоры отнесены, как и полагается, к апрелю 1934 года в кабинете у Каменева в академии. Единственные два раза, когда я с Каменевым встречался в 1934 году, это было в апреле месяце в кабинете у Каменева в академии.

После апреля месяца я с Каменевым не встречался ни разу.

ВИШИНСКИЙ: Следовательно, Вы утверждаете, что после апреля м-ца

Вы с Каменевым не встречались. Спросим Каменева.

УЛЬРИХ: Обвиняемый Каменев, объясните.

КАМЕНЕВ: Мы с ТЕР-ВАГАНЯНОМ встречались осенью 1934 года у меня на квартире, в моем деловом кабинете.

ВИШИНСКИЙ: Обвиняемый Тер-Ваганян, Вы подтверждаете это показание Каменева, что Вы с ним встречались в 1934 г. в его деловом кабинете.

ТЕР-ВАГАНЯН: Я встречался с Каменевым в апреле м-це.

ВИШИНСКИЙ: Но Вы все-же в 1934 году с ним встречались.

ТЕР-ВАГАНЯН: Встречался в кабинете Академии.

ВИШИНСКИЙ: С глаз^я на глаз.

ТЕР-ВАГАНЯН: Один раз с глаз^я на глаз, а в другой в присутствии еще некоторых людей.

ВИШИНСКИЙ: Обвиняемый Каменев, какие у Вас были разговоры с Тер-Ваганяном.

КАМЕНЕВ: Разговоры были рабочего порядка. Мы были членами центра, а поэтому встретившись с Тер-Ваганяном после длительного разрыва, мы возобновили разговор на том/ пути, на котором этот разговор нач был оборван в 1932 году. При этом разговоре я увидел, что ТЕР-ВАГАНЯН продолжает оставаться на той же позиции, которую он занимал в 32г.

243

ИТ/ЛИ

- 54 -

ВЫШИНСКИЙ: То есть.

КАМЕНЕВ: То есть, на позиции террористического заговора.

ВЫШИНСКИЙ: Встречались в кабинете и вели разговоры о террористических делах и убедились, что Тер-Ваганян остается на прежней позиции, - Вы это, Тер-Ваганян, отрицаете или нет.

ТЕР-ВАГАНЯН: В общих чертах я утверждаю это.

ВЫШИНСКИЙ: Вы были членом центра и вели разговор с другим членом того же центра.

ТЕР-ВАГАНЯН: Я пришел к Каменеву не как к члену центра, а как к представителю Академии.

ВЫШИНСКИЙ: Вы разговоры вели о делах подпольной террористической организации.

ТЕР-ВАГАНЯН: Вели разговор не о террористической организации, а продолжали тот разговор, который был прерван в 1932 г..

ВЫШИНСКИЙ: У Вас был разговор о терроре.

ТЕР-ВАГАНЯН: Да, был.

ВЫШИНСКИЙ: Садитесь, пожалуйста.

ТЕР-ВАГАНЯН: Я хочу это установить точно.

ВЫШИНСКИЙ: В 1934 г. Вы были у Каменева и вели разговоры о подпольной террористической деятельности Вашей организации, Вы с этим согласны.

ТЕР-ВАГАНЯН: Я говорил при этой встрече с Каменевым о том, о чем я показал 14 августа.

ВЫШИНСКИЙ: Значит разногласий нет никаких.

ТЕР-ВАГАНЯН: Внутренних нет.

ВЫШИНСКИЙ: нас не интересует Ваше внутренне разногласие.

У меня вопросов больше нет.

УЛЬРИХ: У обвиняемых есть вопросы.

СМИРНОВ: Разрешите вопрос к Каменеву.

244

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

СМИРНОВ: Каменев заявил, что решение объединенного центра было вынесено осенью 1932 года, кроме того он называл (Вышинский перебивает)

ВЫШИНСКИЙ: Прошу извинения, обвиняемый СМЕРНОВ, задавайте вопросы коротко и ясно, ибо Вы начинаете давать какие-то объяснения. Прошу суд разъяснить Смирнову порядок судебного следствия и порядок дачи показаний и задаваемых вопросов на суде.

245

ОД/ЕМ

- 55 -

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы просили слово, чтобы задать вопрос Каменеву.

СМИРНОВ: Вопрос заключается в следующем: Каменев относит образование центра к концу 1932 года, а говорит о вступлении Дрейцера в 1933 году.

КАМЕНЕВ: Заговор создавался в конце лета, в начале осени 1932 года. Через несколько недель мы организовали Московскую центральную группу - руководящую. Я говорю о террористическом заговоре всего времени.

НИКОЛАЕВ: Тут у нас идет речь, что кроме Московского центра был еще Московский террористический центр и было два Московских центров - первый более широкий, другой более узкий.

КАМЕНЕВ: Один Московский центр, был если можно так выразиться, эмоциональный, центр террористического заговора. Один более широкий, другой более узкий для террористической работы. Этот один центр был организован после организации Всесоюзного центра троцкистско-зиновьевского заговора. Что касается вступления в этот Московский ^{узкий} ~~тактически~~ террористический центр Дрейцера, то это легко могло произойти в начале 1933 года, ибо при организации Московского центра Рейнгольд только говорил о том, что если этот центр будет организован, то от имени Троцкого в него должен вступить Дрейцер. Фактический момент вступления Дрейцера - о нем я ничего не знаю. В декабре, январе или феврале 1933 года, сведений у меня нет. Устанавливаю только, что Московский центр был организован осенью 1932 года и при организации Московского центра Рейнгольд говорил, что Дрейцер в качестве представителя уже действующей троцкистско-террористической группы, ⁶ центр должен должен был введен.

Зинобас

от 216-283

20-го июня

246 66

- 53 -

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У нас больше вопросов нет, Омиров.

ОМІРОВ: Вопрос просто объясняется, как уже показывали. В конце 1932 года я получил прямое задание организовать террористическую группу. Я не буду на этом останавливаться. Общественных связей не было. На эту же тему я говорил то же как о членом центра с Мрачковским. Мне просто пришлось уехать и нет никаких расхождений. Практически я начал работать через четыре месяца.

ДУРОВ М. Разрешите вопрос. Он имеет прямое отношение к моменту, в какую пору возникла идея о терроре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда будут допрашивать, вы скажите. Не затягивайте следствие. /Обращается к Зиновьеву/ Посудимый Зиновьев.

БАШИНСКИЙ: Пожалуйста, кратко скажите о своей преступной деятельности. Я попросил бы быть в пределах фактических данных.

ЗИНОВЬЕВ: Я думаю, что поступило правильно, если начну с восстановления об"единенного троцкистско-зиновьевского центра в 1932 году.

247 67

Маш. ВГ.
Ст. МП

- 57 -

... так как десятилетнюю историю зиновьевской оппозиции и пятнадцатилетнюю историю троцкистской оппозиции в данный момент не имеет, мне кажется, смысла восстанавливать. Восстановление этого центра произошло в следующей обстановке. После 15-го съезда между так называемой группой зиновьевцев и группой Троцкого произошла размолвка, которая тогда казалась даже некоторым из участников дела крупным расхождением. Я в помню, например, что непосредственно после 15-го съезда в "Правде" были опубликованы два письма ТРОЦКОГО своим заграничным единомышленникам, посылавшимся им тайно, но сделавшихся известными властям, и в этих письмах он употреблял по адресу моему и КАМЕНЕВА слово "измена" - в том смысле, что мы изменили ему, ТРОЦКОМУ. Другими словами, в тот момент, очевидно, самому ТРОЦКОМУ казалось, что это - не только размолвка, а действительное расхождение, больше того - что это есть измена тому делу, которое мы вместе с ним против большевистской партии, против Советской власти до этого момента вели. Мне известно что не все члены узкого троцкистского ядра рассматривали тогда так это дело. ТРОЦКИЙ тут проявил чрезвычайную горячность. Мне известно было со слов РАДКА, со слов СМЕРНОВА и некоторых других лиц тогдашнего троцкистского ядра, что они уже в самый момент расхождения представляли дело так и говорили ТРОЦКОМУ, что это с нашей стороны вовсе не есть измена прошлому, а это есть маленький зигзаг, размолвка, которая быстро разъяснится. И действительно это было так. Формальное восстановление троцкистско-зиновьевского центра в 1932г. стало возмож-

ным потому, что расхождения между троцкистами и зиновьевцами не было ранее - в 1923 г. Никакой измены троцкизму мы в то время не совершали, а мы совершали еще одну измену большевистской партии, к которой мы принадлежали. Мы именно в этот момент переходили уже целиком на почву двурушничества, которое началось и раньше, которое было и в 1926 г., и в 1927 г. Но в 1928 г., после 15-го съезда, открывается в этом смысле новая глава, когда мы уже ни одного шага не можем сделать, ни одного слова не можем сказать без той или другой измены партии, без того или другого применения двурушничества. Когда я смотрю теперь назад - годы 1928-1932 - годы, когда формального блока не было между троцкистами и зиновьевцами, - я должен сказать, что и в эти годы между нами и троцкистами осуществлялось только известное разделение труда..

249

ВО-ЕЧ

- 59 -

то, что он делал за границей с развязанными руками, в другой обстановке, тоже самое мы делали другими методами, в другой обстановке на родине. И мы в это время были только более опасны и более вредны именно потому, что мы делали это менее открыто, именно потому, что мы были ближе к действующему руководящему составу партии, самой партии, к учреждениям советской власти. Мы оставались филиалом троцкизма внутри страны. Тот или другой эпизод в деятельности Троцкого за это время, тот или другой его шаг, зачастую вызывал с нашей стороны протест даже внутри себя потому что он, очутившись на буржуазной свободе должен был делать некоторые такие вещи, которые слишком были в нос. Но это мелочь, в существе, в основном мы оставались прикованными к троцкизму как колодник к тачке, к идеям троцкизма, платформе троцкизма, методам троцкизма. С этого началось наше грехопадение и этим окончилось. Смешно было бы, конечно, мне, достаточно взрослому человеку, достаточно участвовавшему в политике, сваливать все на троцкизм или на Троцкого лично, это было бы курам на смех, но смешно было бы также скрывать тот факт, что действительно идейная зависимость была оттуда, что мы пили из этого колодца, что дополнительный яд мы черпали сначала из близости с Троцким лично и из его идей впоследствии. Ни на один момент с 1928 по 1932 год действительной разницы между нами и троцкистами не было. Было только применение одного и того же оружия в различной обстановке, в различных комбинациях, людьми с несколько различными политическими биографиями, отсюда вытекало известное понимание друг друга. Больше того, я думаю, что имею полное основание сказать, что с момента выступления правых

280

ВО-ЕЧ

- 60 -

реальный блок у нас с ними был до самого юнца, вернее была бы следующая формула, что с троцкистами у нас был и реальный и формальный блок. С правыми был формально-реальный блок, что мы проделали на глазах у всего народа, у всей партии, проделали эволюцию от, так называемого, левого авантюризма к правому капитулянизму. И поэтому совершенно закономерно пришли к терроризму. В обвинительном акте и здесь говорилось как мы об"ясняли и как в частности об"яснял я, как можно соединить марксизм с терроризмом в итоге с индивидуальным террором. Конечно, этого никогда не удавалось совместить, но только марксизм, насколько я могу понимать в состоянии об"яснить, откуда этот терроризм является в различной обстановке, и только в его свете можно понять всю проделанную нами эволюцию. Эта эволюция в обстановке формального блока между троцкистами и зиновьевцами была только вопросом времени.

28-1 71

... выжидали момента. Люди были искушены поражением, люди хотели более беспроблемных шансов. Они говорили: нет, мы теперь подождем раньше, чем вступим в формальный блок. Чего ждали? Ждали двух вещей. Увеличения трудностей, которые при тогдашних концепциях должны были неминуемо пойти более обостренно, ибо от капитуляции перед трудностями вначале, мы перешли потом к прямой ставке на трудности, перешли на меньшевистско-эсеровские позиции. Мы ждали во-первых обострения трудностей, ждали и надеялись, во вторых, на возникновение раскола внутри ЦК большевистской партии. Две ставки которые, как и все остальное соединяли нас с меньшевиками и эсерами, во всеми остальными течениями партии.

И вот в 1932 г. создается обстановка, которая и на оставшихся в СССР и на Троцкого, находившегося на буржуазной свободе, показалась моментом, которого мы ждали. Нам показалось в этот момент, что действительно трудности растут, они будут расти, что они имеют органический характер, что недовольство расширится, что наступил момент, когда мы сможем решиться на более активные действия. Мы сами питались всякими слухами, черпали их откуда угодно, со страниц "Советского бюллетеня", "Социалистического вестника" слухами из под воротни о том, что возникают разногласия и в ядре ЦК.

Мы прошли в этом же 1932 г. как бы два цикла. 1-й, когда идет прямая ставка на рост трудностей, и ждешь на то, что они вырастают в такой мере, когда мы, и правые, и троцкисты, и примыкающие к ним более мелкие группы смогут выступить открыто, мечтали выступить единым фронтом, причем тогда считали что больше всего шансов принадлежит правым, что их прогнозы, ~~которые в действительности~~ больше всего оправдываются, что их имена будут иметь особенно притягательное значение.

Ивану Х. Поэтому мы считали необходимым в этот момент особенно подчеркнуть близость с ними, искать близости к ним и само-надеянно считали, что имена Зиновьева, Каменева и Троцкого будут иметь особенно большое значение. Мы считали, что будет происходить рост и обостренность трудностей, что недовольство ^{пойдет} не ручейком ~~крапинками~~ а реками и морем, что приходит тот желанный момент, когда мы должны будем и, конечно, единым фронтом сделать открытое выступление против партии, новое открытое выступление, может быть сопровождаемое каким-либо более активным шагом, который мы не применили во время первой дискуссии хотя и тогда мы доходили до анти-правительственной демонстрации 7 ноября. Больше всего тогда подпольные группы как правого так и так называемого, левого направления икали связи с Зиновьевым и Каменевым.

ВИШНИНСКИЙ:— Нельзя ли более конкретно, нельзя ли сказать в чем заключалась эта связь?

ЗИНОВЬЕВ:— Так как наиболее авторитетный по своей контр-революционной идеологии Троцкий находится за границей, то люди обращаются к Каменеву и Зиновьеву. Обращения шли и от правых, с которыми мы имели контакт с 1927 года, не очень систематический, но никогда не прерывавшийся.

ВИШНИНСКИЙ:— Скажите, с какого года, скажите: от —до.

ЗИНОВЬЕВ:— Можно сказать, что они не прекращались до самого последнего дня

253
Л.А.
ЕН.

Обращения шли от остатков рабочей оппозиции: Шляпникова, Медведева. Обращения шли от группы, так называемых "леваков", о которых здесь уже говорили. Это Ломинадзе, Шацкий, Стен и другие. Я больше всего встречался со Стеном, несколько раз с Ломинадзе. Обращения шли также от так называемых, как мы их тогда называли индивидуалов. Речь идет о людях, которые вообще входили в нашу сферу влияния, но которые тем не менее держались несколько индивидуально. К числу их относился Смирнов, до известной степени Сокольников. Одним словом, как тогда говорилось на нашем оппозиционном языке, все нас искали и мы всех искали.

Во вторую половину 1932 года мы проходим уже через несколько другой цикл, а именно мы начинаем понимать, что мы раздували, преувеличивали эти трудности, как это было и раньше, мы начинаем понимать, что партия и ее центр преодолеют эти трудности. Но и в первую, и во вторую половину 1932 года мы пишем ненавистью к Центральному Комитету партии и к Сталину.

Мы уверены в том, что руководство должно быть во что бы то ни стало смещено, что оно должно быть смещено нами вместе с Троцким и правыми.

В этой обстановке происходят свидания Каменева с Ломинадзе, Шацким. В этой обстановке происходят мои свидания со Смирновым, которым я придаю решающее значение.

Иван Никитич Смирнов вчера обвинил меня в том, что я часто говорю неправду. Он сказал это в сравнительно небольшом зале, но мы знаем, что каждое слово, сказанное здесь, говорится перед всем миром, перед всей страной. Да, я часто говорил неправду. Я говорил ее с того момента, как стал на путь борьбы с большевистской партией. Раньше меня никто в этом не упрекал и Иван Никитич Смирнов тоже не скажет, что меня раньше можно было в этом упрекнуть.

Да, с того момент, когда я, когда все мы встали на путь сначала оппозиции, потом контрреволюции, потом терроризма, потом без пяти минут фашизма, потому что троцкизм плюс терроризм есть фашизм...

ВЫШИНСКИЙ. Почему без пяти минут?

ЗИНОВЬЕВ. Конечно, с этого момента все мы говорили сплошную неправду. Мы представляли сплошную неправду не в смысле личном, а в смысле политическом, в смысле жизненном, в том единственном смысле, в каком это могло интересовать массы рабочего класса.

С этого момента и вы, Иван Никитич, Смирнов говорите сплошную неправду. И вот разница между мною и вами повидимому заключается в том, что я решил твердо и конца в эту последнюю минуту сказать всю эту правду, всю правду до конца, между тем как вы приняли повидимому другое решение.

ВЫШИНСКИЙ. А сейчас вы всю правду говорите?

ЗИНОВЬЕВ. Сейчас я говорю всю правду до конца.

ВЫШИНСКИЙ. Вспомните, что 15-16 января, вы также утверждали, что вы говорите всю правду.

ЗИНОВЬЕВ. Да, 15-16 января я не сказал всей правды.

ВЫШИНСКИЙ. Не сказали, но уверяли, что говорите правду.

ЗИНОВЬЕВ. В этом заключалась наша тогдашняя тактика.

ВЫШИНСКИЙ. Может быть сейчас у вас тоже такая тактика: делать вид, что говорите правду, а на самом деле скрывать?

ЗИНОВЬЕВ. Конечно, я ничем не могу этого подтвердить кроме слов, которым может быть небольшая цена. Конечно, об этом будет судить суд и пролетарская общественность и после всего моего тяжелого прошлого я не имел на этот счет никаких иллюзий и говорю то, что могу сказать.

Я не могу в свою очередь упрекнуть Ивана Никитича Смирнова в том, что он лично является человеком несправедливым или немужественным, что было бы неправдой. Его многие знают. Он представлялся человеком правдивым и достаточно мужественным, чтобы нести ответственность за самые тяжкие преступления.

285

.....Поэтому я не могу упрекнуть его лично в этом, но должен сказать, что он именно продолжает примерно ту тактику, которую я, КАМЕНЕВ, и другие проводили перед пролетарским судом в январе 1935 года. Этим и объясняется все его поведение и все его заявления насчет того, что он морально политически ответствен, но не знает фактов и т.д. Только этим я могу объяснить его позицию.

Я вспоминаю, что когда в конце 1934 г. читал комплект бюллетеня Троцкого, то я в одной из статей Троцкого по поводу Смирнова нашел следующее выражение: «Троцкий выражал недовольствие и заявлял, однако, что И.Н. СМИРНОВ в решающую минуту будет с нами. Видимо Смирнов и решил здесь, что настоящая минута является решающей для всех сидящих здесь на скамье подсудимых и вот, видимо, эту решающую минуту И.Н. СМИРНОВ поддерживает именно так, как это предсказывал Троцкий».

Я вел переговоры с И.Н. СМИРНОВИМ не случайно. Не случайно группа Зиновьевцев поручила именно мне эту встречу и не случайно она поручила эти переговоры Смирнову.

СМИРНОВ вчера делал беспомощную позицию. Попытка СМИРНОВА о том, что разговор этот не мог происходить в столовой Совнаркома, неудачна. Всякий понимает, что опаснее было устраивать свидания СМИРНОВУ с ЗИНОВЬЕВЫМ на квартире у кого-либо из них, всякий понимает, что это означало бы регистрацию блока, а поэтому именно такая встреча в столовой Совнаркома была единственно целесообразной с консперативной точки зрения, именно в этой обстановке она и происходила. Всякий кто знает эту обстановку, то всякий скажет, что она наиболее подходящая для подобного рода переговоров. Конечно, эта обстановка не в коем случае не является подходящей для конференции, но людям знакомым друг с другом несколько лет, людям,

256

которые могут уединиться и переходить с одного разговора на другой, эта обстановка очень подходящая.

Вот эти минуты и секунды, когда мы вели разговор со Смирновым - это были решающими минутами. Эти минуты и секунды, а если соединить все три свидания, то это получится несколько часов были минутами, когда я по поручению зиновьевской группы, а Смирнов по поручению Троцкистской группы договаривались о своей деятельности - были решающими минутами.

Смелой становится попытка Смирнова, когда он ссылается на то, что директиву Седова он рассматривает как личную его директиву. Я, например, если-бы знал или если-бы мне Смирнов сказал, что он имеет директиву от Седова, то я был бы уверен, что эта директива является директивой Троцкого и передана нам с наибольшей точностью.

287 77

ОД/ЕМ.

- 67 -

Я знал от Ивана Никитича Смирнова, что он имеет твердую директиву от Троцкого, что дело идет с 1931 года. У них это вполне созрело. Я ни капельки не удивляюсь, потому что уголки терроризма тлели уже в 1927 году и теперь только разгорелись. Я сам к этому времени созрел, как и весь зиновьевский центр к этому времени. И, конечно, я вступивался и впитывал каждое слово отлуда, имея ввиду, что там стоит Троцкий, который издали более свободен, как мы тогда себе формулировали, более понимает международную обстановку в этот момент. Мы впитывались в его каждое слово и придавали решающее значение. Иван Никитич Смирнов целиком и полностью разделял эту директиву и горячо и убедительно ее проводил.

Я могу утверждать перед пролетарским государством, что если бы Смирнов был на свободе в 1933 году, то роль, которую выполнял Бакаев, Мрачковский наверняка была бы разделена Иваном Никитичем Смирновым, что наверняка тогда вся тяжесть не пала бы на одного Бакаева. Если уже говорить о Гертике, то тогда он был введен Иваном Никитичем Смирновым. Все понимает, что в этот момент не делалось никаких подразделений на троцкистов и зиновьевцев в узком смысле слова. Тут подбирались люди по качественным признакам, люди для дела, с качествами совершенно необычными.

В.И.ИНСКИЙ: Какие же это качества.

ЗИНОВЬЕВ: С точки зрения террористической требовалось крупное прошлое, чтобы человек имел доверие моральное среди своих единомышленников, которых вербовали из людей, участвовавших в Гражданской войне и перешедших на почву контр-революции; требовался авторитет. Суд понимает о ком я говорю. Среди своих требовалась личная обаятельность, требовалось доверие верхушки, с одной стороны Троцкого, с другой стороны - Каменева и Мое. Кроме этих качеств требовалась осо-

- 68 -

бренная близость, особенные личные знания людского состава, и то и другое было у Ивана Никитича Смирнова, не в меньшей мере, чем у Бакаева, а может быть и больше. И поэтому я убежден, что если бы он оказался на свободе, то руководство практической работы, было бы разделено между им и Бакаевым. На Бакаева согласились троцкисты так же, как мы согласились - виновьевцы, в узком смысле слова на Смирнова, потому что троцкисты к личным качествам Бакаева относились так же, как мы к личным качествам Смирнова.

289 79

Маш. РГ
От. МГ

- 69 -

... Вот почему я говорю, что эти моменты, эти минуты, когда мы с ним договаривались, были наиболее решающими из всех моментов, когда велся заговор; больше того именно тогда же мы намечали с ним вопрос о лицах, против которых должно быть направлено террористическое оружие. Ясно, что тут называлось в первую очередь имя СТАЛИНА; мы считали тогда, что в Ленинграде преобладающее влияние имеют не троцкисты, а эновские и поэтому там к ним должна была отойти наиболее решающая роль, - ясно, что там назывался, как человек, на которого должно было быть направлено оружие, в первую очередь С.М.КИРОВ; ясно, что тогда же говорилось о ВОРОШИЛОВЕ, ясное дело, именно в этом списании были названы все главные имена. При этом списании произошли сближения и мнениями насчет так называемого резервного центра. Было совершенно ясно, что никто так не знает состава троцкистов, как СТИНОВ, и никто так не знает этой части состава, как ЭНОВИЧ, и никто так не знает индивидуумов и промежуточных людей, как оба эти человека. И всем было ясно, что сближение двух этих людей должно наиболее безболезненно, наиболее скоро привести к соглашению всех остальных. Вот в каком смысле я говорю, что именно эти переговоры имели наиболее решающее значение, и в этом смысле я утверждаю, что если бы СТИНОВ решился сказать полную политическую правду, он бы сказал именно то самое, что говорю я. Вот, что я должен сказать по поводу организации этого центра. Самый состав его. В него входили: ЭНОВИЧ и КАМЕНЕВ, что касается ВОРОШИЛОВА и НАХИНА, то они в него входили формально; я должен только сказать, что формально

260

- 70 -

но намечалось в разговоре между мной и СЕРГЕЕВЫМ и остальными участниками вхождение их на случай, когда бы мы с КАМЕНЕВЫМ выбрали бы, т.к. имелась видимость необходимости наиболее узкого по составу центра, по причинам конспиративного характера. Но фактически КАМЕНЕВ и БАСОВ ползовались таким же доверием, как и мы и фактически, реально они в центр входили. Со стороны троцкистов первым бесспорным членом, вожаком их, моральным и политическим представителем назывался Иван Ильич СЕРГЕЕВ, вторым - ПРАКОВСКИЙ, третьим - ТЕР-БАГАНИН, причем и у них имелось видение, что если будет возможно четвером сноситься - будет достаточно. От группы левых имелась видимость ДОБРАДЗЕ и ШАХИ.

КАМЕНЕВ: - Значит, можно такой вывод сделать в итоге Ваших показаний, что в организации после 1937 г. троцкистско-зиновьевского террористического блока и центра решающую роль сыграли, с одной стороны, Вы - от зиновьевцев, как руководитель-зиновьевцев, и с другой стороны - ТРОЦКИЙ через своих представителей?

КАМЕНЕВ: - Правильно.

КАМЕНЕВ: - В качестве главного представителя и даже заместителя ТРОЦКОГО в этот период являлся И.И. СЕРГЕЕВ.

КАМЕНЕВ: - Правильно.

КАМЕНЕВ: - Вы непосредственно со СЕРГЕЕВЫМ вели переговоры по организации этого блока и об условиях, на которых этот блок должен быть организован.

261

ВО-ЕЧ

- 71 -

ЗИНОВЬЕВ - Как и о составе центра.

ВЫШИНСКИЙ - Четвертое - что решающим условием об"единения было признание необходимости террора.

ЗИНОВЬЕВ - Правильно.

ВЫШИНСКИЙ - И пятое - что тогда же вами и Смирновым были даже установлены лица, против юторих террор должен был быть направлен в первую очередь, и что этими лицами являлись т. Сталин, т. Киров, т. Ворошилов.

ЗИНОВЬЕВ - В центре стоял этот вопрос.

ВЫШИНСКИЙ - Вы это твердо помните и подтверждаете, что во всех пяти пунктах, вместе с вами активное участие принимал и Смирнов.

ЗИНОВЬЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - И шестое - что если Смирнов отрицает здесь все, то это потому, что он держится той тактики, какая была обще-принятой в вашем подпольи.

ЗИНОВЬЕВ - Совершенно верно. Если позволит мне гражданин прокурор, я скажу более точно.

ВЫШИНСКИЙ - Пожалуйста.

ЗИНОВЬЕВ - И сначала уточню взаимоотношения мои и Троцкого. Я, несомненно, играл очень большую, может быть самую большую роль, в так называемом зинovieвском движении. Несомненно, что тут роль моя была решающей. Достаточно большой, во всяком случае. Но было бы смешно если бы я не видел, что роль Троцкого во всем этом деле была еще больше, была еще больше. Я не хочу сказать, что вина была больше. Вина, с моей личной точки зрения, ответственность моя больше чем его, по причинам о которых я могу здесь не распространяться, по причинам различ

262 82

ной политической биографии. Ленин сказал, что предать может только свой. Если я не ошибаюсь, он сказал это ~~при~~ в Октябре 1917 года, применив ^{к себе} к Каменеву и ко мне. В этом смысле я хочу сказать, что вина в преступлении, ответственность за него перед народом и страной, перед рабочим классом и пролетарским судом моя больше чем Троцкого. Но роль его в организации контрреволюционного движения в последнее 10-ти летие, роль его в заговарах последних годов, роль его начиная с 1932 года и по сейчас, по целому ряду обстоятельств, о которых подробно я могу и не говорить, — больше чем мои. Вот, что я могу сказать о взаимоотношениях моих и Троцкого.

Что касается взаимоотношений между остальными членами центра, то они достаточно ясны и не нуждаются в дальнейшем выяснении. Думаю, повторяю, что 2 или три свидания, которые мы имели со Смирновым летом 1932 года в приёмной и столовой СНК, ~~наши отношения с Смирновым~~ вызвали обострения в подготовке террористических актов и поскольку можно выделить момент как решающий из решающих, то это был именно этот момент.

ВЫШИНСКИЙ — Ваши практические шаги в направлении осуществления плана убийства вождей и руководства нашей партии и правительства.

Важнейшее и
ЗИНОВЬЕВ — ~~Данный шаг~~ решающее значение имеет так называемое совещание в Ильинском.

ВЫШИНСКИЙ — Когда ?

ЗИНОВЬЕВ — На рубеже между летом и осенью 1932 года, во всяком случае после моих переговоров со Смирновым, переговоров Евдокимова со Смирновым и Мрачковским, переговоров Каменева с Тер-Ваганяном, переговоров Каменева и Ломинадзе, переговоров Томского ~~и~~ и целый ряд других и т.д. Все созрело, политически все предпосылки были налицо. Все было более или менее намечено в черновом, если можно так выразиться, наброске и речь шла уже о практических выводах.

И вот совещание в составе : Зиновьева, Каменева, Евлокимова, Бакаева Карева, кажется, Кукулина (я больше имен не помню) должно были окончательно поставить печать на этом соглашении с нашей стороны, должно было окончательно принять решение, должно было более или менее распределить роли. В этом смысле я и придаю такое большое основное значение совещанию в Ильинском в названном мною составе.

Наиболее важный и практический результат заключался в том, что практическое руководство террористическими делами было вверено Бакаеву, с очень широкими полномочиями, и что Кареву, в это время в Ленинграде завоевавшему себе известное положение, и имевшему связи, данные ему мною и Бакаевым, и с другими всеми единомышленниками Зиновьева в Ленинграде, в том числе с Румянцевым и другими, было дано поручение для Ленинграда.

Я не помню хорошо, что предшествовало у нас платформе правых этому совещанию или наоборот, я могу ошибиться, но самое появление этой платформы, чтение ее тоже сыграло для нас крупную роль. Мы знали хорошо настроение правых, но все-таки документ это есть не только настроение, но чтение его на грани выстрела (я помню хорошо эти слова "на грани выстрела") показало, что это террористический документ. Еще одна характерная подробность: при первом чтении не только платформы, но и листа (был и листок, который представлял собою квинтэссенцию этой платформы) факт, что при первом чтении его Каменев и я, достаточно искушенные в этих делах люди, не могли сразу сказать, что это — платформа троцкистов правых и если правых, то какой подгруппы, — настолько все тогда слилось, настолько все дышало уже одним и тем же воздухом, настолько все стихийно вливалось в эту грязную яму троцкизма

ВЫИНСКИЙ:— Кто это все ?

ЗИНОВЬЕВ:— Я, само-собой разумеется имею ввиду все группы как правого, так и т.н. левого направления.

ВЫИНСКИЙ:— Вы скажите о вашем участии в подготовке терактов ?

- 74 -

264

84

ЗИНОВЬЕВ:— После этого совещания и провала моего и Каменева, в связи с этим делом, мы двурушничаем на заседании центральной Контрольной комиссии, мы отделываемся сравнительно легким наказанием. Мы должны уехать в ссылку, оставляем все бразды правления, если можно так выразиться, Евдокимову, Бакаеву и Смирнову. Мрачковский тогда отсутствовал в Москве. Багрянцков рассматривался нами, как ближайший помощник, но в первую очередь мы имели ввиду СМЕРНОВА. Я, по крайней мере, и Каменев, с которыми мы расстались в больнице, мы имели ввиду, что в эту центральную тройку, которую мы оставили, войдут: Евдокимов, Бакаев и Смирнов.

265
III.

Конечно, эта тройка имела ряд других, конечно, мы знали о Ваганине, как члене центра. Мы знали о том, что есть люди, которые готовы им в любой момент помочь, но центральной тройкой считали их.

Перед самым отъездом я имел свидание с Томским, которое тоже имеет, по моему, решающее значение в том смысле, что я на этом свидании Томскому открыл все для передачи его ближайшим друзьям Рикову и Бухарину. Я рассказал о всем этом, без излишних подробностей, но в основном рассказал о блоке, на какой основе этот блок построен, о людях. Хотя, людей Томский знал как свои пять пальцев, знал также как и мы. Я был наиболее близок с Томским по старым временам и кроме того, имел удобный повод поговорить с ним перед отъездом, так как мне решено было дать некоторую литературную работу в ссылке и ему, как Заведующему Госиздатом, было поручено это выполнить.

И вот, под видом разговоров на эту тему я имел с Томским два свидания, или может быть три, где в основном выяснилось полная солидарность по этой линии.

После этого, мы с Каменевым уезжаем в ссылку. Возвращаемся весной в мае, если не ошибаюсь, 1933 года. Первые наши шаги естественно, направлены на то, чтобы ликвидировать, если можно так выразится, наш террористический провал, провал заговорщиков, ликвидировать то, что произошло, восстановить себе доверие для того, чтобы потом можно было продолжать действовать.

Мы уже не застали на свободе Смирнова и Карева. Я называю более видных сторонников троцкистско-зиновьевского блока. Вероятно отсутствовали уже другие, но в особенности бросалось в глаза отсутствие этих двух, так как один имел решающее значение для троцкистской части, для всех нас, другой — для ленинградской части.

Мы с опаской встречаемся друг с другом, полоничества на квартиры к друг другу были доведены до минимума. Более того, я помню, как мы не раз говорили с Каменевым: хорошо, что как-то не требуют прямого разрыва между мной и им. Мы с ним продолжали

более или менее свободно встречаться. Конечно, никто не мог требовать какого то прямого разрыва, встречи никому не были запрещены. Весь вопрос был в содержании этих встреч. Одно то, что мы с Каменевым продолжали близко общаться, уже составляло немалую часть того, что дело заговора могло двигаться сравнительно беспрепятственно дальше.

дальше, мы продолжаем тактику, состоящую из сочетания, из комбинирования все более и более рафинированного, perfidного, коварного двурушничества с подготовкой заговора.

Гражданин прокурор напомнил здесь сегодня о статьях, писанных Каменевым и мною во исполнение этого. Больше того, после убийства Сергея Мироновича Кирова наше коварство дошло до того, что я (и насколько помню Каменев, и кажется Евдокимов) написали некролог по поводу памяти Кирова. эти некрологи не попали в печать но я свой в Правду послал.

КАМЕНЕВ с места: Я ничего не посылал.

ЕВДОКИМОВ с места: Я тоже.

ЗИНОВЬЕВ. Я послал свой некролог. Каменев знал, что я пошлю.

ЗИНОВЬЕВ. Значит по предварительному соглашению это сделали?

ЗИНОВЬЕВ. Насколько я помню, я Каменеву говорил, что я посылаю. Он кажется сказал, что либо пошлет самостоятельный, либо от их учреждения будет коллективный некролог и он его подпишет.

267 87

ВЫШИНСКИЙ: Вы не припоминаете этого, обвиняемый Каменев.

КАМЕНЕВ: И этого не помню, и о том, что Зиновьев собирался послать некролог — я не знал. Я знал о том, что ЗИНОВЬЕВ после событий 1-го декабря и после ареста РАКАЕВА и БОДОУНОВА пришел ко мне с проектом своего письма и генеральному комиссару государственной безопасности ЯГОДЕ, в котором заявлял, что он обеспокоен этим арестом и просит его вызвать для того, чтобы установить, что он (Зиновьев) ничего общего с этим не имеет.

ВЫШИНСКИЙ: Было это так, обвиняемый Зиновьев.

ЗИНОВЬЕВ: Да, было.

КАМЕНЕВ: Потом я говорил, что этого делать не надо, потому что я считал, что после хибини того, что было нами сделано — необходимо соблазнить немножко хладнокровия.

ВЫШИНСКИЙ: Вам удалось сохранить хладнокровие.

КАМЕНЕВ: Да, такой записки я не писал.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Каменев, что такой некролог был действительно написан и послан Зиновьевым в "Правду".

КАМЕНЕВ: И этого не знаю.

ВЫШИНСКИЙ: Может быть вы этого также не знаете, как вы о многих вещах забывали в январе 35 г.

КАМЕНЕВ: Это не усугубляет моей ответственности и я заявляю, что я этого не знал.

ЗИНОВЬЕВ: Я могу продолжить.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ЗИНОВЬЕВ: Вот до чего дошла политика сочетания двурушничества с подготовкой террористического заговора.

ВЫШИНСКИЙ: (перебивая) Ваши практические шаги, как вы практически руководили подготовкой терактов, расскажите, пожалуйста.

268 88

Между прочим, расскажите. Вы поручали БАКАЕВУ организовывать убийство Кирова, потом расскажите о посылке Бакаева в Ленинград для проверки готовности проводимой там работы.

ЗИНОВЬЕВ: В 1934 году.

ВЫШИНСКИЙ: Да, в 1934 году. Для чего Вы его послали.

ЗИНОВЬЕВ: Для того, чтобы он, как человек, который пользовался нашим доверием, который прекрасно знал личный Ленинградский состав, проверил людей, обстановку, степень готовности и т.п.,

ВЫШИНСКИЙ: Он ездил и проверял.

ЗИНОВЬЕВ: Да, он ездил и проверял.

ВЫШИНСКИЙ: Вернулся.

ЗИНОВЬЕВ: Вернулся сообщил Каменеву и ЕВДОКИМОВУ.

ВЫШИНСКИЙ: и Зинovieву.

ЗИНОВЬЕВ: Лично со мной он не виделся, но я об этом обо всем знал.

ВЫШИНСКИЙ: Вы были уверены в том, что все обстоит благополучно.

ЗИНОВЬЕВ: Я считал, что все работы сделаны.

ВЫШИНСКИЙ: Вы торопили.

ЗИНОВЬЕВ: Я не могу подтвердить заявление Бакаева в той части, в которой он говорил относительно БОГДАН.

ВЫШИНСКИЙ: Я спрашиваю, Вы торопили, форсировали. Были ли такие моменты, когда Вы выражали недовольство не-которой медлительностью.

ЗИНОВЬЕВ: Да, некоторое недовольство я выражал.

ВЫШИНСКИЙ: Кому говорили об этих недовольствах.

ЗИНОВЬЕВ: Я говорил Евдокимову и в разговорах говорил Каменеву.

ВЫШИНСКИЙ: Потом.

ЗИНОВЬЕВ: Насколько помню — больше не с кем не говорил.

ВЫШИНСКИЙ: С Бакаевым не говорили.

ЗИНОВЬЕВ: С БАКАЕВЫМ в это решающее время держал связь через ЕВДОКИМОВА.

ВЫШИНСКИЙ: Вы форсировали, торопили, ускоряли.

ЗИНОВЬЕВ: Я говорю, что подтверждаю это вообще.

БЕЛИНСКИЙ: Рейнгольд кажется говорил вчера, что мы говорили, что дело нашей чести убить скорее Кирова. Говорилось так действительно.

ЗАНОВЬЕВ: Вообще не раз говорилось о форме.

ВЫШНИОВИЛЬ: Именно о вашей чести, в силу которой требовалось убить Кирова. Можно сказать, что вы не только были организатором и вдохновителем убийства Кирова, но и организатором более быстрого осуществления этого события.

ИНДЛЕВ: Возможно был момент, когда я старался ускорить.

ВНИМАНИЕ: Что вас толкало.

МИНОВЬЕВ: Условия заговорщиков, сознание того, что нужно
делать дело скорее, иначе возможен провал и т.д.

ВЫШИНСКИЙ: У вас с Каревым или с Кареевым был разговор.

ЭННОРЬЕВ: БУЛ.

ВЫШИНСКИЙ: Вы не только Бакаеву давали поручение, но и Карову.

ЗАНОВЬЕВ: Да. Кроме этого он служил связью между мной и Бухариным. Карев имел от меня лично и всей нашей группы задание держать связь с Бухариным лично, так как это было более удобно со стороны конспиративного характера, ввиду того, что они встречались на академической почве.

БЫЛИНСКИЙ: Какое Ваше отношение было к другим террористическим актам, которые готовились. Яснохделухате. пинахитальновуче
нохихилихехтехиххивиния

ЗАНОВЬЕВ: Ясное дело, что положительное, что подходил с точки зрения технической возможности, целесообразности, очередности. Во всяком случае ответственность за все эти попытки я несу полностью.

ВЫШЛИСКИЙ. М. Дурье вы знали.

ЗИНОВЬЕВ: Да, знал. Я хочу как раз к этому моменту подойти.

БЕЛИНСКИЙ: Как вы с ним встречались, на какой почве, как вы с ним вели разговор, как и о чем толковали, в чем его убеждали, одобряли, фактическую сторону.

270

- 80 -

ЗИНОВЬЕВ: М. Дурье я знал под именем Милия. В 1934 или может быть в 1933 году. Я знал его с начала по линии его работы в Коминтерне и моей в "Большевике". Он явился с какой то книжкой, статьей или рецензией не помню, и говорил со мною. Затем я разговаривал со своим единомышленником Герцбергом по линии торгпредской работы. Но, исполняя роль троцкистской группы в Берлине, знал о приезде названного Милия, что он был заведующим агитпропом или зам. зав. агитпропом и знал, что он наш.

271

маш. п.
Ст. III

- 81 -

Я знал, что **МЕЛЬ** привез сведения, относящиеся к 1932 и 1933 г.г. о террористических директивах **ТРОЦКОГО**. **МЕЛЬ** желал встретиться со мной лично, **ГРИФЕРТ** тоже не возражал, считал это полезным. Я отказывался от этого по причинам исключительно конспиративно-заговорческого характера, а именно - я считал, что в этот момент идти мне на встречи с людьми более или менее случайными, неизвестными мне в достаточной степени - опасно, говорить с ними о терроре, было бы вдвойне опасно. Вот почему я отказывался от этих встреч. **МЕЛЬ** встречи упорно добивался и добился ее следующим путем: он написал какую то книгу или сборник документов о социал-демократии и как-то устроил так, что этот сборник был прислан мне на отзыв (это был не единственный случай, когда некоторые такие документы мне были посланы). Затем он просто пришел и сказал, что я - автор этого сборника, я - составитель (пришел он ко мне на квартиру). Я знал о том, что он - троцкисте, я знал о том, что он играл крупную роль в ЦК Германской коммунистической партии, в ее аппарате в те времена, когда у власти стояли **РУТ ШИФФ**, **МАСЛОВ**, знал вообще, что это человек только что приехавший из-за границы. Поэтому я решил, что ограничусь в беседе общими вопросами, что я не перейду с ним на такие темы, на которые я разговариваю только с двумя-тремя лицами, с которыми мы с"сли плуцы соли, с которыми мы знакомы 20 лет. Должен признать, что и внешнее впечатление, которое на меня произвел **МУРЫЕ** лично, было неблагоприятное.

272

- 82 -

ВЫШНСКИЙ: - Не понравился Вам.

ЗИНОВЬЕВ: - Не понравился - своей суетливостью, несерьезностью, у него про^{яв}лялся язык фашизма, фашизма слишком грубого, слишком прямого, а я в те времена фашизма не признавал, считал все наоборот - считал, что я ничего общего с фашизмом не имею, обвинял в фашизме других и т.д. У МЕНЯ же этот фашизм слишком грубо проявлялся. Это так же меня отталкивало от чрезмерно доверительного разговора с ним. Конечно, я слушал то, что он говорил, но перейти к вопросу о терроре, к вопросу об именах тех, которые были достаточно общеизвестны...

ВЫШНСКИЙ: - Что же он Вам говорил (фашистское) и что Вы слушали.

ЗИНОВЬЕВ: - Фашистское сводилось к тому, что он говорил, что в такой обстановке, как сейчас, мы должны идти на использование всяких средств.

Приводится фраза на стр.13, где говорится так: Зиновьев будто бы сказал "что же вас смущает? вы же историк, Моисей Ильич, вы знаете дело Лассалья с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции". Эта фраза была сказана не мною, а Энелем. Я тут же узнал в ней Троцкого и всякий кто ближе ...

ВЫШИНСКИЙ - Он сказал вам, что вас здесь смущает?

ЗИНОВЬЕВ - Он почувствовал, что я на эту тему не хотел говорить и привел мне эту историческую параллель, которую я слушал и думаю, что всякий кто знает биографию Троцкого, что он как живого увидит в этой параллели Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ - Вы приписываете эти слова Энелю-Лурье?

ЗИНОВЬЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Разрешите спросить Моисея Лурье?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ - Обвиняемый Лурье - так это? Соответствует действительности?

ЛУРЬЕ - Не так, не соответствует действительности.

ВЫШИНСКИЙ - А как соответствует деятельности.

ЛУРЬЕ - Действительности соответствует так, как это изложено на странице 13 обвинительного заключения. И не только это сравнение привел Зиновьев. Дело в том, что я в своих показаниях это скажу, что я не добивался этих свиданий с Зиновьевым, потому что уже находился в Москве полтора года

ВЫШИНСКИЙ - Значит добивались свидания не вы, а кто добивался?

ЛУРЬЕ - Я позвонил в редакцию "Большевик". Это была наша третья встреча. Первая встреча была в апреле 1934 г., в редакции "Большевик", вторая встреча - 25-26 Июля 1934г. в конференц-зале ^{Клм} академии наук, когда Зиновьев выступал по докладу Инорина о 20-ти летию возникновения войны и третья встреча была 4 августа того же 1934 года. При встрече был

277

действительно разговор о рецензии Зиновьева на составленную мною книгу для Украинского издательства, причем послал на рецензию книгу не я, а издательство. При второй встрече в конференцзале коммунистической академии я спросил Зиновьева когда к нему можно будет зайти, он мне сказал позвоните. Я позвонил в редакцию "Большевика" 1-2 августа и он сказал, что его больше устроила бы встреча у него на квартире. Я же человек такта и если мне говорят, что больше устроить встречу на квартире, хотя я у него на квартире никогда и не был, он дал мне адрес...

ВЫШИНСКИЙ - До этой встречи на квартире, вы имели две встречи с Зиновьевым? Это правильно?

ЗИНОВЬЕВ - Да, я вспоминаю, что он заходил один раз в редакцию "Большевика".

ВЫШИНСКИЙ - Значит к вам на квартиру он свалился не как снег на голову, а вы были с ним знакомы до этого?

ЗИНОВЬЕВ - Я сказал следствию и прокурору, что я знал о его приезде от моих единомышленников.

ВЫШИНСКИЙ - Знали о приезде, но ничего не сказали, что дважды виделись с ним.

ЗИНОВЬЕВ - Вторую встречу я запомнил, но сейчас вспоминаю, что вся эта встреча заключалась в том, что после моего выступления, у вешалки, когда мы шли за пальто и галопами он при всем народе подошел ко мне и сказал в присутствии всех, что вы говорили как бог и сделал еще несколько льстивых замечаний.

В этом заключалась вся встреча у вешалки после доклада Кнорина

ВЫШИНСКИЙ:— Это была вторая встреча ? А третья встреча ?

ЗИНОВЬЕВ:— 3-я встреча была у меня на квартире.

ВЫШИНСКИЙ:— Вы утверждаете, что вы его не приглашали, а вы (обращаясь к Лурье) утверждаете, что он вас пригласил.

ЛУРЬЕ:— Я не мог пойти на квартиру, если бы он не сказал адреса и адреса.

ВЫШИНСКИЙ:— Но это бывает ~~в~~ в зависимости от характера человека. Мы знаем, что встреча состоялась, но чьей инициативе — это для нас имеет второстепенное значение. Вы утверждаете, что это вам сказал Зиновьев, ?

ЛУРЬЕ:— Я не только это подтверждаю, но дам несколько дополнительных показаний.

Из ответа на вопрос, что слышно у РУТ-ДИРЕКТОРА и М... для меня было ясно, что привезенная им директива из Берлина, переданная Герсбергу для Зиновьева, Зиновьевым была действительно получена, что дало мне возможность говорить с ним открыто. Поэтому я спросил, в курсе ли дела Натан Лурье. Он мне сказал, что Натан Лурье связан с неким Францем Вайцем. На мой вопрос, кто такой Франц Вайц, он мне сообщил, что он является особенно доверенным лицом Гимлера ГЕСТАПО. Я ему сказал: вы в курсе дела об этой группе ?... Я в курсе дела, так что получается историческая приемственность от Шербакова до ... Тут же я ему сказал: так что же вас здесь смущает: ~~индивидуализм~~ Вы же историк, Моисей

Ильич, — и привел параллель с Бисмарком и Лассалем. На что он мне сказал: Вы же активный работник германской "Дейтц-националь" партии, почему вы там могли использовать... (не слышно), почему мы не можем использовать Гимлера. Тогда я сказал: Как же так — марксизм и индивидуальный террор. Ответ был — не надо формально относиться к этому. ... В книге "О путях предательства германской социал-демократии" цитируется очень часто "критика Гегелевской философии и права". Вы, Григорий Евсеевич, ссылались

86

96

276

всегда на то,... (несколько слов не слышно)

ЗИНОВЬЕВ:- Это чистейшая выдумка и чепуха.

ДУРЬЕ:- Все сказанное мною соответствует исторической действительности.

ВЫШИНСКИЙ:- Вы говорите, что это чепуха, но вы же действительно встали на почву террора.

ЗИНОВЬЕВ:- Я говорю об аксессуарах и фразах

ВЫШИНСКИЙ:- Вы же говорили, что у вас с Моисеем Дурье был разговор на тему, которая показалась вам менее... , чем фашизм.

Было это все? Допустим, что не вы проводили историческую параллель, а ее проводил профессор истории. Допустим, что это так. Как вы отнеслись к этому?

ЗИНОВЬЕВ. Само собой понятно, что я отдаю себе полный отчет в том, что этот инцидент имеет совершенно подчиненное значение, что все мои совершенные преступления весят в миллион раз больше, чем этот инцидент. Я признаю полностью и великом, что люди, ставшие в социалистическом отечестве на почву пораженчества, на почву троцкизма, прибавивши к этому терроризм, подошли к фашизму. О чем тут говорить? Это все тяжелые мои обвинения не снимает. Но в это крупное заговорщическое дело вкрадывается инцидент...

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует, как вы отнеслись к этому разговору Лурье?

ЗИНОВЬЕВ. Мне не совсем понравилось, что пришел этот незванный человек. Внешнее впечатление, буду выражаться, парламентски, он произвел не очень хорошее. То, что он мне говорил о загранице, о Троцком, я знал прекрасно без него и совершенно не нуждался в его информации. Я знал об этом через Смирнова и Ирачковского, которого кстати сказать, встретил весной 1934 года на улице и подробно поговорил. Знал от того же Герзберга, знал все то, что можно было знать о загранице. Это был неподходящий момент, момент наиболее усиленной конспирации, для подобных разговоров. Говорить с ним об этом в такой момент, когда я с Бакаевым старался говорить через Евдокимова! Мне это не понравилось. Во всем его разговоре звучали фашистские ноты.

ВЫШИНСКИЙ. Как вы реагировали на это?

ЗИНОВЬЕВ. Я реагировал так, что замил разговор, прекратил его.

ВЫШИНСКИЙ. Вы ему не возражали?

ЗИНОВЬЕВ. Не могу сказать, чтобы возражал. Я свел дело к тому, чтобы замить разговор.

ВЫШИНСКИЙ. Что значит замить? Вы соглашались с ним или нет? Можно сказать да, да, поддакивать, а потом разговор прекра-

278

ратить.

ЗИНОВЬЕВ. Что касается этого браз о Лассале, я узнал в нем Троцкого, ибо знал его пристрастие к Лассалю.

ВЫШИНСКИЙ. Узнав Троцкого вы сразу испугались?

ЗИНОВЬЕВ. Нет, я не испугался, но я понял, что дело идет о чем то похожим, понятном, что в этой обстановке должно было родиться.

ВЫШИНСКИЙ. Тем более, это была почва для вашего сближения со собеседником.

ЗИНОВЬЕВ. Никакого сближения с Эмилем Лурье у меня не было.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю: вы выслушали вот эту фашистскую речь от Эмиля Лурье и высказали какиенибудь соображения по этому поводу или противоречили ему?

ЗИНОВЬЕВ. Я свел разговор к тому, что Лассаль не наш, что это не классик, сказал, что Лассаль мелкий буржуа, о чем я много писал. Об"яснить же ему, чтонибудь партийное, конечно, я не мог в то время.

ЭМИЛЬ ЛУРЬЕ с места: А кто цитировал "Обращение Маркса к союзу коммунистов"?

ВЫШИНСКИЙ. Одним словом человека, который откровенно говорил в вашей квартире о союзе с фашистской полицией, вы этого человека не выгнали?

ЗИНОВЬЕВ. Откровенно он не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Вы только что сказали, что он говорил откровенно. Что может быть откровеннее того выражения, которое вы приписываете ему. Или тогда вам это не казалось откровенным?

ЗИНОВЬЕВ. Сейчас я вижу, что это говорилось откровенно..

ВЫШИНСКИЙ. Значит беседа кончилась, вы ему пожали руку и он ушел?

ЗИНОВЬЕВ. Да, к сожалению я ему пожал руку. Никаких серьезных доводов я не мог высказывать. Понять, что дело идет о фашизме, я тогда не мог.

279

ВИШНИНСКИЙ. Вы только что сказали, что этот инцидент имеет второстепенное подчиненное значение. Вы встретились с таким откровенным фалистским жаратором и как вы на это реагировали. Я прихожу к заключению, что выслушав все это, вы не имели сил или желания возражать, свели разговор на нет, пожали вашему собеседнику руку и на этом окончился, благополучно проведенный вами вечер. Правильно?

ЗИНОВЬЕВ. Около того, с той поправкой, что откровенно о фашизме он не говорил, а пробалтывался в этом смысле. Имен не называл, о терроре не говорил.

ВИШНИНСКИЙ. Я говорю об исторической параллели, о Бисмарке и Массале.

ЗИНОВЬЕВ. Эту фразу он действительно произнес и я решил, что это до него дошло каким-то окольным путем от Троцкого, я узнал в этой фразе Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ: Вы связь с Троцким не прерывали, следовательно, почему это Вас оттолкнуло от Лурье.

ЗИНОВЬЕВ: Меня это оттолкнуло не от Лурье, а от его разговоров.

ВЫШИНСКИЙ: У Вас не было желания с ним говорить.

ЗИНОВЬЕВ: Он представлял из себя троцкиста, но в своих разговорах развивал нотки о фашизме.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы с ним были солидарны, но не хотели говорить.

ЗИНОВЬЕВ: Солидарен с ним я не был, но говорить не хотел.

ВЫШИНСКИЙ: У меня вопросов больше нет.

УЛЬРИХ: У обвиняемых есть вопросы.

ЛУРЬЕ: У меня есть дополнительный вопрос.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ЛУРЬЕ: Пропу уточнить — обращался ли ко мне Зиновьев с вопросом о том, имею ли я новые сведения о ФИШЕРЕ и КАСЛОВЕ.

УЛЬРИХ: Обвиняемый Зиновьев, такой разговор был.

ЗИНОВЬЕВ: Да, был.

ЛУРЬЕ: Второй вопрос — не может ли Зиновьев точно сказать что сейчас делает группа РОЗЕНФЕЛЬДА.

УЛЬРИХ: Мы далеко уходим от темы, вопрос не имеет существенного значения. Других вопросов нет.

ЛУРЬЕ: Нет.

УЛЬРИХ: Подсудимый Зиновьев, скажите пожалуйста, что Вам известно о практических шагах по подготовке теракта в отношении Сталина.

ЗИНОВЬЕВ: Что было принято общее решение по этому вопросу — я уже говорил, что я участвовал в этом деле — я тоже говорил и через ЕВДОКИМОВА мне было известно, что были две попытки покушения на Сталина, в которых принимали участие, насколько я помню, трое — РЕНКОЛЬД, ДРЕШНЕР и ПИКНЕЛЬ.

Мне известно, что их неудача была связана с тем фактом, о котором здесь вчера говорил в своих показаниях Бакаев.

УЛЬРИХ: Эта попытка имела место летом и осенью 1934 г. и непосредственным организатором ее был БАКАЕВ.

ЗИНОВЬЕВ: Да, на него это было возложено.

УЛЬРИХ: Известно Вам или нет то, о чем говорил БАКАЕВ по возвращении из Ленинграда в ноябре 34 г.

ЗИНОВЬЕВ: Хотя я в это время отсутствовал, но мне все было известно со слов ЕВДОКИМОВА или КАМЕНЕВА — точно не помню.

УЛЬРИХ: Известно Вам, или неизвестно, приезжал ли кто либо в Москву из Ленинграда для доклада после 1-го декабря.

ЗИНОВЬЕВ: Мне этого неизвестно.

УЛЬРИХ: Обвиняемый БАКАЕВ; приезжал в Москву или не приезжал после 1-го декабря 34 г. МЕНДЕЛЬСТАМ.

БАКАЕВ: Я слышал от ЕВДОКИМОВА относительно этого приезда.

УЛЬРИХ: Обвиняемый Евдокимов, Вы это подтверждаете.

ЕВДОКИМОВ: Я этого не подтверждаю.

УЛЬРИХ: Я спрашиваю, приезжал ли ктонибудь после 1-го декабря в Москву из Ленинграда.

102
282

ЕВДОКИМОВ: Если и приезжал, то я не видел, но мне нечего скрывать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы слышали Бакаев от Евдокимова.

БАКАЕВ: В столовке слышал от Евдокимова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть Евдокимов вы не помните.

ЕВДОКИМОВ: Нет, не видел Мандельштама.

ВЫШИНСКИЙ: Бакаев, вы договорились с Мандельштамом и Левиным, что должны приехать в Москву.

БАКАЕВ: Они должны были приехать и сообщить о мерах, которые они приняли для сокрытия преступления. Предупредить москвичей на случай возможных репрессий.

ВЫШИНСКИЙ: Так вы оговорились с Мандельштамом и Левиным.

БАКАЕВ: Должен был приехать Мандельштам в Гертнику.

ВЫШИНСКИЙ: А Гертник должен был сообщить кому.

БАКАЕВ: Дальнейшей договоренности не было. Ясно, что Гертник сообщил бы тому, кому нужно было сообщить.

ВЫШИНСКИЙ: Важно установить одно обстоятельство, что вы лично, Бакаев, с Мандельштамом и Левиным договорились, что до убийства т. Кирова они приедут в Москву...

БАКАЕВ: Я так договорился с Евдокимовым.

ВЫШИНСКИЙ: Евдокимов, вы помните это. Каменев, вы помните это.

КАМЕНЕВ: Да.

ЕВДОКИМОВ: Может быть Бакаев путает. В разговоре с Микояном в Пичепроме, мне было известно, что Николаев /это было по всей вероятности числа 5, 6 может быть 7, а 8 я уже был арестован/, что Николаев продолжает при допросах настаивать на версии, что он совершил убийства из личной мести. Вот эту новость, которая для нас имела большое значение, я Бакаеву действительно передал в столовой.

283

- 92 -

БАКАЕВ: Стой новости я не знал, а на первом своем утверждении настаивал, при чем прямо было сказано Евдокимову, что приехал Мандельштам, который мне сообщил об аресте Николаева и его родственников, и мы разошлись.

ЕВДОКИМОВ: Я мог позабыть разговор с Бакаевым, но не позабыл об приезде Мандельштама.

ИНОВЬЕВ: Вы мне разрешите упущенный момент об Богдане осветить. В одном месте показания Бакаева оспариваю. Именно в том месте, где он говорит со слов Богдана, что я Богдана непосредственно направил в секретариат, ускорял дело и т.д. Это неверно. Это имеет второстепенное значение, важен факт, что он был привлечен к террористическому центру, но взаимоотношения, которые он описывал — неверны.

Сафонова

ст. 284-301

20 m group

284

ВЫШНСКИЙ: - Но Вы рекомендовали БОГДАНА БАКАНУ для того, что бы он организовал убийство тов. СТАЛИНА. Вы это подтверждаете.-

ВИНОВНИК: - Подтверждаю.

ВЫШНСКИЙ: - Прошу свидетельницу СА.ОПОВА.

(Вводят свидетельницу СА.ОПОВУ).

УЛЬРИХ: - Ваша фамилия.

СА.ОПОВА: - СА.ОПОВА.

УЛЬРИХ: - Имя и отчество.

СА.ОПОВА: - Александра Николаевна.

УЛЬРИХ: - Вы вызваны свидетельницей по данному делу. Тов. ВЫШНСКИЙ, задавайте вопросы (по Вашей просьбе свидетельница названа).

ВЫШНСКИЙ: - Скажите пожалуйста, свидетельница СА.ОПОВА, что Вы знаете о деятельности Ивана Никитича СЕТИНСКОГО, о троцкистско-виновьевском террористическом центре. Знаете ли Вы что нибудь об этом.

СА.ОПОВА: - Прежде чем ответить Вам на этот вопрос, я должна заявить здесь о том, что, несмотря на то, что я на данное судебное заседание названа в качестве свидетеля, я являюсь ответственным и несу в равной мере эту ответственность, несу ответственность наравне с сидящим здесь на скамье подсудимых, т.к. я являюсь членом троцкистского центра и принимала активное участие в работе этого центра, - принимала участие в решениях этого центра по вопросу о терроре, а так же и была полностью солидарна с этими решениями. Теперь разрешите мне ответить по существу заданных Вами вопросов.

В 1931г. после возвращения И.Н. СЕТИНСКОГО из-за границы он информировал центр троцкистской организации в лице ЧЕР-БАКАННА...

285

ВО-БЧ

- 95 -

Мрачковского и меня о том, что им получена от Седова установка на переход к террористическим методам борьбы.

ВЫШИНСКИЙ - Лично от Седова ?

САФОНОВА - Да, эта установка была получена от Седова, но в той информации, которую дал Иван Никитич Смирнов. Он сообщил, что Седов передал эту установку как линию поведения Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ - Эта установка Троцкого передана была через Седова ?

САФОНОВА - Эта установка Троцкого передана была через Седова.

ВЫШИНСКИЙ - Это заявил Смирнов ?

САФОНОВА - Да, на совещании, которое было и заслушало информацию Ивана Никитича Смирнова о его поездке за границу. На этом же совещании было сообщено нам, что центром было принято решение о переходе к террору и в первую очередь о совершении теракта на Сталина. Практически это дело было поручено Мрачковскому.

Было бы неверно сказать, что решение о терроре было принято только как исполнение полученной директивы Троцкого. Вопрос о терроре возникал и раньше и ставился в рядах нашей организации. Как факт, подтверждающий это я могу привести прямое предложение члена нашей организации Югова, который еще в 1930 году предложил перейти к террористическим методам борьбы, как единственно реальным в данных условиях для достижения цели - свержения руководства ВКП. Тогда этот вопрос не был окончательно решен, но в этих высказываниях, которые имели место, Иван Никитич Смирнов, который принимал участие в раз-

решении этого вопроса, заявил, что он считает принципиально допустимым террористические методы борьбы, но считает, что организационно это дело должно быть поставлено таким образом, чтобы Троцкий, верхушка организации и по возможности троцкисты остались в стороне от этого дела и не были запятнаны обвинением в терроре.

Таким образом было бы правильнее сказать, что решение вопроса о терроре состоялось одновременно как здесь в Москве в троцкистской организации, так и за границей у Троцкого. И в 1931 году после возвращения Ивана Никитича Смирнова это решение окончательно оформилось, сделалось, как я уже говорила, фактом.

В последующем 1932 году была получена директива Троцкого, которая была привезена Гавеном и явилась прямым подтверждением переданной через Седова директивы о терроре. Об этой директиве также нас информировал Иван Никитич Смирнов. Эта директива явилась не только подтверждением указаний, переданных через Седова, но она одновременно явилась и указанием на необходимость форсировать теракт на Сталина. Тогда в 1932 году было снова подтверждено, принятое в 1931 году решение, и было дано поручение Мрачковскому, с указанием на необходимость привлечения к этому делу Дрейцера.

Кроме этого, в процессе обсуждения вопроса террора я могу привести следующий факт, характеризующий личные отношения Смирнова к этим вопросам. Факт этот следующий. Когда после возвращения Сергей Витальевич Мрачковский с приема у Сталина, последний информируя нас о своей беседе со Сталиным, при этом присутствовали я и Иван Никитич Смирнов, информируя нас

ВО-БЧ

- 96-а -

увязывал эту беседу с перспективами нашей дальнейшей борьбы и заявил, что единственный выход -- это убить Сталина. Тогда же Смирнов активно поддержал этот вывод Мрачковского, подтвердил его и снова вопрос стал в такой плоскости.

Это дело нужно законспирировать таким образом, чтобы троцкистская верхушка осталась в стороне от всего этого дела, чтобы можно было изобразить это дело делом какой-нибудь белогвардейской организации, сохранив незапятнанной троцкистскую организацию. Перед моим отъездом в декабре 1932 г. на строительство Амуро-Байкальской дороги в личной беседе со СМЕРНОВИМ, в разрезе обсуждения перспектив дальнейшей работы организации и принятых решений о терроре Иван Никитич СМЕРНОВ категорической форме подтвердил мне, что СТАЛИНА надо убить, что СТАЛИН будет убит. Мне известно также, что на основе единства позиций в отношении руководства, единства в вопросе о терроре был заключен блок с зиновьевской организацией и что в этом направлении действовал, как Смирнов, так и ТЕР-ВАГАНЯН, в части личных переговоров с отдельными руководителями зиновьевской организации.

Вот в основном все, что я имела рассказать.

ВЫШИНСКИЙ:— Если почасть вернуться к вашим объяснениям, что выходит, что с вашим участием был организован центр зиновьевско-троцкистской организации, в которой принимал участие Смирнов, (обращается к Председателю) Позвольте спросить обвиняемого СМЕРНОВА.

Обвиняемый СМЕРНОВ, значит, вернувшись к этому вопросу — вы подтверждаете показания САФОНОВОЙ о том, что вы были активным участником организованного осенью 19... г. троцкистско-зиновьевского блока?

СМЕРНОВ:— Я был в составе центра.

ВЫШИНСКИЙ:— Далее, показания САФОНОВА, вы указываете, что СМЕРНОВИМ была получена через СЕДОВА прямая директива о терроре от Троцкого. Была ли это непосредственно, как личная установка СЕДОВА, или это была директива Троцкого?

САФОНОВА:— Это есть директива Троцкого, переданная им Смирнову через Седова.

ВЫШИНСКИЙ:— Принял ли это Смирнов, как личную установку СЕДОВА, или он это принял, как директиву Троцкого?

САФОНОВА:— Я заявляю, что это была установка Троцкого, переданная через СЕДОВА Смирнову на основе информации Смирнова, Смирнов к ней присоединился и активно поддерживал.

ВЫШИНСКИЙ:— Обвин. Смирнов, как вы знаете

СМЕРНОВ:— По возвращении из Германии я, давая информацию, сообщил между прочим о своем свидании Седовым, и сказал, что Седов высказал мне такую

мисль относительно террора, которую я воспринял как личное мнение, с которым я не был согласен, и именно в таком разрезе я это изложил.

ВЫШИНСКИЙ:— Свидетельница САФОНОВА говорила, что вы были согласны с этим ?

СМИРНОВ:— Нет.

САФОНОВА:—

ВЫШИНСКИЙ:— Свидетельница САФОНОВА, сейчас Смирнов скрывает правду ?

САФОНОВА:— Я считаю, что он скрывает что-то.

СМИРНОВ:— Я имел право так говорить, потому что это было именно так, как я сказал.

ВЫШИНСКИЙ:— А Сафонова считает, что было так, как она сказала.

Обвиняемый Тер-Ваганян, Вы слышали об этом от Смирнова?

ТЕР-ВАГАНЯН:— Нет. Я был тогда в Тифлисе. Я слышал это от САФОНОВОЙ, и Сафонова рассказал мне так, как говорит сейчас.

ВЫШИНСКИЙ. А вот вы на допросе от 14 августа показали:...

ТЕР-ВАГАНЯН. Это потому, что хронология была ошибочная. Я знаю, я знаю в чем дело.

ВЫШИНСКИЙ. Подождите, не волнуйтесь. Вы не можете знать в чем дело, пока я не сказал вам того, о чем идет речь. Вы следовательно утверждаете, что лично от Смирнова ничего в 1931 году не слышали?

ТЕР-ВАГАНЯН. Этот вопрос я слышал не от Смирнова, от Сафоновой.

ВЫШИНСКИЙ. А вот ваши показания, том 36 л.д.58. "В 1931 году из Берлина в Москву возвратился Смирнов Иван Никитич, который мне сообщил, что будучи в Берлине, он встречался с Львом Седовым, от которого получил директиву о переходе троцкистской организации к террористическим формам борьбы с руководством ВКП(б)". Мне сообщил, как вы говорите.

ТЕР-ВАГАНЯН. Это у меня так прямо и сказано?

ВЫШИНСКИЙ. Да, можете посмотреть.

ТЕР-ВАГАНЯН. У меня в протоколе, который я составил 16-17 числа сказано следующее: что об этих разговорах я узнал...

ВЫШИНСКИЙ. Я читаю дальше ваше показание: "До получения мной этой информации, Смирнов об этом сообщил участникам троцкистской организации Мрачковскому и Сафоновой Шуре". Видите, как вы уточняете.

ТЕР-ВАГАНЯН. Приехал Смирнов в августе 1931 года. 15 августа я был в Тифлисе, потом уехал в Эривань, из Эривани приехал к концу сентября.

ВЫШИНСКИЙ. Очень возможно.

ТЕР-ВАГАНЯН. Все это произошло потому, что тогда, когда я давал показания меня все время уверяли, что Смирнов был заграничей в 1930 году. Между тем, было совершенно ясно, что речь идет не о 30, а 1931 годе. В 1931 году произошло именно так и на предварительном следствии я так и показывал, что слышал об этих разговорах от Сафоновой, которая находится здесь и может это подтвердить.

ВИШИНСКИЙ. Значит вы сейчас в свои показания от 14 августа вносите поправку?

ТЕР-БАГАНИН. Нет, в показания от 14 августа я никакой поправки не вношу.

ВИШИНСКИЙ. Что вам еще говорила Сафонова?

ТЕР-БАГАНИН. Вот мои показания, приведенные в обвинительном заключении. Здесь сказано следующее: "От Троцкого и Седова была получена для Смирнова и троцкистского подполья в СССР специальная директива о переходе на самые активные и острые методы борьбы с партией и ее руководством". Это я показал и узнал от Сафоновой. Точнее было бы сказать, как я уже говорил выше, что хронологические исправления вы эти сами собой исправления в самое существо дела.

ВИШИНСКИЙ. Я должен констатировать все же, что в протоколе от 14 августа, который вы подписали, вы говорили о том, что получили эти сведения от Смирнова.

ВЫШИНСКИЙ: ТЕР-ВАГАНЯН, Вам было известно о террористических установках, привезенных СМЕРНОВИМ.

ТЕР-ВАГАНЯН: Мне было известно от САФОНОВОЙ.

ВЫШИНСКИЙ: САФОНОВА, расскажите коротко о том, что Вам передал СМЕРНОВ.

САФОНОВА: Он передал мне о директиве Троцкого, которую он получил через СЕДОВА по поводу террора. После этого было принято решение о необходимости перехода к террористическим методам борьбы.

ВЫШИНСКИЙ: СМЕРНОВ принимал участие в переходе на террористические методы борьбы.

САФОНОВА: Принимал участие и был организатором этого террора.

ВЫШИНСКИЙ: Вы слышите, обвиняемый Смирнов, Вы это подтверждаете.

СМЕРНОВ: Я отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ: Вы признаете, что в 1932 году Вы через ГАВЕНА получили директиву от Троцкого о терроре.

СМЕРНОВ: Я это подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ: Сафонова заявляет, что Вы не только получили эту директиву, но и энергично ее проводили, так это было.

СМЕРНОВ: Нет, не так, я об этой директиве рассказал Сафоновой и Тер-Ваганяну.

ВЫШИНСКИЙ: Значит Сафонова говорит неправду.

СМЕРНОВ: В данном случае неправду.

ВЫШИНСКИЙ: Был у Вас разговор с Сафоновой и Мрачковским, по поводу приема тов. СТАЛИНИМ Мрачковского.

СМЕРНОВ: Я не помню, присутствовала ли при этом разговоре САФОНОВА.

ВЫШИНСКИЙ: Спросить САФОНОВУ.

САФОНОВА: Да, я присутствовала, это может подтвердить МРАЧКОВСКИЙ.

114
293

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Мрачковский, Сафонова присутствовала при этом разговоре.

МРАЧКОВСКИЙ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: (Обращаясь к Смирнову) Какой у Вас был разговор в связи с сообщением Мрачковского о его приеме тов. СТАЛИНЫМ.

СМИРНОВ: Я помню, что ВЫШИНСКИЙ Мрачковский подробно передавал весь разговор со Сталиным и в это время никакого разговора об убийстве Сталина мы не вели.

ВЫШИНСКИЙ: Никакого разговора о том, что нужно убить Сталина не было, а САФОНОВА говорит, что был - спросим Сафонову.

САФОНОВА: Я утверждаю, что СМЫРНОВ говорит неправду, надо это прекратить и сказать по настоящему.

ВЫШИНСКИЙ: Вы утверждаете, что этот разговор был.

САФОНОВА: Я утверждаю, что этот разговор был и Мрачковский и его тоже должен подтвердить.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Мрачковский, Вы подтверждаете.

МРАЧКОВСКИЙ: После принятия меня Сталиным, я в присутствии СМЫРНОВА и САФОНОВОЙ передал впечатление, которое на меня произвело такое широкое познание мелочей, о которых говорил со мной СТАЛИН. На меня этот разговор произвел такое впечатление, что Сталин знает не только поверхностно всю ту работу, которая проводится в Союзе, но он подробно знает и о всех мелочах. Я восторгался обширным знанием Сталиным работы производимой в стране, а СМЫРНОВ проявил недовольство моим восхищением и, как-бы в порядке неприятного укола, сказал, что Сталин пытается тебя оторвать и за одно это

.....

... и за одно это надо Сталина уничтожить.

ИЛИНСКИЙ: Он это сказал. Слышали Смирнов.

МРАЧКОВСКИЙ: Я не отрицаю расчета на то, чтобы Сталина убрали партия или страна. На это расчетов не может быть. Он внедрен настолько в страну, в работу, в людей, что Сталина можно убрать только убив его.

ИЛИНСКИЙ: Было так./ Обращается к Сафоновой/

САФОНОВА: Подтверждаю первую часть заявления Мрачковского о том, что у него было определенное удивление и восхищение и вместе с тем, резюмируя итог беседы о перспективах дальнейшей борьбы с руководством, Мрачковский заявил, что дальнейший путь убийство Сталина. Иван Никитич Смирнов подтвердил это дело и высказался только в отношении формы конспирации.

ИЛИНСКИЙ: К Смирнову - вы это отрицаете. Позвольте процитировать том XXIX л.д. 93, нашу личную ставку с Сафоновой, где вы говорили по поводу этого разговора. Я напоминаю раньше всего, что говорила Сафонова.

ВОПРОС: Сафонова, как Смирнов относился к...

ОТВЕТ: Я говорила и еще раз заявляю, что Смирнов передавал нам директиву Троцкого, приведенные Гавеном. Я

Я хочу напомнить Сафоновой о следующем факте, что к директиве Троцкого, приведенной Гавеном мы отнеслись отрицательно. Вспомните Иван Никитич Смирнов наш разговор перед моим отъездом в.....
вы, Смирнов, сказали - Сталин будет убит./ Обращается к Смирнову/
Смирнов, что вы на это скажете.

СМИРНОВ: Очевидно такой разговор мог быть.

ИЛИНСКИЙ: Я спрашиваю, мог быть такой разговор относительно убийства Сталина.

СМИРНОВ: Разговор относительно убийства Сталина мог быть.

- 104 -

НАШИНСКИЙ: Может быть в связи с делом Аймонда можно сказать, что Сталин может быть убит. Вы подтверждаете, что с Сафоновой был разговор, что т. Сталин может быть убит.

СМИРНОВ: Я утверждаю, что с Сафоновой мог быть разговор о террористической деятельности.

НАШИНСКИЙ: Вы подтверждаете показание, что у вас был разговор с Сафоновой о возможном убийстве т. Сталина. Подтверждаете или не подтверждаете.

СМИРНОВ: Условно подтверждаю.

НАШИНСКИЙ: А безусловно.

СМИРНОВ: В связи с делом Аймонда.

НАШИНСКИЙ: Сафонова, вы помните этот разговор.

САФОНОВА: Да.

СМИРНОВ: Не может ли она подтвердить со свидетелем.

НАШИНСКИЙ: Вероятно разговор был не со свидетелем.

САФОНОВА: Да, разговор был без свидетелей.

СМИРНОВ: Очень жаль./В зале смех/.

ВЫШЕНСКИЙ: - Не был ли свидетелем аналогичного разговора МРАЧКОВСКИЙ?

САМОУБЛА: - Свидетелем аналогичного разговора был МРАЧКОВСКИЙ.

ВЫШЕНСКИЙ: - Обвиняемый МРАЧКОВСКИЙ, Вы были свидетелем того, как СМЕРНОВ говорил, что нужно убить тов. СТАЛИНА?

МРАЧКОВСКИЙ: - СМЕРНОВ хочет из нас изобразить ширму и сам спрятаться. Мы за длинные его уши или вытащим не только голову, но и туловище.

ВЫШЕНСКИЙ: - А вот он ищет свидетелей.

МРАЧКОВСКИЙ: - Я - свидетель, Шура - свидетель, ТЕР-ВАГАНИН - свидетель.

ВЫШЕНСКИЙ: - Обвиняемый ТЕР-ВАГАНИН.

ТЕР-ВАГАНИН: - Я могу свидетельствовать относительно отношения СМЕРНОВА к Эйсмантовскому делу. Когда было опубликовано дело ЭЙСМОНТА, я пришел к СМЕРНОВУ. СМЕРНОВ был один, тут мы имели дело один - на - один, без свидетелей. Однако, разговор, который у нас был, я перескажу почти дословно, потому что я этот разговор уже третий раз повторяю. Он рассказал все то, что он слышал в соннаркомовской столовой в этот день вокруг дела ЭЙСМОНТА. Я ему сказал: "Иван Никитич, как будто это дело приобретает в антипартийных правых кругах какую-то форму фашистского дворцового переворота". Он сказал: "ЭЙСМОНТ вовсе не один, да и есть ли дело ЭЙСМОНТА фашистское?".

ВЫШЕНСКИЙ: - Вы так это поняли.

ТЕР-ВАГАНИН: - Я понял, что он там слышал не одного ЭЙСМОНТА, значит он знает не одного правого уклониста, которые подобно ЭЙСМОНТУ шептались вокруг такими фразами. А во-вторых, я понял, что он это вовсе не считает фашистским делом.

297

106
-116-

ВЫШНСКИЙ: - Вы считали, что СМЕРНОВ разделяет террористические установки.

ТЫР-БАГАНИН: - То-есть, как я мог считать или не считать, когда СМЕРНОВ был главой этого дела?

ВЫШНСКИЙ: - Обвиняемый СМЕРНОВ, вот Вам еще один свидетель. Будете ли Вы, СМЕРНОВ, укрывать или скажете правду.

СМЕРНОВ: - Я оказал ту правду, которую я знаю.

ВЫШНСКИЙ: - Но Вас уличают МРАКОВСКИЙ, ТЫР-БАГАНИН, ЗИНОВЬЕВ.

СМЕРНОВ: - Я могу уличить ЗИНОВЬЕВА, что он говорил неправду, если Вы мне дадите слово.

ВЫШНСКИЙ: - Вы получали из-за границы указания о терроре: первый раз в 1931г. - через СЕНОВА, второй раз - в 1932 г., через ГАВНА.

СМЕРНОВ: - Один раз-это было в 1932г., от ГАВНА, а в первый раз это была не директива, а был личный взгляд на террор СЕНОВА, который я не воспринял, как директиву.

ВЫШНСКИЙ: - Вы были членом областного центра и Вы не отрицаете показания об этом СЕНОВОМ.

СМИРНОВ - И это показывал на следствии.

ВЫШИНСКИЙ - Об"единенный центр организовался на основе террора, вы это признаете ?

СМИРНОВ - Восприняли идею Троцкого, я об этом знал.

ВЫШИНСКИЙ - Вы единственно отрицаете разговоры с Сафоновой о террористических планах ?

СМИРНОВ - Это не единственное, я отрицаю, что организовывал террористические группы.

ВЫШИНСКИЙ - Вы же сказали, что были членом центра. Для чего был создан центр ?

СМИРНОВ - Центр был создан для руководства работой.

ВЫШИНСКИЙ - Что выходит, в деятельность центра входила организация террористических групп.

СМИРНОВ - Конечно, было принято это решение:

ВЫШИНСКИЙ - Вот я и спрашиваю, в обязанность центра это входило ?

СМИРНОВ - Входило.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, в обязанности центра входила организация террористических групп, о вы были членом центра ?

СМИРНОВ - Был.

ВЫШИНСКИЙ - В ваши обязанности, как члена центра, входила организация террористических групп, правильно ?

СМИРНОВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Вы это признаете ?

СМИРНОВ - Это признаю, но работу эту не вел.

ВЫШИНСКИЙ - Вы это признаете ?

СМИРНОВ - И это скрываю.

ВЫШИНСКИЙ - Это подтверждает САФОНОВА. Скажите пожалуйста, какие у вас есть основания считать, что Сафонова индугирует все то, что она здесь говорила?

СМИРНОВ - Пусть она сама на это ответит. Я не хочу повторять того, что она сказала мне на очной ставке.

ВЫШИНСКИЙ - Можете повторять что угодно, какие у вас отношения с Сафоновой, что она с вами личные счеты сводит?

СМИРНОВ - Отнюдь нет.

ВЫШИНСКИЙ - Какие отношения у вас были с Сафоновой?

СМИРНОВ - Хорошие.

ВЫШИНСКИЙ - А больше?

СМИРНОВ - Мы были близкие люди друг другу.

ВЫШИНСКИЙ - Вы были муж и жена?

СМИРНОВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Личных счетов у вас нет?

СМИРНОВ - Нет.

ВЫШИНСКИЙ - Больше вопросов не имею.

СМИРНОВ - Разрешите в адрес Сафоновой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Пожалуйста.

СМИРНОВ - Александра Николаевна, вы сказали в чем выражалась террористическая деятельность нашей террористической группы в период 1961 года.

САФОНОВА - В 1961 году, прежде всего, было принято определенное решение, которое уже мобилизовало организацию в определенном направлении. Причем это решение было поставлено на определенные практические рельсы, что выражалось в прямом поручении Мрачkovскому заняться подготовкой боевых дружин и т.д. и особенно это было определенное мнение организации и троцкист-

200

ских кругов, в которых мы с вами вращались. Вот что я могу ответить. Это было в 1931 году. Если хотите сказать еще следующее, что вся работа, которую мы вели не широко, она не выливалась за пределы центра, по существу эта работа была пропагандой террористических методов борьбы, потому что никакой платформы мы не имели, ничего кроме озлобленной критики против руководства у нас не было. Вся пропагандистская работа, которую мы с вами вели, по существу своему являлась пропагандой террористических методов борьбы, подготовкой к восприятию террористических актов троцкистской организацией.

СМИРНОВ - Это относится к 1931 году.

САФОНОВА - Да.

СМИРНОВ - А вот почему в разных показаниях о решении перехода к террору вы сказали, что это решение было принято центром в конце 1932 года, после получения от Троцкого директив.

САФОНОВА - В моих показаниях я совершенно точно помню, что окончательное решение о терроре было принято в 1931 году после вашего возвращения из-за границы. В 1932 году это решение было еще раз окончательно подтверждено и было принято решение о форсировании теракта на Сталина.

ВАШИНСКИЙ - Позвольте по этому поводу напомнить, что в деле имеется показания Сафоновой в томе 29 л.д.106, где говорится "~~наши~~ вернее было бы сказать, что процесс созревания решения о терроре до известной поры шел параллельно нас и за границей... окончательное решение было принято в 1933 году после сообщения Ивана Никитича Смирнова о полученной им через Седова санкции Троцкого на переход к подготовке теракта на Сталина."

ВЫШИНСКИЙ: (Обращается к Смирнову). Вы это подтверждаете?

СМИРНОВ: Н е т.

ВЫШИНСКИЙ: Тут сказано это в томе 29-м, л.д.106.

СМИРНОВ: Разрешите сказать, что в л.д.295 сказано то, что я сказал, что окончательное решение о терроре было принято в 193 году.

ВЫШИНСКИЙ: Вы путаете два обстоятельства. Одно обстоятельство это ваш внутренний троцкистский мирок и другое обстоятельство это об"единенный центр троцкистов и зиновьевцев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об"является перерыв на два часа.

Заседание 4ое

20 VII 1937

Смирнов от 302-363 {
Заявление Смирнова и Бакань 3632 }

Олсберг от 364-390

Берман - Юрин от 391-415

Смирнов

20 VIII березн

стр. 302 - 363

202¹²⁵

СТЕНОГРАММА

А.А.
ЕН.

ВЕЧЕРНЕГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

20 августа 1936 г.

КОМАНДАНТ: — Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садитесь, пожалуйста. (Обращаясь к Вишинскому).
Есть вопросы к Седовой?

ВИШИНСКИЙ. Сейчас нет, но я попрошу оставить ее здесь, может
быть она понадобится в связи с допросом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Смирнов.

ВИШИНСКИЙ. Так как уже очень многое выяснено, я ограничусь ко-
ротким допросом. Что же в результате можно считать установленным.
Сообщите, пожалуйста суду в чем вы сами признаете виновным?

СМИРНОВ. Я так и хотел сделать. Так мне очевидно будет предо-
ставлено последнее слово, о причинах возобновления своей борьбы с
партией после отказа от оппозиции, я скажу в последнем слове. Сей-
час останавлиюсь на фактической стороне дела. Я хочу остановиться
на 4-х моментах. Во-первых, что собой представляла та оппозицион-
ная группа, к которой я принадлежал.

ВИШИНСКИЙ. Это мне неважно.

СМИРНОВ. Про поездку в Берлин рассказать.

ВИШИНСКИЙ. Да, расскажите о вашей встрече в Берлине с Седовым.

СМИРНОВ. Хорошо. В 1930-31 году я работал на стройке в Сарато-
ве. По делам этой стройки я должен был поехать за границу для размеще-
ния заказов на оборудование. В мае м-це 1931 года я был в Берлине.
Приблизительно в половине 3-го месяца я встретил там Седова. Встреча,
как мне кажется, произошла случайно. Мы встретились с ним в магазине.
Неслучайно было по моему то, что Седов имел квартиру свою около дома,
где жили приезжающие из СССР советские работники. Так что встречи мне
кажется происходили обдуманно с той стороны. При этой встрече у ме-
ня с ним произошел разговор. Я от этого разговора не уклонился.

ВИШИНСКИЙ. Где произошла встреча?

СМИРНОВ. Она произошла около магазина КДБ.

ВИШИНСКИЙ. Как вы туда попали и как он туда попал?

СМИРНОВ. Магазин находился недалеко от моей квартиры.

ВЫЛИНСКИЙ. Вы пришли в магазин, чтобы встретиться с ним?

СМИРНОВ. Нет, я вообще пришел в магазин, это огромный магазин, и при входе в дверях мы встретились.

ВЫЛИНСКИЙ. Случайно?

СМИРНОВ. Встреча была случайной.

ВЫЛИНСКИЙ. Седов дежурил что-ли у магазина?

СМИРНОВ. Я этого не знаю. Думаю, что он неслучайно жил около дома, куда приезжали советские работники. Встречи вероятно происходили, таким образом, не только со мной.

ВЫЛИНСКИЙ. Он может быть ожидал возможных встреч?

СМИРНОВ. Очень возможно.

ВЫЛИНСКИЙ. Вы и раньше были с ним знакомы?

СМИРНОВ. Да, я его знаю.

ВЫЛИНСКИЙ. Сколько времени, когда?

СМИРНОВ. В 1926-27 году, когда я бывал у Троцкого на квартире, я его видел.

ВЫЛИНСКИЙ. Какая разница между вами и им в возрасте?

СМИРНОВ. Я не знаю, сколько ему лет, лет под тридцать наверно.

ВЫЛИНСКИЙ. А вам?

СМИРНОВ. Мне 56. Седов попросил у меня свидания. Я согласился. Я согласился на это потому, что меня заинтересовало, что собственно говоря, кто Троцкий делает за границей.

ВЫЛИНСКИЙ. Таким образом, вы случайно встретились с Седовым и условились о следующем свидании?

СМИРНОВ. Да, свидание произошло у меня на квартире. Седов попросил меня рассказать, что делается в СССР, в частности в первую очередь спросил, как проходит пятилетка. Я сказал, что пятилетка проходит хорошо, с большим напряжением, трудностями, но вообще проходит хорошо и выйдет. Я рассказал ему также, что несколько хуже дело обстоит в деревне. Вот на эту тему мы разговаривали. О внутрипартийном положении мы не говорили, так как я сам не был

209

- 2-а -

особенно осведомлен, потому что жил в провинции, в Саратове.

ВЫШИНСКИЙ. А как вы перешли на разговор о терроре?

СМИРНОВ. Когда я все это ему рассказал, когда он сообщил, что делается за границей и когда между нами происходил обмен мнений, он сказал, что ему кажется, что старая форма борьбы теперь уже не даст результатов и, что пожалуй террористический способ борьбы мог бы дать более положительные результаты. Но это было изложено довольно необоснованно.

ВЫШИНСКИЙ. Что, что?

СМИРНОВ. Я говорю, он это не обосновал, высказал только свое предположение.

ВЫШИНСКИЙ: Его разговор был о терроре.

СМИРНОВ: Он высказывал свое суждение.

ВЫШИНСКИЙ: Какое суждение?

СМИРНОВ: Суждение о том, что по его мнению старый ниних метод себя отжил, и что невидимому насильственный метод борьбы должен выступить на сцену, а его оборвал и на этом у нас разговор был окончен.

ВЫШИНСКИЙ: Как Вы его оборвали.

СМИРНОВ: Я сказал, что это не марксистское суждение, что такие задачи перед нами не стоят и что на эту тему я разговаривать не буду.

ВЫШИНСКИЙ: Долго продолжался этот разговор.

СМИРНОВ: Около часа.

ВЫШИНСКИЙ: Все на ту же тему.

СМИРНОВ: Нет, о терроре мы говорили не долго, потом он хотел узнать от меня что делает нестоледавая оппозиция, в частности, спрашивал о РАКОВОМ, он хотел знать о каких ~~яких~~ моих связи с РАКОВЫМ, но я от ответа на этот вопрос уклонился. После этого СЕДОВ предложил мне установить информационную с Троцким.

ВЫШИНСКИЙ: Что он сделал для этой цели.

СМИРНОВ: Он дал мне 2 адреса.

ВЫШИНСКИЙ: Вы их взяли.

СМИРНОВ: Да, я взял эти адреса и уехал.

ВЫШИНСКИЙ: Уехали в Москву, а в Москве сообщили своим товарищам об этом разговоре с СЕДОВЫМ.

СМИРНОВ: Я сообщил об этом разговоре и о других вещах, о которых я говорил с СЕДОВЫМ.

ВЫШИНСКИЙ: Вы получили указание от СЕДОВА и поняли его как личную установку со стороны СЕДОВА.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: В какой мере был для Вас Седов авторитетен.

СМИРНОВ: Не в малейшей степени.

ВЫШИНСКИЙ: Почему же он Вам тогда высказывал свою личную точку зрения, а Вы с ним спорите.

СМИРНОВ: Я повторяю, что Седов для меня не был авторитетом.

ВЫШИНСКИЙ: Но тем не менее он высказывал свое мнение о методах борьбы и установил известную линию.

СМИРНОВ: Он высказывал свое суждение, но я с ним не согласился.

ВЫШИНСКИЙ: Однако, вернувшись в СССР, Вы об этом разговоре (о терроре) передали своим близким товарищам.

СМИРНОВ: Я рассказал о нем САФОНОВОЙ.

ВЫШИНСКИЙ: А САФОНОВА сегодня об этом разговоре несколько иначе говорила.

СМИРНОВ: Но я остаюсь при своем.

ВЫШИНСКИЙ: Хотя Вы с Седовым не согласились, однако, сочли необходимым сообщить об этом своей подпольной организации.

СМИРНОВ: Да, не предполагал, что они ее воспримут как установку Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ: Почему вы не предполагали. Ведь для них Седов был так же мало авторитетен, как и для вас. Значит можно установить такой факт: с Седовым вы встречались, с Седовым разговаривали, говорили о терроре и не согласились с установкой Седова. Приехав в Москву, передали это дело Тер-Ваганяну, говорили, что из террористических взглядов держались.

ТЕР-ВАГАНЯН: Из очной ставки с Мрачковским, перед тем как ты приехал за границу, здесь в Москве происходило совещание, что ты по приезде туда будешь искать встречи с Седовым.

СМИРНОВ: С кем было свидание.

ТЕР-ВАГАНЯН: Не знаю, но это было при мне.

ВЫШИНСКИЙ: Значит за границей был об этом разговор.

СМИРНОВ: Разговор о возможности связи с Троцким мог быть с Сафоновой.

ВЫШИНСКИЙ: Тер-Ваганян заявляет, что по его данным он мог быть.

СМИРНОВ: Он мог быть, но из конспиративных соображений, так как поручений мне никто не давал.

ВЫШИНСКИЙ: Но вам конспирация не мешала встречаться с Седовым.

СМИРНОВ: Если бы у меня была такая задача, я бы встретился с Троцким, раньше обменявшись письмами.

ВЫШИНСКИЙ: Как бы то ни было, вы не могли встретиться. Ваша фактическая встреча произошла по предварительному соглашению.

СМИРНОВ: Так как я рассказывал.

ТЕР-ВАГАНЯН: /Обращаясь к Смирнову/ Когда ты вернулся Иван Пикитич, как тебе известно перед отъездом твоим в трамвае мы имели разговор, когда я вернулся из Тифлиса. Ты мне сказал совершенно дословно, что ты встречался с Пятаковым. Сафонова мне сказала, что ты встречался с Седовым.

208

- 6 -

СМИРНОВ: У меня с Пятаковым не такие были отношения, чтобы он мог со мной разговаривать.

ВЫШИНСКИЙ: Этот разговор с Тер-Баганяном был.

СМИРНОВ: Нет, я удивляюсь, откуда он это взял.

ВЫШИНСКИЙ: Вы в 1931 году с Седовым виделись, говорили с ним о терроре. Приехавши в Москву об этом разговоре передали Сафоновой. Еще кому передали.

СМИРНОВ: Мрачковскому передал.

МРАЧКОВСКИЙ: /Обращаясь к Смирнову/ Иван Никитич, когда ты приехал из Берлина, я тебя спросил, виделся ты с кемнибудь там или не виделся. Ты мне говорил, что Седов несколько раз пытался тебя повидать, но ты отказывался, избегал этих встреч, но через несколько времени сказал, что ты с ним встретился.

309

- 6 -

СМИРНОВ: У меня с Пятаковым не такие были отношения, чтобы он мог со мной разговаривать.

ВИШИНСКИЙ: Этот разговор с Гер-Баганяном был.

СМИРНОВ: Нет, я удивляюсь, откуда он это взял.

ВИШИНСКИЙ: Ву в 1931 году с Седовым виделся, говорили с ним о терроре. Приехали в Москву об этом разговоре передали Сафоновой. Ее кому передали.

СМИРНОВ: Врачковскому передал.

ВРАЧКОВСКИЙ: /Обращаясь к Смирнову/ Иван Никитич, когда ты приехал из Берлина, я тебя спросил, виделся ты с кемнибудь там или не виделся. Ты мне говорил, что Седов несколько раз пытался тебя повидать, но ты отказывался, избегал этих встреч, но через несколько времени сказал, что ты с ним встретился.

- 7 -

СМИРНОВ: - Я не мог сказать, что он меня искал.

ВЫШИНСКИЙ: - А Вы говорили, что Вы избегали встречи.

СМИРНОВ: - Я его не избегал и он меня не искал.

ВЫШИНСКИЙ: - О самом факте свидания с СЕДОВЫМ говорили Вы.

СМИРНОВ: - О самом факте свидания с СЕДОВЫМ я говорил МРАЧКОВСКОМУ.

ВЫШИНСКИЙ: - Обвиняемый МРАЧКОВСКИЙ, что Вам говорил СМЫРНОВ о свидании с СЕДОВЫМ.

МРАЧКОВСКИЙ: - Раньше он пытался отрицать свидание с СЕДОВЫМ, говорил, что он не хотел этой встречи. Затем он мне сказал, что с СЕДОВЫМ виделся, упомянул о том, что он через СЕДОВА связался с ТРОЦКИМ и получил указания о терроре. СМЫРНОВ здесь который раз уже упоминает о том, что установка была привезена не как установка, а как простая информация.

ВЫШИНСКИЙ: - Как личная точка зрения.

МРАЧКОВСКИЙ: - Извините меня, мне очень трудно определить разницу между головой СМЫРНОВА и его сапогами, но найти разницу между информацией и ~~установкой~~ ^{директивой} установкой - для меня не так трудно, и как будто мы все поняли, что это - вопрос не информационный, а вопрос директивный.

ВЫШИНСКИЙ: - Значит, когда Вам СМЫРНОВ рассказывал о своей беседе с СЕДОВЫМ, то Вы о сущности этой беседы поняли, не как простое сообщение, а как директиву.

МРАЧКОВСКИЙ: - Да.

ВЫШИНСКИЙ: - О чем же говорила эта директива.

МРАЧКОВСКИЙ: - В директиве указывалось, что те директивы, которые были до настоящего времени, т. е. до 1934 г., себя уже изжили.

ВЫШИНСКИЙ: - Обвиняемый СМЫРНОВ это верно.

211

- 8 -

СМИРНОВ: - Я сказал, что...

ВЫШНСКИЙ: - Отвечайте коротко: было так или не было.

СМИРНОВ: - (После некоторого молчания) Примерно... так было.

ВЫШНСКИЙ: - Обвиняемый МРАЧКОВСКИЙ, дальше что говорилось в этой директиве.

МРАЧКОВСКИЙ: - Так как прежние директивы себя изжили, ТРОЦКИЙ предлагает перейти на другой метод борьбы - на метод более острый.

ВЫШНСКИЙ: - Кто предлагает: СЕДОВ или ТРОЦКИЙ?

МРАЧКОВСКИЙ: - ТРОЦКИЙ.

ВЫШНСКИЙ: - ~~Или~~ Он говорил о ТРОЦКОМ.

МРАЧКОВСКИЙ: - О ТРОЦКОМ. Бедь ^и ~~не~~ для него, ~~не~~ для нас СЕДОВ - не авторитет.

ВЫШНСКИЙ: - Обвиняемый СМЕРНОВ, правильно это, что СЕДОВ был для Вас не авторитетом.

СМЕРНОВ: - Нет, ~~никто~~ СЕДОВ не был авторитетом для меня.

ВЫШНСКИЙ: - А ТРОЦКИЙ был для Вас авторитетом.

СМЕРНОВ: - ТРОЦКИЙ был.

ВЫШНСКИЙ: - Был ли для Вас, СМЕРНОВА, ТРОЦКИЙ в 1931 г. авторитетом?

СМЕРНОВ: - В 1931 г. ТРОЦКИЙ для меня авторитетом не был.

ВЫШНСКИЙ: - А в 1932 г..

СМЕРНОВ: - И в 1932 г. не был.

ВЫШНСКИЙ: - А когда Вы получали от него директиву через ГАВЕНА, он тогда был для Вас авторитетом.

СМЕРНОВ: - Он тогда не был для меня авторитетом.

ВЫШНСКИЙ: - Однако, директиву он Вам давал.

СМЕРНОВ: - Он переслал директиву через ГРИГ ГАВЕНА.

ВЫШНСКИЙ: - И Вы ее приняли.

СМЕРНОВ: - Принял. Я не был с ней согласен.

ВЫШНСКИЙ: - Если Вы не были согласны, зачем Вы ее приняли.

312

- 8/A -

СМИРНОВ: - Я ее принял не для исполнения.

ВЫШИНСКИЙ: - Раз приняли, то очевидно, для исполнения, а не просто механически.

СМИРНОВ: - Я об этом скажу...

ВЫШИНСКИЙ: - Для чего-то Вам директива передана. Ведь центр органи-
зовался на основе террора.

СМИРНОВ: - Да.

ВЫШИНСКИЙ: - Вы были членом центра. -

З/В

ВО-ЕЧ

- 9 -

СМИРНОВ - был, да.

ВЫШИНСКИЙ - Центр который организовался на основе директивы о терроре ?

СМИРНОВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, этот центр организовался на основе директивы о терроре, а вы были членом этого центра ?

СМИРНОВ - Да, был.

ВЫШИНСКИЙ - Следовательно, эта директива была и для вас ?

СМИРНОВ - Да, она была передана мне.

ВЫШИНСКИЙ - Она была не только передана через вас, но она была директива и для вас.

СМИРНОВ - Она была передана как директива.

ВЫШИНСКИЙ - Вы ее приняли ?

СМИРНОВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Как же вы утверждаете, что Троцкий от кого исходила эта директива, был для вас не авторитет ?

СМИРНОВ - Директива эта была мной передана в центр, в котором я хотя и числился, но работы никакой не вел.

ВЫШИНСКИЙ - О работе мы будем говорить дальше. Зиновьев нам здесь показал, что в 1932 году через вас была получена директива от Троцкого и на этой основе было решено организовать центр.

СМИРНОВ - Центр был ранее организован.

ВЫШИНСКИЙ - Эту директиву центр принял ?

СМИРНОВ - Я в центре оставался.

ВЫШИНСКИЙ - И приняли ?

СМИРНОВ - И с ней не был согласен.

ВЫШИНСКИЙ - Как это можно понять: приняли директиву не будучи с ней согласны ?

314 137

СМИРНОВ - Я эту директиву выслушал и передал центру, центр принял, но я в его работе участия не принимал.

ВЫШИНСКИЙ - Когда же вы вышли из центра ?

СМИРНОВ - Я и не собирался выходить, не из чего было.

ВЫШИНСКИЙ - Центр существовал ?

СМИРНОВ - Какой там центр...

ВЫШИНСКИЙ - Мрачковский, центр существовал ?

МРАЧКОВСКИЙ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Зиновьев, центр существовал ?

ЗИНОВЬЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Евдокимов, центр существовал ?

ЕВДОКИМОВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Бакаев, центр существовал ?

БАКАЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Как же вы, Смирнов, позволяете себе утверждать, что центра не было.

СМИРНОВ - А было ли хотя один раз заседание центра ?

ВЫШИНСКИЙ - Но с вами держали связь как с членом центра. Зиновьев, вы держали связь со Смирновым, как с членом центра ?

ЗИНОВЬЕВ - Держал, несомненно и совещание нас двоих составляло совещание двух половин, составляющих одно целое.

(с места)
ТЕР-ВАГАНЯН - Два руководителя двух партий.

ВЫШИНСКИЙ - Тер-Ваганян, Смирнов был руководителем троцкистской части центра ?

ТЕР-ВАГАНЯН - Он был руководителем троцкистской части этого блока и вел работу по организации и консолидации и соединению двух частей. Мне совершенно непонятно это дело.

375

ВО-ЕЧ

- 10-а -

ВЫШИНСКИЙ - Итак, вы, Мрачковский, в 1931 году получили от Смирнова указание о терроре или не получали ?

МРАЧКОВСКИЙ - Получил.

ВЫШИНСКИЙ - Как его личное указание или иначе ?

МРАЧКОВСКИЙ - Как директиву Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ - Троцкий для вас был авторитетом ?

МРАЧКОВСКИЙ - Да, был.

ВЫШИНСКИЙ - А для Смирнова Троцкий был авторитетом ?

МРАЧКОВСКИЙ - Тоже.

ВЫШИНСКИЙ - Правильно ли, что Смирнов был главой организации, как бы фактическим заместителем Троцкого ?

МРАЧКОВСКИЙ - Я вообще не понимаю, Смирнов хочет здесь изобразить из себя сельского почтаря, но мы же Смирнова прямо считали заместителем Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ - Вы говорите это от себя ?

МРАЧКОВСКИЙ - От себя, Ваганяна и Шуры Сафоновой.

ВЫШИНСКИЙ - Ваганян, подтверждаете это ?

ТЕР-ВАГАНЯН - Совершенно точно.

ВЫШИНСКИЙ - Можно считать установленным следующий факт, что вы разговаривали с Седовым о терроре, и сообщили об этом Мрачковскому, который принял это как директиву от Троцкого, потому, что как для вас, так и для Мрачковского Седов не был авторитетом, хотя этот факт вы и отрицаете.

СМИРНОВ - Я не отрицаю того, что Мрачковский принял это как директиву Троцкого, но я так это не принимал.

ВЫШИНСКИЙ - Вы приняли это как личное указание Седова, а не как указание Троцкого, и несмотря на это вы передали

316

ВО-ЕЧ

- 10-6 "(

об этом вовсе неавторитетом указании Мрачковскому.

СМИРНОВ -- Мрачковскому и Сафоновой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ -- Обвиняемый Ольберг хочет сделать замечание.

ВЫШИНСКИЙ: Теперь дальше пойдём. Пришел 1932 года

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Ольберг желает что-то сказать.
Подсудимый Ольберг, что вы желаете сказать.

ОЛЬБЕРГ: Я хочу сделать заявление по поводу показаний Смирнова, в связи с его встречей с Седовым. Вот уже второй день, как Иван Никитич Смирнов пытается обмануть Верховный Суд Советской страны, а вместе с тем миллионы трудящихся, взоры которых обращены к этому залу.

ВЫШИНСКИЙ: Факты, факты!

ОЛЬБЕРГ: В 1931 году я жил в Берлине и встречался неоднократно со Львом Седовым.

ВЫШИНСКИЙ: Лев Седов это сын Троцкого?

ОЛЬБЕРГ: Лев Седов это старший сын Троцкого. С ним я состоял в переписке с начала 1930 года. Весной 1931 года Седов приехал в Берлин. С этого времени датируется наше личное знакомство. Во время пребывания Седова в Берлине, в частности, в 1931 году я неоднократно с ним встречался. В одну из наших встреч, которая имела место в ноябре или декабре 1931 года на кафе на Нюрнбергплаце, где мы обычно встречались, Седов рассказал мне о своем свидании с Иваном Никитичем Смирновым в совершенно иной версии, чем та, которую мы слышали здесь. Лев Седов несколько раз говорил мне о Смирнове, как о руководителе троцкистской организации в Советском Союзе, отзывался о нем с большим уважением, он сказал, что некоторое время тому назад он имел несколько встреч со Смирновым. Смирнов приехал в Берлин и нашел его там. Террористические настроения, которые имелись у Седова, по его словам, не были новы для Ивана Никитича Смирнова. Среди русских троцкистов, т.е. среди троцкистов в Советском Союзе в 1931 году также были троцкистские настроения.

ВЫШИНСКИЙ: То-есть, террористические настроения.

ОЛЬБЕРГ: Да, террористические. Иван Никитич Смирнов отправился в Берлин для того, чтобы попытаться узнать об от-

ношении Троцкого к террору.

ВЫШИНСКИЙ: Откуда вам это известно?

ОЛЬБЕРГ: Это мне известно от самого Льва Львовича Седова.
Лев Седов, услышав вопрос Смирнова, а также вопрос о блоке с зиновьевцами, передал этот вопрос своему отцу и, ^{получил} ~~изложил~~ от Льва Давидовича Троцкого ответ, который являлся директивой для троцкистов Советского Союза. Эта директива Л.Д.Троцкого гласила: необходимо перейти к террористическим действиям.

ВЫШИНСКИЙ: (к Смирнову). Седов вам так и говорил, что Троцкий считает, что необходимо...

СМИРНОВ: ^{Что} Изжить По мнению Троцкого, старые способы изжить и нужно перейти к насильственным действиям.

ВЫШИНСКИЙ: Он говорил, что нужно перейти к террористическим действиям?

СМИРНОВ: Это, вероятно, уже тут записано. Очень трудно через пять лет восстанавливать слова точно.

ВЫШИНСКИЙ: Приблизительно можно так сказать?

СМИРНОВ: Можно сказать его мысль...

ВЫШИНСКИЙ: Мысль о необходимости или целесообразности...

СМИРНОВ: применения насильственных мер в борьбе.

ВЫШИНСКИЙ: Вы поняли это как мысль о терроре. Ольберг передает то же самое.

ПРЕДИСЛАВИЕ

ОЛЬБЕРГ. По словам Седова мне стало известно, что во время этих бесед, имевших место между Смирновым и сыном Троцкого, Иван Никитич развил план троцкистско-террористической деятельности.

СМИРНОВ. В 1931 году?

ОЛЬБЕРГ. Да, это было в 1931 году от рождества христово. И вот этот план, по словам Седова, заключался в том, что необходимо вести работу по трем линиям. С одной стороны необходимо создать контакт или поддерживать его, поскольку он уже создан между людьми, известными в Советском Союзе, как троцкисты. Сюда относились и те люди, которые уже восстановлены в партии и продолжают троцкистскую деятельность, как двурешники, и те, кто еще в партии не восстановлен. Ко второй группе Иван Никитич относил тех троцкистов, которые ни коммунистической партии, ни советской власти, как троцкисты неизвестны. И, наконец, к третьей группе принадлежали троцкисты, которых следовало перебросить из за границы, из за кордона, в помощь троцкистской контр-революционной организации в Советском Союзе.

Таково было то, что Седов мне коротко назвал планом Ивана Никитича. Насколько я понял и насколько мне известно со слов Седова никаких возражений против этого плана не было.

Я должен также теперь сказать несколько слов о роли Седова, хотя подробно я могу это сделать в своих показаниях. Я хочу об этом сказать здесь, именно в связи со Смирновым. Любой участник троцкистского движения...

ВИШНИСКИИ. Обвиняемый Ольберг мы будем вас допрашивать, будем говорить о вас и тогда вы сможете это сказать.

ОЛЬБЕРГ. Я хочу сказать в связи с этим.

ВИШНИСКИИ. По вопросу о встрече с Седовым, вы можете еще чтонибудь сказать?

ОЛЬБЕРГ. Я хочу об этом сказать в связи с самой функцией, которую исполнял Седов. И мне, и другим троцкистам Запада, также как и троцкистам Советского Союза было известно, что Седов самостоятельно не является. Его рассматривали исключительно как передат-

чика воли и политики Льва Давыдовича Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ. Об этом и Смирнов говорит, что он не был сам по себе авторитетом.

ОДЬБЕРГ. Если он не был сам по себе авторитетом, то тем более, ит его выражение о терроре не может быть рассматриваемо ни в коем случае как самостоятельное выражение его мнения. Это есть высказанная и переданная им Смирнову директива Троцкого о терроре. Вот что я хотел сказать.

ВЫШИНСКИЙ. Перехожу к 1932 году. Подсудимый Смирнов, в 1931 году вы все-таки условились со Седовым относительно явок?

СМИРНОВ. О переписке.

ВЫШИНСКИЙ. Он дал вам свои адреса, а вы ему свои?

СМИРНОВ. Я ему своих не давал, а взял у него два адреса.

ВЫШИНСКИЙ. Значит вы хотите сказать, что разговор о терроре не повлиял отрицательно на вашу организационную связь с ним?

СМИРНОВ. Я взял два адреса, еще не зная буду ли я с ним переписываться.

ВЫШИНСКИЙ. Значит вы взяли два адреса, не зная будете ли переписываться?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А зачем же вы тогда брали?

СМИРНОВ. В течение целого года я ни одного письма не послал.

ВЫШИНСКИЙ. Нам это неизвестно. Когда вы брали адреса, вы рассчитывали, что может быть придется написать?

СМИРНОВ. Да, я думал.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно вы, взяли адреса, рассчитывая переписываться, а сейчас говорили, что взяли их, не рассчитывая на переписку. Здесь какое то недоразумение.

В 1932 году приезжает из заграницы Гарен и привозит вам письменные и устные директивы?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Расскажите об этом?

- 14 -а -

СМИРНОВ. Хорошо. О том, что Гавен приехал в Москву, я узнал от Шкловского. Шкловский мне рассказал, что приехал Гавен. Гавен он знал по оппозиционной борьбе, вместе с ним они были в "буфере" и сказал, что привез письмо от Троцкого..

Я не знаю, нужно ли его здесь повторять.

ВЫЛИНСКИЙ: Кроме этого, что он Вам сообщал?

ОМИРНОВ: Он передал мне информационное письмо, в котором было указано о необходимости объединения всех оппозиционеров. Кроме этого письма СКЛОВСКИЙ мне ничего не говорил относительно террористической установки Троцкого. Примерно, через неделю после разговора СКЛОВСКОГО со мной ко мне на работу явился Юрий ГАВЕН и пригласил меня к себе на квартиру. Два через два у меня состоялось свидание с ГАВЕНОМ, который передал мне упомянутое письмо, написанное карандашом, но не рукой Троцкого, но стиль письма был Троцкого. Здесь же он устно передал мне установку Троцкого на метод внутрипартийной борьбы, но опять таки я не могу сейчас текстуально передать как мне об этом говорил ГАВЕН, ибо сам он передавал мне об этом на память, но мысль была такая - ввиду очень крепкого внутрипартийного зажима, ввиду того что всякие оппозиционные течения разбиты, что никакого массового движения создать нельзя, поэтому на сцену должны выступить насильственное руководство верхушки руководства, но никаких имен названо не было. Само собой разумеется, как я полагал, речь шла в первую очередь о СТАЛИНЕ. Это было как раз в тот момент, когда в Москве под влиянием дела ЭЙСЕНГА, шли разговоры о всякого рода насильственных мероприятиях, а поэтому мысль выраженная ГАВЕНОМ меня не удивила. Не удивила эта мысль меня еще и потому, что по бюллетеням, которые я читал за границей, в своих статьях Троцкий чрезвычайно заострял вопрос против Сталина.

146
323

ВЫШИНСКИЙ: Дальше.

СМИРНОВ: Когда я взял от ГАВЕНА это письмо, я его читал некоторым своим товарищам.

ВЫШИНСКИЙ: Можно считать установленным, что Вы в 1934 году получили новую директиву от Троцкого через Гавена.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Эта директива содержала прямое указание о необходимости перехода на путь террористической борьбы против руководства партии.

СМИРНОВ: Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ: В первую очередь против.....

СМИРНОВ: Там имена не были указаны.

ВЫШИНСКИЙ: Но Вы поняли, что террористическая борьба прежде всего должна быть начата с товарища СТАЛИНА.

СМИРНОВ: Да, я так понял.

ВЫШИНСКИЙ: Так и передали своим товарищам, таким образом и оформился террористический блок.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: ТЕР-ВАГАНЯЦ вел встречи по Вашему поручению с зиновьевцами разговор о блоке.

СМИРНОВ: Вел разговор через Заменева.

ВЫШИНСКИЙ: По Вашему поручению.

СМИРНОВ: Да, по моему поручению.

ВЫШИНСКИЙ: Вы все-таки были главным руководителем троцкистской части.

СМИРНОВ: Они так говорят, не было никакого главного руководителя, а была тройка.

ВЫШИНСКИЙ: Вам Тер-Ваганян давал какие либо поручения.

СМИРНОВ: Поручения Ваганяна, я сейчас не могу вспомнить. Может быть давал. /Смех/

ВЫШИНСКИЙ: А вы давали поручения Тер-Ваганяну. Вы поручали Тер-Ваганяну переговорить с Каменевым. Говорили Тер-Ваганяну с Каменевым от вашего имени или с вашего ведома.

СМИРНОВ: Он мог говорить не с моего ведома, а с ведома нас троих.

ВЫШИНСКИЙ: Но с ведома вас троих - вы, Мрачковский, Тер-Ваганян. Кто был старше и авторитетнее.

СМИРНОВ: Я был по возрасту старше, Тер-Ваганян по литературе - он пишет, Мрачковский по военной части. Каждый по своим достоинствам и качествам. /Смех в зале/.

ВЫШИНСКИЙ: /Обращаясь к Мрачковскому/ Кто вел в вашей группе ведущую роль.

МРАЧКОВСКИЙ: Тер-Ваганяну было дано поручение вести переговоры с Зиновьевым. Смирнову дано было поручение вести переговоры об организации группы. Пусть Смирнов скажет - давал я ему такие поручения.

ВЫШИНСКИЙ: /К Тер-Ваганяну/ Вы давали такие поручения Смирнову.

ТЕР-ВАГАНЯН: Нет, Смирнов сам вел переговоры с зиновьевцами. Когда было предложено вести переговоры с ДОМИНАДЗЕ, то Смирнов должен был вести также переговоры с Зиновьевым и Каменевым, а Мрачковскому с Доминадзе.

ВЫШИНСКИЙ: В порядке разделения труда. Положи руку на сердце, что нужно сказать. Кто был руководителем организации.

ТЕР-ВАГАНЯН: Иван Никитич Смирнов был главой организации.

ВЫШИНСКИЙ: /Обращается к Мрачковскому/ Вы подтверждаете.

МРАЧКОВСКИЙ: Если я был в свое время командующий войсками, то Смирнов был председателем Реввоенсоветов. /Смех/

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов, вы подтверждаете свои показания, что в 1932 году Тер-Ваганян заключил с Каменевым, Зиновьевым и Доминадзе блок для совместной борьбы с ВКП/б/.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: И что в основу этого блока была положена директива Троцкого.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ, И что эта директива Троцкого говорила о терроре, о терроре против руководителей ВКП/б/ и государства и раньше всего против т.Сталина.

ПОЛАГА: Полагаю, что так.

СМИРНОВ: - Я хотел бы рассказывать о том как образовался блок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Какой блок?

СМИРНОВ: - Блок зиновьевцев с троцкистами, об"единенный центр, который я несколько раз называл.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Троцкистский центр из кого состоял?

СМИРНОВ: - СМЕРНОВ, ВАГАНИН, МРАКОВСКИЙ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - СМЕРНОВ все-таки идет первым?

СМЕРНОВ - (усмехаясь) Ну... Я хотел бы рассказать, как образовался блок, если разрешите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Пожалуйста.

СМЕРНОВ: - Здесь ЗИНОВЬЕВ сегодня в импровизационной форме рассказывал, как он вел со мною переговоры в середине 1937 г. о блоке. Прежде чем пойти на суд, я накануне суда имел возможность ознакомиться с показаниями ЗИНОВЬЕВА, и во всех показаниях ЗИНОВЬЕВА я ничего не нашел относительно его связи со мной и разговора со мной, кроме одной маленькой заметки, в которой говорилось о том, что на даче ЗИНОВЬЕВА, в Ильинском, в присутствии КАРЕВА, КАМЕНЕВА и др. упоминалась фамилия СМЕРНОВА. Нигде не говорится, что ЗИНОВЬЕВ вел со мною переговоры. Сегодня ЗИНОВЬЕВ совершенно неожиданно, вне связи с тем, что он сказал в его показаниях, рассказал, что он со мною три раза встречался в столовой Совнаркома, что мы с ним беседовали несколько часов и что в этих беседах, которым он придавал чрезвычайно важное значение, были заложены основы блока на терристорических началах. Возможная ли эта вещь, чтобы два таких человека, как ЗИНОВЬЕВ - известное лицо, и такой человек, как я - организатор троцкистской оппозиции,

могли усесться на диване в совнаркомовской столовой и на класках у членов ЦК, у членов ЦКК, у членов Верховного суда, членов Коллегии ГПУ — вести деловые беседы о блоке, о терроре. Это же курам на смех. Я заявляю, что этих заседаний в столовой Совнаркома, в которых решались вопросы о блоке и о терроре — не было. Это — чистейшая фантазия ЗИНОВЬЕВА, которую он не потрудился раньше в протоколах изложить.

ВАШИНСКИЙ: — Блок был создан.

СМИРНОВ: — Был создан.

ВАШИНСКИЙ: — Вы участвовали в создании этого блока.

СМИРНОВ: — Я Вам сейчас расскажу о своем участии.

ВАШИНСКИЙ: — Зачем длинные речи. Отвечайте коротко на мой вопрос: блок был создан.

СМИРНОВ: — Был создан.

ВАШИНСКИЙ: — Вы участвовали в создании блока.

СМИРНОВ: — Да, участвовал.

ВАШИНСКИЙ: — Блок был создан с виновниками, в частности блок с ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ.

СМИРНОВ: — Так.

ВАШИНСКИЙ: — Вы это знали.

СМИРНОВ: — Да.

ВАШИНСКИЙ: — И в создании блока участвовали.

СМИРНОВ: — Да.

ВАШИНСКИЙ: — Блок создан на террористических основах.

СМИРНОВ: — Я уже это говорил.

ВАШИНСКИЙ: — Против руководителей партии и правительства — Вы это подтверждаете.

СМИРНОВ: — Я уже это подтвердил.

ВАШИНСКИЙ: — Так в чем же дело, что Вы еще хотите раз'яснить.

СМИРНОВ: — Я прошу только пять минут, чтобы рассказать, как создавался блок.

- 20/A -

ВЫШНСКИЙ: - Пожалуйста, рассказывайте.

ОБЕРНОВ: - Блок создавался не так, как рассказывал ЗИНОВЬЕВ, и не так, как рассказывал КАМЕНЕВ. А было дело так. Начиная со второй половины 1932 г. у троцкистов начался сближение с группой ЛОМОНАДЗЕ. Связь с ЛОМОНАДЗЕ и с группой леваков держал ТЕР-ЗАГАНИН, и связи эти настолько упрочились, что уже во второй половине 1932 г. речь шла о слиянии, причем в сущности уже трудно было различить - где левак и где троцкист.

СМИРНОВ - В октябре м-це когда я вернулся с Кавказа мне Ваганян сказал...

ВЫШИНСКИЙ - Бод ?

СМИРНОВ - Октябрь 1932 года, мне Ваганян скачал, что в Гаграх - Каменев, Ломинадзе, Шацким и Федоров вели разговоры о блоке и договорились и даже там в Гаграх наметили центр, тот центр о котором мы здесь разговариваем. Это было сказано в Октябре. Ваганян с Каменевым встречался несколько раз. Я спросил у Ваганяна - на каких же основах этот блок создается, и он мне привел слова Каменева о том, что Каменев заявил, что никакой платформы создавать не надо, когда нужно будет платформу напишем в два часа. Нужны три основных момента, первое - внутрипартийная демократия, второе - примирение с деревней и третье - укрепление рубля. Вот, что мне передал Ваганян от лица Каменева.

ВЫШИНСКИЙ - А террор ?

СМИРНОВ - Не был упомянут.

ВЫШИНСКИЙ - Вы сейчас только что признали, что блок организовался на основе террора, а теперь говорите, что о терроре разговора не было.

СМИРНОВ - Разрешите дальше сказать. В ноябре м-це, когда я получил установку Троцкого на террор через Юрия Гавена, я эту установку передал Ваганяну.

ВЫШИНСКИЙ - Для чего вы передали эту установку Ваганяну ?

СМИРНОВ - Просто для того, чтобы он ознакомился, также как и он меня знакомил с тем, что он узнавал.

ВЫШИНСКИЙ - Для какой цели ?

СМИРНОВ - Просто для взаимного осведомления обо всем.

ВЫШИНСКИЙ - Для использования ?

СМИРНОВ - Нет, но поскольку мы были в центре, то он сообщал мне то что слышал от леваков и от Каменева, а я сообщал то, что слышал со своей стороны.

320

ВО-УЧ

- 22 -

В. ВЕЛИНСКИЙ - У Ваганяна была связь с Троцким ?
СМИРНОВ - У Ваганяна с Троцким связи не было.
ВЕЛИНСКИЙ - А у вас была ?
СМИРНОВ - Через Юрия Гавена...
ВЕЛИНСКИЙ - Связь была у вас непосредственная ?
СМИРНОВ - У меня было два адреса...
ВЕЛИНСКИЙ - Я вас спрашиваю, связь была у вас.
СМИРНОВ - У меня было два адреса.
ВЕЛИНСКИЙ - Ответьте, связь была ?
СМИРНОВ - Если наличие адресов называется связью...
ВЕЛИНСКИЙ - А вы как это называете ?
СМИРНОВ - Я вам сказал, что я получил два адреса.
ВЕЛИНСКИЙ - У вас была связь с Троцким ?
СМИРНОВ - У меня было два адреса.
ВЕЛИНСКИЙ - Личная связь была ?
СМИРНОВ - Личной связи не было.
ВЕЛИНСКИЙ - Почтовая связь с Троцким была ?
СМИРНОВ - Почтовая связь с сыном Троцкого была.
ВЕЛИНСКИЙ - А через Гавена получили письмо или от Седова или от Троцкого ?

СМИРНОВ - Гавен привез письмо от Троцкого.

ВЕЛИНСКИЙ - А я вот вас об этом и спрашиваю: у Ваганяна была связь с Троцким, вы говорите нет, а у вас была связь с Троцким, отвечайте да или нет ?

СМИРНОВ - Я говорил очень подробно, что я писал Троцкому письмо и получил от него ответ.

ВЕЛИНСКИЙ - Это связь или нет ?

СМИРНОВ - Связь.

ВЫЛИНСКИЙ - Значит была связь ?

СМИРНОВ - Была. Я не понимаю, что вы тут меня ловите, когда я и раньше это говорил, на такой вопрос тратить столько времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Если бы вы сразу отвечали, то меньше потратилось бы времени, вы сами затягиваете следствие.

СМИРНОВ - Я наоборот стараюсь облегчить следствие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Чем облегчать скажите просто, что не желаете давать показания.

СМИРНОВ - Я говорю, что я в ноябре получил от Гавена письмо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - От Гавена или от Троцкого ?

СМИРНОВ - Гавен привез его от Троцкого.

ВЫЛИНСКИЙ - Значит, Гавен привез письмо от Троцкого.

Значит, была директива от Троцкого?

СМИРНОВ: Я так и говорил.

ВЫШИНСКИЙ: Эта директива легла в основу блока. Значит, она была авторитетной для блока?

СМИРНОВ: То-есть не директива, а Вы хотите сказать Троцкий. Директива блоком была принята.

ВЫШИНСКИЙ: Значит, блок с этой директивой считался. Значит, можно сказать, что для блока Троцкий был авторитетен? Я хочу, чтобы вы это сказали.

СМИРНОВ: Да. Он был авторитетен.

ВЫШИНСКИЙ: Значит, он был авторитетен и для блока, и для вас, как члена блока?

СМИРНОВ: Для меня он не был авторитетен. (Смех в зале).

Я передал эту директиву Ваганяну и от него она пошла к Зиновьеву. Это было в декабре месяце, а в декабре месяце был выслан Зиновьев.

ВЫШИНСКИЙ: (К председателю). Позвольте спросить Ваганяна. (К Ваганяну) Вам передал Смирнов директиву, которую он получил от Троцкого через Гавена?

ВАГАНЯН: Нет. Смирнов путает. Каменев был выслан в ноябре или в декабре. Зиновьев был выслан в ноябре.

ВЫШИНСКИЙ: А Смирнов говорит, что в декабре.

СМИРНОВ: Гавен приехал в декабре. Я не знаю, когда Зиновьев уехал, но в начале декабря я передал эту директиву Ваганяну.

ВЫШИНСКИЙ: (к Ваганяну) Вы получили ее?

БАГАНЯН: Нет. Речь шла о письме. Это письмо вызвало довольно резкий разговор с ним и с Сафоновой.

ВЫШИНСКИЙ: Но директива не была в письме? Он вам не говорил об устной директиве?

БАГАНЯН: Я после сентябрьского свидания с Каменным больше его не видел. После этого я не видел ни Зиновьева, ни Каменева. Если я не видел Каменева, то я никак не мог видеть Смирнова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Каменев.

КАМЕНЕВ: Я хочу указать, что история блока, хронологическая и фактическая история блока Смирновым явно извращена, потому ли, что он все забыл, но все свидания, которые он указывал, происходили не тогда, когда он говорит и не так.

ВЫШИНСКИИ : А когда и как?

НАМЕНЕВ: Я уже рассказал. Для того, чтобы подтвердить
неправильность его информации по всем этим свиданиям с Ваганяном, я хочу сказать, что переговоры он вел от имени Прачко-
ского и Смирнова, иначе не было бы о чем говорить. Выходит
Свидание произошло
свиданиях происходили в начале лета 1932 года. Второе свидани-
о котором говорит Иван Никитич, с Шацкиным происходило в Гаг-
рах в конце ноября 1932 года. Из Гагр я был вызван в начале
ноября ЦК и числа 15 ноября я уехал в ссылку. Так что (гов-
рит Смирнову) вы все перепутали. А между этими свиданиями -
моим свиданием с Ваганяном и моими беседами с Ломинадзе, ме-
ними находятся переговоры Евдокимова с Прачкоским и перего-
ры Зиновьева со Смирновым, те переговоры, которые охарактер-
ваны правильно как решающие переговоры, по той причине, что
Смирнов был ведущим и главенствующим членом троцкистской ор-
ганизации, был подлинным заместителем Троцкого в стране.

334 157

Так что вот хронология и вот даты событий. И поэтому, так как соглашение между группой Доминадзе и Ваганяном, как признал сам Иван Никитич, было заключено уже, как он говорил - они почти слились - к лету, какую же картину мы имели? Мои переговоры с Ваганяном летом. В этот момент слияние троцкистов с группой Доминадзе и Панкина почти в единую организацию, как свидетельствует об этом Смирнов. Переговоры Мрачковского с Евдокимовым, переговоры Зиновьева со Смирновым на этой базе заключения блока. То, что я после этого виделся дополнительно в конце октября с Доминадзе в Гаграх, это не было условием блока, потому, что они уже входили в блок, а это было дополнительное свидание, которое было важным и интересным, но не легло в основу блока.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, вы ведете переговоры в это время с Тер-Ваганяном, Евдокимов ведет переговоры с Мрачковским, Зиновьев со Смирновым. На основе какого принципа?

КАМЕНЕВ. Я уже говорил, и подтверждал это. На основе того, что мы - Зиновьевцы выставляем как основную цель и метод-террор и на основе того, что троцкисты со своей стороны, на основе полученной директивы, настаивают на том же, т.е. на террористической деятельности той организации, которая создается в переговорах.

ВЫШИНСКИЙ. Итак, это было до приезда Гавена в 1932 году?

КАМЕНЕВ. Я не знаю.

ТЕР-ВАГАНЯН. До приезда.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, Смирнов с Зиновьев, - вы - Каменев с Тер-Ваганяном и Евдокимов с Мрачковским еще до приезда из за границы Гавена, приведшего эту директиву Троцкого о терроре, вели переговоры об организации блока на основе террора.

ТЕР-ВАГАНЯН. На основе прежней директивы, привезенной от Троцкого через Седова.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, я хочу сказать, что полученная от Смирнова через Седова в 1931 году директива была в этом смысле решающей?

ТЕР-ВАГАНЯН. Легла в основу.

ВЫШИНСКИЙ. Так, легла в основу. Это потому, что это была директива Седова или потому что была директива Троцкого?

КАМЕНЕВ. Это вы меня спрашиваете?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

КАМЕНЕВ. Для нас, для заключения блока, для организации террористического заговора, который ни для одного из нас не представлялся игрушкой или шуткой, а был важным моментом в нашей политической деятельности, в личной биографии каждого из нас, этот заговор не мог быть заключен ни на основе директив Ивана Никитича Смирнова, самого по себе, ни на основе тем более директив какого то Седова, а только на основе исключительно директивы Троцкого, секоторым мы стоваривались через Смирнова. А с кем Смирнов сносился технически, с Седовым или Петровым, это не играло для нас ни малейшей роли. Следовательно, мы были уверены, что Смирнов, достаточно опытный организатор и достаточно близкий человек к Троцкому, чтобы найти пути сношений с ним.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, об^{Седовым}яснение Смирнова о том, что в 1931 году при свидании с ^{Седовым}Смирновым он получил не установку, а лишь личное мнение, как можно расценивать?

КАМЕНЕВ. Как попытку представить дело, которому могут поверить только дети не старше 3 лет (смех в зале).

ЕВДОКИМОВ. Когда я вел переговоры с Мрачковским и Смирновым^В присутствии Тер-Агабяна....

ВЫШИНСКИЙ. А со Смирновым вы вели переговоры?

ЕВДОКИМОВ. Да, я лично. Я показал это во время допроса. Я хочу только подчеркнуть одно, что тогда в вагоне Мрачковского уже разговаривали о директиве Троцкого. Я тоже не знаю через кого она была передана, не знаю приехал этот Гавен или нет. Я знаю, что была директива Троцкого о переходе к террористическим методам борьбы.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году?

ЕВДОКИМОВ. В июле-августе месяце 1932 года.

- 26 -а -

МРАЧКОВСКИЙ. Я подтверждаю то, что говорил ЕВДОКИМОВ, но должен сказать, так как поставлен вопрос о том, что Зиновьев разговаривал со Смирновым, Тер-Ваганян с Каменевым, Мрачковский с Евдокимовым, должен сказать, что Мрачковский разговаривал с Евдокимовым в присутствии Ивана Никитовича Смирнова. Так что персонально со мной, где нибудь в другом месте разговора не было. Он происходил в присутствии моего вождя (шум в зале).

ВЫШИНСКИЙ. Правильно это, Смирнов?

СМИРНОВ. Я прошу подтвердить Ваганяна.

ВЫШИНСКИЙ. Ваганяна в вагоне тогда не было, а Мрачковский и Евдокимов были с вами.

- 24 -

338 160

ОМИРНОВ: Вчера я по этому поводу сказал, что в вагоне мы ~~были~~ были вместе с ЕВДОКИМОВИМ и там был Мрачковский, а Тер-Ваганян ~~на~~ было, а вместо Тер-Ваганяна там оказался САФАРОВ, в присутствии которого Евдокимов отказался разговаривать.

ВЫШИНСКИЙ: Мрачковский говорил вчера, что у Вас разговор был до появления Сафарова, спросим Мрачковского.

МРАЧКОВСКИЙ: В 1934 году, когда был арестован Сафаров, то он в своих показаниях говорил о нашем блоке и о терроре, это может подтвердить Евдокимов. Когда у нас происходил этот разговор и когда появился Сафаров, то Евдокимов, увидя последнего, испугался. Тогда я сказал - "Моя не бойся, народ свой".

ВЫШИНСКИЙ: Так было, обвиняемый Евдокимов.

ЕВДОКИМОВ: ~~привлечен~~ Не помню.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый ОМИРНОВ, вы это подтверждаете.

ОМИРНОВ: Я не помню такого разговора.

ЕВДОКИМОВ: При Сафарове не было разговора на эту тему по очень простой причине, а именно я не знал на какой позиции стоит Сафаров.

ВЫШИНСКИЙ: А Тер-Ваганян присутствовал при этом разговоре.

ЕВДОКИМОВ: ~~Именно~~ Да.

МРАЧКОВСКИЙ: По-моему Тер-Ваганян был.

ОМИРНОВ: Нет, его не было.

ТЕР-ВАГАНЯН: Кому же теперь верить.

ЕВДОКИМОВ: Я во время своего допроса говорил, что можно о присутствии или отсутствии отдельных лиц позабыть, о я твердо помню, что Мрачковский и Ваганян там были. Но не помню была ли там Сафонова. ~~Именно~~

ОМИРНОВ: Мне кажется не была.

ЕВДОКИМОВ: Я помню, что мы садились в Малину - я Мрачковский, Омиров и Сафонова, а также помню, что Сафонова прое ее высадить по корогу, но не помню - высадили ли ее или нет.

НТ/ЛК

ВЫШИНСКИЙ: Вы помните, что "рачковский" был.

ЕВДОКИМОВ: Был.

ВЫШИНСКИЙ: СМЕРЛОВ был.

ЕВДОКИМОВ: Был.

ВЫШИНСКИЙ: Разговор о террористических актах был.

ЕВДОКИМОВ: Был.

ВЫШИНСКИЙ: При чем говорилось не вообще о терроре, а о директиве Троцкого, так СМЕРЛОВ.

СМЕРЛОВ: Факт, но я не знаю куда он прет.

ТЕР-ВАГАННИ: (обращаясь к Смерлову) Я прошу Вас относиться с должным уважением, если не к себе, то и нам. Если бы Вы привезли директиву и сказали, что эта директива какого-то мальчишки, то я бы плюнул с двенадцатого этажа.

СМЕРЛОВ: А я бы с двенадцатого.

Я передавал как установку Седова.

ВЫШИНСКИЙ: Он для ^{вас} не авторитетен.

СМИРНОВ: Да, я сказал, что Седов для меня не авторитетен.

ВЫШИНСКИЙ: Как то не вяжется - то он не авторитетен, то вы передаете его установки.

Почему вы оставались в центре, не будучи согласны с основной установкой.

СМИРНОВ: Тактически я ушел.

ВЫШИНСКИЙ: Потому что вас арестовали.

СМИРНОВ: Нет, до этого на собраниях не бывал.

ВЫШИНСКИЙ: Вы давали поручения группе.

СМИРНОВ: Нет, не давал.

ВЫШИНСКИЙ: /Обращается к Мрачковскому/. Мрачковский, давал он такие директивы.

МРАЧКОВСКИЙ: Да.

СМИРНОВ: Я ему не давал директив.

МРАЧКОВСКИЙ: Директивы были даны в начале 1931 года, по приезде его из-за границы.

ВЫШИНСКИЙ: Что он вам сказал.

МРАЧКОВСКИЙ: Что надо приступить в подбору людей, которых мы хорошо знаем, что ты знаешь, что задача ставится перед нами серьезная, что надо отобрать людей серьезных, волевых. То он говорил у себя на квартире.

СМИРНОВ: то на моей квартире было. Где моя квартира.

МРАЧКОВСКИЙ: Да, в 1931 году это было на Пресне.

ВЫШИНСКИЙ: На Пресне он был.

СМИРНОВ: Не на самой Пресне, но в том районе был.

ВЫШИНСКИЙ: Значит правду говорит Мрачковский, он у вас бывал и вы дали прямую директиву организовать людей.

МРАЧКОВСКИЙ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: /Обращается к Смирнову/ Вы это отрицаете.

СМИРНОВ: Да.

МРАЧКОВСКИЙ: Этот разговор был в Москве. Меня в Москве не было и по приезде моем этот разговор не прекращался.

ВЫШИНСКИЙ: Зиновьев, вы говорили, что Смирнов с Вами неоднократно говорил о терроре и необходимости форсировать террористические акты.

ЗИНОВЬЕВ: Правда, это было летом 1932 года.

ВЫШИНСКИЙ: Значит то, что говорит Мрачковский о террористической группе соответствует действительности.

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов, вы отрицаете.

СМИРНОВ: Я этого не говорил.

ВЫШИНСКИЙ: Значит Тер-Баганян, Мрачковский и Ефрекимов говорят неправду. /Смирнов не отвечает/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вы, Смирнов, уезжали из Берлина, вы говорили о порядке информации, вы говорили с ним, что будете периодически посылать информацию о положении дел в России.

СМИРНОВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Говорили, какой либр будет.

СМИРНОВ: Либра не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Независимо от того, договорились или не договорились, посылали письма или не посылали.

СМИРНОВ: Я посылал одно письмо в июле или августе не помню через Гольцмана Седову для Троцкого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Молодому человеку без всякого авторитета. Значит вы послали Седову для Троцкого.

СМИРНОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит в 1932 году вы считали Троцкого достаточно авторитетным, чтобы ему посылать информацию.

СМИРНОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит вы считали своей обязанностью инфор-

мировать Троцкого.

СМИРНОВ: Да, я это сделал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для чего вы это делали, если не считали Седова авторитетным и почему вы посылали письма через Седова Троцкому.

342 (85)

Мин. ВР
Ст. III

- 31 -

- СМИРН В: - Было взаимное условие такое.
- УЛЬРИХ: - С кем условие.
- СМИРНОВ: - С СЕДОВЫМ.
- УЛЬРИХ: - Почему Вы с СЕДОВЫМ улаживались, если Вы его не считали для себя авторитетом, а себя не считали руководителем организации, с СЕДОВЫМ встретились случайно в каком то универсальном магазине и имели беглый разговор
- СМИРНОВ: - Я уже говорил, СЕДОВ зашел ко мне на квартиру.
- УЛЬРИХ: - Значит, Вы договорились о том, чтобы систематически посылать ТРОЦКОМУ через СЕДОВА информацию о политическом и экономическом положении в Бюро, в ВКП(б).
- СМИРНОВ: - Не систематически, а от случая к случаю. Я послал только одно письмо.
- УЛЬРИХ: - Для чего посылали Вы это письмо.
- СМИРНОВ: - Я хотел получить от ТРОЦКОГО информацию о загранице, о положении в Коминтерне. Не мог мне ТРОЦКИЙ послать информацию, если бы он от меня ничего не получил.
- УЛЬРИХ: - Ведь не ТРОЦКИЙ Вам посылал информацию, а речь идет о том, что Вы ТРОЦКОМУ посылали информацию. Для чего Вы это делали.
- СМИРНОВ: - Для того, чтобы получить взаимную информацию о загранице
- УЛЬРИХ: - С кем Вы послали эту информацию.
- СМИРНОВ: - С ГОЛДМАНОМ.
- УЛЬРИХ: - Обвиняемый ГОЛДМАН, Вы подтверждаете.
- ГОЛДМАН: - Да.
- УЛЬРИХ: - Обвиняемый СМЕРНОВ, Вы какойнибудь пароль дали при этом ГОЛДМАНУ.
- СМЕРНОВ: - Я дал ему пароль для свидания с СЕДОВЫМ.
- УЛЬРИХ: - Какой это был пароль.
- СМЕРНОВ: - Пароль: "От Гали".
- УЛЬРИХ: - Этот пароль был обусловлен в Вашем разговоре с СЕДОВ в 1931г.

- СМИРНОВ: - Да.
- УЛЬРИХ: - А что же Вы ответили на мой вопрос, что у Вас пароля не было.
- СМИРНОВ: - Вы меня спросили о шифре. Шифра не было, а пароль был.
- УЛЬРИХ: - Для чего же Вы установили постоянный пароль, или
- СМИРНОВ: - Мы решили установить взаимную информацию.
- УЛЬРИХ: - Для чего понадобилась взаимная информация, если Вы СЕДОВА не считали для себя авторитетом, считали его мальчишкой, даже ТРОЦКОГО не считали авторитетом, как Вы говорите, а себя не считали руководителем террористической организации в Союзе.
- СМИРНОВ: - Информация послалась не для СЕДОВА, а через СЕДОВА. Цель: я хотел получить заграничную информацию от ТРОЦКОГО.
- УЛЬРИХ: - Именно от ТРОЦКОГО.
- СМИРНОВ: - Да.
- УЛЬРИХ: - Следовательно Вы считали себя членом троцкистской организации в Союзе, руководителем ее.
- СМИРНОВ: - Я считал, что я - член руководящей тройки троцкистов.
- УЛЬРИХ: - ТЕР-ВАГАНИН не посылал непосредственно ТРОЦКОМУ информации.
- ТЕР-ВАГАНИН: - Нет.
- УЛЬРИХ: - МРАКОВСКИЙ, и Вы не посылали непосредственно информацией и писем ТРОЦКОМУ.
- МРАКОВСКИЙ: - Нет, я не посылал.
- УЛЬРИХ: - Значит выходит, что из руководящей тройки только Вы, обвиняемый СМОРНОВ, поддерживали непосредственную связь с ТРОЦКИМ.
- СМОРНОВ: - МРАКОВСКИЙ от ТРОЦКОГО самостоятельно письма получал.
- УЛЬРИХ: - А Вы, обвиняемый СМОРНОВ, директиву от ТРОЦКОГО получали через ГАВЕНА.
- СМОРНОВ: - Получал.

344

- 32/А -

ИРАЧКОВСКИЙ: - Разрешите задать вопрос СМЕРНОВУ.

УЛЬРИХ: - Пожалуйста.

ИРАЧКОВСКИЙ: - СМЕРНОВ заявил, что ИРАЧКОВСКИЙ получал непосредственно от ТРОЦКОГО письма. Я бы хотел знать, когда это было.

СМЕРНОВ: - А ведь Вы же сами показывали письмо, полученное через ДРЕЙФЕРА.

ИРАЧКОВСКИЙ: - Да, письмо, адресованное ДРЕЙФЕРУ, я получил.

Ты был в изоляторе, поэтому он не мог тебе послать, а послал через ДРЕЙФЕРА.

УЛЬРИХ: - (обращаясь к СМЕРНОВУ) В 1934 г. в сентябре месяце Вы были на свободе или под арестом.

СМЕРНОВ: - Под арестом.

УЛЬРИХ: - Мог Вам послать ТРОЦКИЙ директивы, зная о том, что Вы были под арестом.

СМЕРНОВ: - Я думаю, что нет.

768
248

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Так что вы спрашиваете почему директива была послана не вам, хотя вы были под стражей? Вы с Седовым договорились о том, что к вам должны прибывать курьеры и агенты от Троцкого?

СМИРНОВ — Нет, я договаривался и ко мне ни один курьер не приезжал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Седов вас предупредил через Гольцмана о приезде человека с директивой от Троцкого?

СМИРНОВ — Да, Гольцман сказал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — И человек приехал?

СМИРНОВ — Я не знаю, я был арестован в это время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Гавен приехал?

СМИРНОВ — Гавен раньше приехал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Какой период времени между приездом Гольцмана и Гавена?

СМИРНОВ — Около месяца. Гавен приехал в ноябре, а Гольцман во второй половине ~~ноября~~ декабря.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы продолжаете настаивать, что не считали Троцкого для себя авторитетом, что не считали себя руководителем троцкистской организации в Москве и т.д. и что Седов имел с вами одну случайную встречу в универсаме?

СМИРНОВ — Когда говорят о руководстве, то для меня ясно, что вот Зиновьев руководит зиновьевским течением...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Но вот вам дали звание заместителя Троцкого в Советском Союзе, вы согласны с этим?

СМИРНОВ — Я с этим не согласен, может быть Зиновьев является заместителем Троцкого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы же представителем Зиновьева ни в организации не были?

СМИРНОВ — Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Значит считать Зиновьева представителем

Трацкого при наличии Смирнова было бы странно.

МРАЧКОВСКИЙ - Разрешите вопрос. Сию минуту Смирнов говорил, что руководящую роль в зиновьевской организации играл Зиновьев, у леваков играл руководящую роль Ломинадзе, а руководящие роли у троцкистов выходит никто не играл, или я или он, (показывает на Ваганяна).

СМИРНОВ - Да в чем дело, если вам нужен руководитель, возьмите я ваш руководитель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Во всяком случае вы ведете себя красивее всех подчиненных. Вы заявили, что у вас никакого шифра ^{с Седовым} не было.

СМИРНОВ - Когда я из Берлина уезжал в Москву, то никакого шифра не устанавливал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - А потом ?

СМИРНОВ - Когда Гольцман поехал за границу, то я его установил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Значит, между вами и Седовым в 1931 году был установлен пароль, а впоследствии в 1932 году был установлен шифр. Шифр через Гольцмана был послан куда и кому ?

СМИРНОВ - Седову в Берлин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Гольцман передал ?

СМИРНОВ - Вероятно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Гольцман, передали шифр.

~~СМИРНОВ~~ ГОЛЬЦМАН - Да.

МАТУЛЕВИЧ - Подсудимый Дрейцер, в 1931 году, когда вы ездили в Берлин, вы вели предварительные переговоры со Смирновым, получили ли от него какие нибудь установки ?

ДРЕЙЦЕР - Да, получил.

МАТУЛЕВИЧ - Может быть скажете, какие ?

ДРЕЙЦЕР - Первое - это шифр информационная часть.

МАТУЛЕВИЧ - Какие основные установки получили, куда явиться, с кем связаться ?

ДРЕЙЦЕР - Да, да - явиться в Берлин к Седову.

МАТУЛЕВИЧ - От кого получили указания ?

348

ВО-ЕЧ

- 34-а -

ДРЕЙЦЕР - От Смирнова.

МАТУЛЕВИЧ - Для чего нужно было установить связь или явиться к Седову ?

ДРЕЙЦЕР - Для того, чтобы первым делом информировать его о состоянии подпольной троцкистской деятельности в СССР, а второе для того, чтобы получить директиву от Троцкого по вопросу о блоке с зиновьевцами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы это выполнили?

ДРЕЙЦЕР: Выполнил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы доложили Смирнову?

ДРЕЙЦЕР: Доложил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (к Смирнову) Было это?

СМИРНОВ: Н е т. Д р и й д а р х и я к и л х е х д а к а й р а х 1 9 3 1 х т о д а х х Б е р н
д и н х а х х х в е р н у л е н и

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Перед отъездом в Берлин вы виделись с Дреуц-
ром?

СМИРНОВ: Нет. Дрейцер поехал в декабре 1931 года в Берлин, а я вернулся за четыре недели до ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда он приезжал сюда, вы были здесь?

СМИРНОВ: Я был в Саратове. Дрейцер был в Москве

ДРЕХМЕР: ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где вы встречались со Смирновым?

ПРЕМЬЕР: Здесь, в Москве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вы приехали из Берлина, вы были в Москве?

ДРЕЙЦЕР: Не больше недели.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как раз в это время вы и встретились?

ДРЕЙНЕР: Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ: ВЫ (К Смирнову). Вы отрицаете встречу с Дрей-
цером?

СМИРНОВ: Отрицаю. Отрицаю и те поручения, которые я дал.

Вх1981х годХниакии

В 1931 году никаких переговоров о блоке не было, он перепутал два года.

ДРЕЙЦЕР: Разрешите, я напому порядок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

ДРЕЙЦЕР: (К Смирнову) Помните, вы мне рассказывали о своей поездке:

СМИРНОВ: Да, я рассказывал.

ДРЕЙДЕР: А вы говорите, что меня не видели. Помните, вы мне говорили относительно литературы, я ~~и~~ и о Седове говорил, ~~и~~ говорили о том, где-бы купить издания Троцкого. Говорили вы это? Хотя бы это в вашей памяти сохранилось? Вы говорите, что мы

не виделись. Иван Никитич, имейте же мужество сказать.

СМИРНОВ: Мужества у меня не меньше, чем у вас. Не беспокойтесь.

ДРЕЙЦЕР: А я беспокоюсь.

СМИРНОВ: Я прошу раз"яснить. Он говорит, что блок мы заключили в году, когда мы блок заключили в 1932 году.

ДРЕЙЦЕР: Я показал, что я вернулся в ноябре 1931 года и как раз результатов я не привез. Троцкий или уклонился или хотел обдумать и сообщить. Таким образом к концу 1931 года еще ответа от Троцкого не было.

СМИРНОВ: Поручение не могло быть, переговоров не было в 1931 году.

ВЫШИНСКИЙ: У меня вопрос к Смирнову. К Дрейцеру у меня вопросов нет. Скажите, вы в 1931 году виделись с Седовым и вели беседу, а Седов об этой встрече передал Троцкому?

СМИРНОВ: Я через неделю же уезжал в Москву. Я не знаю, полагаю, что он об этом сообщил Троцкому.

ВЫШИНСКИЙ: Почему Вы так полагаете?

СМИРНОВ: Видите ли, о встрече со Смирновым или Мрачковским он, конечно, сообщил Троцкому.

ВЫШИНСКИЙ: Об этом, вы считаете, он сообщил.

Последний вопрос. После показаний и после всех этих заявлений, которые вас уличают в целом ряде обстоятельств, которые вы отрицаете, вы продолжаете отрицать, что вы ^{сколачивали} ~~сключали~~ блок с зинovieвцами на базе террора или для террористической борьбы.

СМИРНОВ: Я признаю, что я участвовал в блоке.

ВЫШИНСКИЙ: Участвовали или организовывали, были участником или организатором?

СМИРНОВ: Организатором я не был. Переговоров я лично ни с кем не вел,

ВЫШИНСКИЙ. С Зиновьевым вели?

СМИРНОВ. Это по утверждению Зиновьева.

ВЫШИНСКИЙ. Вы это отрицаете.

СМИРНОВ. Я это отрицаю. Я вошел в этот блок.

ВЫШИНСКИЙ. А кто организовал его?

СМИРНОВ. Ломинадзе - Каменев.

ВЫШИНСКИЙ. А вы к ним примкнули?

СМИРНОВ. Мне сообщили о составе центра Баганян.

ВЫШИНСКИЙ. Значи вы примкнули к ним?

СМИРНОВ. Когда мне сообщили, я в него вошел.

ВЫШИНСКИЙ. Так или иначе вы участие в блоке приняли?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Какие цели были у блока?

СМИРНОВ. Я сказал о тех моментах, которые передал Баганян, что было для меня вполне приемлемо.

ВЫШИНСКИЙ. А террор?

СМИРНОВ. Террор пришел в ноябре месяце.

ВЫШИНСКИЙ. В ноябре м-це блок встал на путь террора. Вы не порвали с блоком?

СМИРНОВ. Фактически я с блоком порвал, так как никакой работы после этого не вел.

ВЫШИНСКИЙ. А вот Мрачковский уличает вас в том, что вы поручали ему организацию террористической группы?

СМИРНОВ. Я отрицаю, что я давал поручения по организации террористических групп.

ВЫШИНСКИЙ. Что же вы признаете?

СМИРНОВ. Я признаю, что участвовал в подпольной троцкистской организации, что я вошел в блок, вошел в центр этого блока, что я с Седовым виделся в Берлине в 1931 году...

ВЫШИНСКИЙ. И говорил?

СМИРНОВ. И выслушал его мнение о терроре (шум в зале), которое передал затем в Москву. Я признаю, что от Гавена получил дирек-

тиву Троцкого о терроре и передал ее, не будучи с ней согласен, через Ваганяна виновцевам.

ВЫШИНСКИЙ. И не будучи согласен, оставались членом блока? И в блоке работали?

СМИРНОВ. Формально из блока я не вышел, фактически не работал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы оставались членом блока?

СМИРНОВ. Формально в нем состоял, фактически не работал.

ВЫШИНСКИЙ. Я вас спрашиваю вы были членом блока?

СМИРНОВ. Я вам ответил совершенно ясно: формально оставался членом центра, практически никакой работы не вел.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, когда вы передавали директиву, вы не вели работу?

СМИРНОВ. Молчит.

ВЫШИНСКИЙ. Это по вашему не работа? Когда организатор передает директиву, он этим выполняет работу?

СМИРНОВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы передавали эту директиву?

СМИРНОВ. И после этого не стал работать.

ВЫШИНСКИЙ. А до этого работали?

СМИРНОВ. Да, работал по линии троцкистской части.

ВЫШИНСКИЙ. Работали как член блока?

СМИРНОВ. Ничего нового этот блок в троцкизм не принес.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были руководителем троцкистской части блока? Это вы признаете?

СМИРНОВ. Раз это нужно, я признаю (шум в зале).

ВЫШИНСКИЙ. Мне не нужно, а вы скажите.

СМИРНОВ. Хорошо, признаю. Раз они так хотят, чтобы я был их вождем, пожалуйста (шум в зале).

ВЫШИНСКИЙ. Вы были участником этого блока?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И признаете, что блок стоял на позиции террора?

СМИРНОВ. В ноябре месяца он принял это.

ВЫШИНСКИЙ. В ноябре или октябре это не важно, но блок стоял на позиции террора? Это вы признаете?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И что он стоял на этих позициях, в связи с полученной от Троцкого директивы, тоже признаете?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И эту директиву получили вы?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно вы поставили блок на позицию террора?

СМИРНОВ. Я поставил? Зиновьев стоял на этом самом.

ВЫШИНСКИЙ. Это по зиновьевской части, а вы?

СМИРНОВ. Я передал директиву о терроре.

ВЫШИНСКИЙ. И получили директиву о терроре вы?

СМИРНОВ. Я.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно, если вы подаете, что блок стоял на позиции террора после получения директивы, надо сказать что блок стал на позицию террора после директивы, которую вы получили для от Троцкого для передачи ее членам блока.

СМИРНОВ. Я получил эту директиву, сообщил ее троцкистам и зиновьевцам. Они создали центр. Я не будучи согласен, не вышел из блока. Формально я не выходил, а фактически не был членом блока.

ВЫШИНСКИЙ. Тер-Ваганян, вышел Смирнов из блока?

ТЕР-ВАГАНЯН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Мрачковский, вышел Смирнов из блока?

МРАЧКОВСКИЙ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Дрейпер, вам известно, что Смирнов вышел из блока?

ДРЕЙПЕР. Да, если поручение организовать террористические группы есть выход из блока, тогда да (шум в зале).

3-5-3 176

38-6

СМИРНОВ. (Обращаясь к Дрейцеру) Это ваша фантазия.

ВЫШИНСКИЙ. Евдокимов, вы слышали о том, что Смирнов вышел из блока?

ЕВДОКИМОВ. Нет. Как раз наоборот, т.е. что он оставался членом центра об"единенной террористической подпольной троцкистско-зиновьевской организации и активно в нем работал.

ВЫШИНСКИЙ. Разделял террористические взгляды?

ЕВДОКИМОВ. Да, разделял.

ВЫШИНСКИЙ: Мрачковский, Вам известно, что Смирнов отошел от блока.

МРАЧКОВСКИЙ: Мне неизвестно. Когда я узнал на Байкало-Амурскую магистраль, Смирнов оставался руководителем нашей группы и ту группу, которая была в моем ведении, он мне поручил передать ДРЕЙЦЕРУ.

ВЫШИНСКИЙ: Значит заявление Смирнова не является с действительностью. Обвиняемый Зиновьев, Смирнов отходил от блока.

ЗИНОВЬЕВ: Нет.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Каменев, что Вы скажете об отходе Смирнова из блока.

КАМЕНЕВ: Я подтверждаю, что Смирнов все время состоял в блоке.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Смирнов, круг сомкнулся.

СМИРНОВ: Я утверждаю, что Зиновьев говорит неправду, а также неправду говорит и Мрачковский относительно передачи контрреволюционной группы.

МРАЧКОВСКИЙ: Разрешите назвать фамилии.

ВЫШИНСКИЙ: Пожалуйста.

МРАЧКОВСКИЙ: Охотников, Яцек, Едиг, их я передал Дрейцеру перед своим отъездом.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый ДРЕЙЦЕР, это так.

ДРЕЙЦЕР: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Как же Смирнов утверждает, что ничего подобного не было.

ДРЕЙЦЕР: Я не могу понять Ивана Никитича Смирнова.

МРАЧКОВСКИЙ: Разрешите спросить Смирнова.

ВЫШИНСКИЙ: Пожалуйста.

МРАЧКОВСКИЙ: (обращаясь к Смирнову) Яцек Вы знаете.

СМИРНОВ: Знаю.

МРАЧКОВСКИЙ: Охотникова знаете.

СМИРНОВ: Знаю.

355

МРАЧКОВСКИЙ: А ЮДИНА.

СМИРНОВ: ЮДИНА нет.

МРАЧКОВСКИЙ: Ну может быть. Для какой цели они мной обрабатывались.

СМИРНОВ: Не знаю. Ничего террористического ни в 31 г., ни в 32 г. у Вас не было, а была только болтовня.

ВЫШИНСКИЙ: Видя болтовню о терроре.

СМИРНОВ: У меня не было, а была эта болтовня у Мрачковского.

ВЫШИНСКИЙ: Откуда Вы знаете.

СМИРНОВ: Из показаний Мрачковского.

ДРЕЙЦЕР: Как же выходит, что со мной Вы как с болтуном имели дело.

СМИРНОВ: Я с Вами никакого дела не имел.

ВЫШИНСКИЙ: ДРЕЙЦЕР, какое дело с Вами имел Смирнов:

ДРЕЙЦЕР: Я имел прямое поручение от центра троцкистов через его руководителя Смирнова, т.е. связаться с определенными группами.

ВЫШИНСКИЙ: Напомните ему в каком это было году.

ДРЕЙЦЕР: Это было в 1932 году.

ВЫШИНСКИЙ: Поручение организовать Вам террористическую группу было.

ДРЕЙЦЕР: Было.

ВЫШИНСКИЙ: Кто давал это поручение.

ДРЕЙЦЕР: Давал это поручение Смирнов у себя на квартире в конце 32 года.

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов, это правильно.

СМИРНОВ: Нет, я хотел бы опросить, что он сделал.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы давали ему это поручение.

СМИРНОВ: Нет, не давал.

ВЫШИНСКИЙ: А спрашиваете — что он сделал.

СМИРНОВ: Я его спрашиваю в связи с его разговором здесь.

МРАЧКОВСКИЙ: Смирнов, очевидно, недоволен тем, что мы ничего не сделали.

СМИРНОВ: Я счастлив, что Вы ничего не сделали.

МРАЧКОВСКИЙ: Я больше Вас счастлив. Не только я, но и вся страна.

356 779

СМИРНОВ: О подпольных делах в то время у нас разговоров с ним не было.

ВЫШИНСКИЙ: А в какое время было.

СМИРНОВ: Это можно отнести к 1922 году.

ВЫШИНСКИЙ: Нет, о 1931 г.

СМИРНОВ: Нет, в 1931 году у нас разговора о подпольной работе не было.

ВЫШИНСКИЙ: Где он работал в 1931 году и вы где работали.

СМИРНОВ: Я работал в 1931 году в Саратове, а он в Москве.

ВЫШИНСКИЙ: Где он работал.

СМИРНОВ: Он был кажется хозяйственником.

ВЫШИНСКИЙ: Каким хозяйственником.

СМИРНОВ: Я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ: На какой почве вы с ним облизались и вы о чем с ним разговаривали.

СМИРНОВ: Мы с ним разговаривали о том, что делается в нашей стране, что делается в колхозах, на заводах.

ВЫШИНСКИЙ: Что именно делается в нашей стране.

СМИРНОВ: Как проходит коллективизация.

ВЫШИНСКИЙ: Хорошо или плохо.

СМИРНОВ: Хорошо.

ВЫШИНСКИЙ: Значит за этим он к вам приходил. Спросим Дрейцера.

ДРЕЙЦЕР: Месяца 3 тому назад я показывал, что мы о комбайнах говорили.

ВЫШИНСКИЙ: В какой период это было.

ДРЕЙЦЕР: На Лубянке № 14.

ВЫШИНСКИЙ: Когда вы записались. Значит он проходит первую стадию. Отстаёт. Вы напомним на гласном суде Смирнову о том, что

вы говорили в 1931-1932 году, по-серьезному, практически.

ПРЕДСЕД.: В 1931 году я один раз видел до поездки в Германию на квартире у Охотникова. Я вчера показал. В нескольких словах только скажу. Иван Никитич Смирнов уже тогда оценивал положение верно, делая выводы о необходимости перехода к террористической деятельности. Надо напомнить порядок моих взаимоотношений, что я большой теоретик был, у троцкистов меня знали больше как организатора. Так и расценивали.

В частности, Иван Никитич Смирнов, когда он разговаривал со мною как с троцкистом, он имел ввиду всегда поручение. Тогда он говорил вскользь и не очень много. Вероятно готовил меня к террористической деятельности. В 1931 году он не давал мне прямых поручений о террористической подготовке, а в 1932 году он мне уже сказал об организации террористической группы.

ВЫШИНСКИЙ: А вы ему говорили о своих действиях по выполнению этих директив.

ПРЕДСЕД.: Еще рано было об выполнении их говорить.

ВЫШИНСКИЙ: Что вы выискиваете людей.

ПРЕДСЕД.: Да, до начала террористической деятельности у нас ведь
всегда была и другая троцкистская деятельность.

ВЫШИНСКИЙ: Сколько лет вы знаете друг друга.

ПРЕДСЕД.: С 1927 года. Да я Ивана Никитича Смирнова знал так же хорошо, как и он меня с 1927 года.

ВЫШИНСКИЙ: Срок не маленький. Садитесь.

Я еще раз хочу с Иваном Никитичем Смирновым выяснить вопрос о выходе из блока. Вы получали директивы через Гавена от Троцкого, передавали своим товарищам. А вам известно как ваши товарищи относились к этим директивам.

358

Мин. ВР
Ст. МП

- 43 -

... что они — ее приняли или отказались принять.

СМИРНОВ: — Я уже показывал на следствии и сегодня хочу подтвердить, что когда эта директива стала известна группе ЗИНОВЬЕВА, то они эту директиву восприняли.

ВЫШИНСКИЙ: — Вам от кого это стало известно.

СМИРНОВ: — От ТЕР-ВАГАНИНА.

ВЫШИНСКИЙ: — Зачем ТЕР-ВАГАНИН Вам об этом сообщал.

СМИРНОВ: — Мы с ВАГАНИНОМ были в центре, как в блоке, так и в троцкистском центре, и все, что узнавал ВАГАНИН по организационной и другой линии, он мне сообщал. Он считал, что и об этом нужно мне сообщить, как члену центра.

ВЫШИНСКИЙ: — Этот момент Вы и считаете моментом Вашего выхода из блока.

СМИРНОВ: — Я получил директиву, она дошла через мои руки до группы ЗИНОВЬЕВА, директива эта была или воспринята; я шел не был согласен с террором и никакой практической работы в этой области я не вел, никаких свиданий ни с ЗИНОВЬЕВЫМ, ни с другими террористами не было.

ВЫШИНСКИЙ: — Когда ТЕР-ВАГАНИН Вам сообщил, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ приняли эту директиву, Вы как реагировали на это перед ВАГАНИНОМ, что Вы сказали ВАГАНИНУ?

СМИРНОВ: — Я ничего не сказал.

ВЫШИНСКИЙ: — Если Вы были не согласны, Вы должны были сказать: "Я не согласен, я ухожу, я прекращаю работу". А Вы этого не сделали.

СМИРНОВ: — Я этого не сделал и не сделал того, что нужно было сделать.

ВЫШИНСКИЙ: — Обвиняемый ТЕР-ВАГАНИН, Вы передавали СМIRНОВУ о том, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ приняли эту директиву.

ТЕР-ВАГАНИН: — Мне не нужно было СМIRНОВУ это ни сообщать, ни передавать, потому что сам СМIRНОВ был теснейшим образом связан с ними и сам получал и сам передавал.

182
359

ВЫШИНСКИЙ: - Так что, выходит, СМЕРНОВ задумывает.

ТЕР-ВАГАНИН: - Я затруднился таким образом формулировать, потому что мне СМЕРНОВ всегда представлялся человеком ответственным, имеющим мужество отвечать за свои поступки.

ВЫШИНСКИЙ: - А сейчас Вы видите другое.

ТЕР-ВАГАНИН: - А сейчас я ни его не узнаю, ни фактов не узнаю, ни себя. - я просто сижу здесь как чужой человек...

ВЫШИНСКИЙ: - Хотя среди своих.

ТЕР-ВАГАНИН: - Да, хотя с 1932 г. был с ним, как с своим...

ВЫШИНСКИЙ: - Вы почтили поведение СМЕРНОВА так, что он порывает с Вами словом и уходит.

ТЕР-ВАГАНИН: - Этого понять никак не было, потому что до момента его ареста он оставался одним из главных руководителей этого блока.

ВЫШИНСКИЙ: - Блока - на террористической основе?

ТЕР-ВАГАНИН: - Да.

КВАСОВ: - Разрешите вопрос СМЕРНОВУ.

ВЫШИНСКИЙ: - Пожалуйста.

КВАСОВ: - Иван Иванович, после совещания в вагоне у МРАЧКОВСКОГО мы встречались с Вами не раз, в частности мы не раз встречались в санузловской столовой, разговаривали и по дороге в столовую и уходили вместе. Почему Вы мне тогда не сказали, что Вы с установкой, которая положена в основание террористического блока, не согласны. Почему Вы мне не сказали, что Вы из блока, из центра вышли?

ВЫШИНСКИЙ: - Обвиняемый СМЕРНОВ, Вы говорили о своем несогласии с установкой центра.

СМЕРНОВ: - Я ни ВЫШИНСКОМУ, ни МРАЧКОВСКОМУ, ни ВАГАНИНУ не говорил.

ВЫШИНСКИЙ: - А ЗИНОВЬЕВУ говорили?

СМЕРНОВ: - Я с ЗИНОВЬЕВЫМ не говорил.

250

- 44/A -

ВЫШИСКИМ: - С КЕДЛОСКОМ Вы встречались.

СМИРНОВ: - Да, иногда встречался.

ВЫШИСКИМ: - Какие нибудь разговоры вели, - в столовой или где нибудь.

361 184

45

СМИРНОВ — Да какие в столовой могут быть разговоры.

ВЫШИНСКИЙ — А по дороге ?

СМИРНОВ — По дороге мне с ним никогда не было.

ВЫШИНСКИЙ — Но вы были членом одного центра, выходит что по дороге было.

СМИРНОВ — Я отрицаю, что у меня были с ним частные встречи.

ВЫШИНСКИЙ — Значит, ни с Зиновьевым, ни с Евдокимовым вы не говорили, а говорили только с Тер-Ваганяном.

СМИРНОВ — С Ваганяном у меня не такие отношения.

ВЫШИНСКИЙ — Вы встречались с Тер-Ваганяном ?

СМИРНОВ — Да.

ВЫШИНСКИЙ — С Мрачковским встречались, разговаривали ?

СМИРНОВ — Да.

ВЫШИНСКИЙ — С Дрейцером ?

СМИРНОВ — В течение двух лет встречался два раза.

ВЫШИНСКИЙ — Тер-Ваганян, Дрейцер и Мрачковский единодушно показывают, я оставляю в стороне Зиновьева и Евдокимова, что вы до самого дня вашего ареста разбирали точку зрения на террор и необходимость террористической борьбы с руководством нашей партии и правительства, вы еще раз, может быть последний раз на этом суде, отрицаете это ?

СМИРНОВ — Категорически отрицаю, что держался террористических взглядов, что принимал практическое участие в подготовке террористических актов.

ВЫШИНСКИЙ — Не согласно, что принимали директивы о терроре и их передавали.

СМИРНОВ — Я сделал это большое преступление...

ВЫШИНСКИЙ — Я хочу установить передавали вы директивы или не передавали ?

СМИРНОВ — Да, но участия не принимал и я уверен, что у Мрачковского и Дрейцера никаких террористических групп вообще не было.

ВЫШИНСКИЙ — Но людей они называли ?

СМИРНОВ — Людей называли, а актов не привели.

100
362

ВЫШИНСКИЙ - Мы знаем один злодейский акт, это 1-го декабря 1934 года.

СМИРНОВ - Ужасный акт...

ВЫШИНСКИЙ - Так, как же вы говорите, что актов не было ?

СМИРНОВ - Я говорю о периоде 1931-32 года.

ВЫШИНСКИЙ - Это был период подготовки, который завершился убийством т.Кирова.

СМИРНОВ - Убийство Кирова - это величайшее несчастье, я не хочу произносить здесь речей, я не Зиновьев...

ВЫШИНСКИЙ - Подождите, убийство Кирова было произведено по решению, по поручению и под руководством об"единенного центра ?

СМИРНОВ - Не могу на это ответить, потому что я эти два года сидел в тюрьме.

ВЫШИНСКИЙ - Вы то сидели, но центр оставался, вам известно, что убийство С.М.Кирова было задумано, подготовлено и осуществлено под непосредственным руководством об"единенного центра зиновьевцев и троцкистов ?

СМИРНОВ - Я об этом узнал только сейчас.

ВЫШИНСКИЙ - Вам это известно, что злодейское убийство было одним из актов целой цепи преступлений, задуманных этим центром ?

СМИРНОВ - Я об этом здесь узнал.

ВЫШИНСКИЙ - Вы были членом этого центра ?

СМИРНОВ - В 1932 году.

ВЫШИНСКИЙ - Вы центру передавали директиву Троцкого ?

СМИРНОВ - Передавал.

ВЫШИНСКИЙ - Согласно этой директивы была организована террористическая деятельность ?

СМИРНОВ - Не знаю, сидел в тюрьме.

ВЫШИНСКИЙ - Но центр ~~оставался~~ оставался ?

СМИРНОВ - ~~Не знаю, сидел в тюрьме.~~ Не знаю, сидел в тюрьме.

ВЫШИНСКИЙ - Если вы так правду говорите, что вы не знаете, то вести допрос нет смысла, все здесь это подтвердили и вы теперь это знаете.

865

СМИРНОВ - Теперь я это знаю.

ВЫШИНСКИЙ - Я вас спрашиваю, вы теперь знаете, что центр организовывал террористические акты против членов партии и правительства и организовал убийство Кирова.

СМИРНОВ - Я здесь это услышал.

ВЫШИНСКИЙ - Вы знаете теперь, что злодейское убийство Кирова совершил центр, организованный при вашем участии в 1932 году.

СМИРНОВ - В центре я был в 1932 году:

ВЫШИНСКИЙ - Вы передали центру директиву, полученную от Троцкого о террору. Значит вы за это отвечаете.

Продолжение вечернего судебного заседания 20.VIII-36 г.
после перерыва.

КОМЕНДАНТ: Верховный Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь, пожалуйста.

ЗИНОВЬЕВ: Я прошу слово для краткого заявления по поводу сказанного Смирновым по моему адресу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

ЗИНОВЬЕВ: Смирнов заявил, что то, что я показал о нем, сделано мною в порядке импровизации и что он не читал в моих показаниях того, что я здесь показал. Я не знаю, что читал Смирнов из моих показаний и чего он не читал. Обвинительное заключение отметило известное запирательство в моем поведении, но ^{что} все-таки следствию и суду я дал исчерпывающие показания. Я могу только целиком и полностью их подтвердить. Моя задача состоит сейчас в том, чтобы обвинять себя самого. После показаний Смирнова наиболее близкие к нему товарищи ищут ключа для об"яснения его поведения. Я тоже слушал то, что происходило в последние часы и никакого другого ключа я не могу найти для этого об"яснения, как то, что он решил выполнить надежду, высказанную Троцким в "Воллетене". Только этим об"ясняется то, что он отрицает факты, когда камни вопиют, когда поведение его абсолютно ясно для суда.

БАКАЕВ: Разрешите сделать заявление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

БАКАЕВ: Летом 1932 года Смирнов говорил мне, что он спешит на совещание группы троцкистов из московского землячества бывших работников пятой армии. Об этом он во время судебного следствия ничего не сказал. Я считаю необходимым заявить об этом.

СМИРНОВ: Разрешите сказать по поводу заявления Зи-

Октябрь

20 VIII березн

г. 364 - 390

Зиновьева.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

СМИРНОВ: Я читал только те показания Зиновьева в отношении меня, которые имеются в томе XII, л.д.35. У меня выписка об этом в кармане. Там сказано, что на квартире Зиновьева шла речь о Смирнове, и больше ничего в показаниях не указано.

Что касается ссылки на то, что я хотел выполнить како-то указание Троцкого, то я должен сказать, что мне никакие указания Троцкого не известны, а с Троцким у меня полный разрыв, о котором я скажу в моем последнем слове.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Ольберг: В-оеневнем
Вы основные показания свои о террористической работе подтверждаете?

ОЛЬБЕРГ: Подтверждаю, целиком и полностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Товарищ Вышинский, имеет ли явлениих вопросы?

ВЫШИНСКИЙ: Вы сколько времени связаны с троцкизмом?

ОЛЬБЕРГ: С 1927-1928 года я состою членом германской троцкистской организации. Активно начал работать с 1930 года. [С этого времени датируется моя письменная связь с Львом Давидовичем Троцким и с его сыном.

ВЫШИНСКИЙ: Когда вы познакомились с сыном Троцкого и самим Троцким? Как вы поддерживали связь с ними, на какой почве?

ОЛЬБЕРГ: Лично с Троцким я не познакомился. Письменная связь с ним была установлена мною посредством работников немецкой троцкистской организации, в частности, Антона Грилевича, издателем ряда немецких брошюр Троцкого. Сначала была установлена письменная связь с Львом Седовым, который давал мне по поручению отца ряд поручений.

моя
письм.
связь
с Троцким
и его сыном
с 1930 г.

✓ Когда весной 1931 года, если не ошибаюсь в мае месяце, Лев Львович Седов приехал в Берлин, мы познакомились^и с этого времени началось наше личное знакомство.

ВЫШИНСКИЙ. Сколько времени вы знакомы с Седовым?

ОЛЬБЕРГ. Лично с мая месяца 1931 года.

ВЫШИНСКИЙ. Вы с ним часто встречались?

✓ ОЛЬБЕРГ. В течение 1931 года, т.е. с мая месяца по конец 1932 г. мы встречались почти еженедельно, а иногда даже два раза. Встречались мы в кафе на Нюрнбергплаце около его квартиры, либо я бывал у него на квартире.

✓ ВЫШИНСКИЙ. Какие были разговоры относительно поездки в СССР?

ОЛЬБЕРГ. Относительно моей поездки?

ВЫШИНСКИЙ. Да.

✓ ОЛЬБЕРГ. Впервые о моей поездки в Советский Союз Лев Седов заговорил после известного обращения Троцкого к членам ВИК"а Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Открытое письмо Президиуму ЦИК Союза?

ОЛЬБЕРГ. Да, совершенно верно. Это обращение было ответом Троцкого на его экспроприацию. Решение о высылке его и семьи вызвало в нем большое возмущение и он опубликовал письмо, в котором развивал мысль о необходимости убить Сталина. Мысль эта была выражена следующими словами: необходимо убрать Сталина.

✓ Лев Львович, показывая мне сперва еще написанный на пишущей машинке текст этого открытого письма, которое через короткое время было опубликовано в "Бюллетене" оппозиции, а "Бюллетень" до этого издававшийся в Париже, был переведен в Берлин, сказал мне: ну, вот, теперь вы видите, яснее сказать нельзя. Это дипломатическая формулировка. Одновременно Лев Седов сказал мне, что необходимо послать ряд людей из-за границы в Советский Союз.

При этом мы несомненно наталкивались на целый ряд трудностей. Трудности заключались в том, что иностранцы, приезжающие в Советский Союз, не знающие ни языка, ни обстановки, обычно плохо здесь ориентируются и с этой целью необходимо было послать человека, знающего русский язык.

В берлинской троцкистской организации было несколько таких

людей. Лев Седов рекомендовал послать в Советский Союз меня. Несмотря на то, что между нами были хорошие дружеские отношения и я относился к нему с чувством известного уважения, тем не менее поручения, которые мне им давались, обычно сопровождались либо непосредственным показыванием письма Льва Давидовича Троцкого, либо с ссылкой на факты этого письма.

И вот, впервые после опубликования этого письма Лев Седов сделал мне предложение отправиться в Советский Союз, ссылаясь на то, что с немецкими и французскими членами троцкистской организации каппы не сварить. Лев Седов знал, что я говорю по русски, мы с ним всегда говорили и переписывались по русски и был уверен, что я смогу здесь закрепиться.

Трудность возникла в паспорте. Я не имел определенного подданства и уже по одному этому не мог получить никакой советской визы. Мы вдвоем, Лев Седов и я, обсуждали варианты возможности получения какого-нибудь паспорта, причем Лев Седов хотел для этой цели достать паспорт какого-нибудь из членов французско-троцкистской организации. Но это дело удалось мне уладить. Благодаря моим знакомствам я получил паспорт на чужое имя, на имя Фройдигмана и с этим паспортом выехал в Советский Союз.

ВЫШНСКИМ. Расскажите о вашем знакомстве с Фройдигманом² в связи с паспортом?

ОЛЬБЕРГ. У меня есть еще один момент в моих показаниях, которые я никак не могу упустить.

Непосредственное поручение поехать в Советский Союз было мне дано Львом Давидовичем Троцким в письме. Осенью 32г. Троцкий поехал в Копенгаген, где он прочел несколько лекций, я и СЕДОВ собирались поехать на эти лекции, но нам не удалось, а жена СЕДОВА Сюзанна отправилась в Копенгаген и привезла оттуда письмо Льва Троцкого, которое было адресовано ~~МНИ~~ СЕДОВУ, в котором Троцкий соглашался с предложенной им (Седовым) моей поездкой в Советский Союз и высказал надежду что мне удастся осуществить данную миссию.

Это письмо показал мне СЕДОВ.

ВЫШИНСКИЙ: Что Вы знаете о ФРИДМАНЕ.

ОЛЬБЕРГ: ФРИДМАН был одним из членов берлинской троцкистской организации, который также был направлен в Советский Союз, и мне СЕДОВ давал поручения связаться с ним непосредственно. ФРИДМАН, как и другие товарищи, были направлены в Советский Союз с целью подготовки террористических актов. Несколько мне известно, одновременно с ФРИДМАНОМ должен был работать троцкист ГУРЕВИЧ и БИКОВ.

ВЫШИНСКИЙ: Как Вы через ФРИДМАНА пытались себе паспорт, это было так.

ОЛЬБЕРГ: Да, было.

ВЫШИНСКИЙ: Почему Вы через него пытались достать паспорт.

ОЛЬБЕРГ: Потому, что я знал его как члена берлинской троцкистской организации.

ВЫШИНСКИЙ: Известно было Вам, что ФРИДМАН был связан с германской полицией.

ОЛЬБЕРГ: Я слышал об этом.

ВЫШИНСКИЙ: Откуда Вы слышали.

ОЛЬБЕРГ: Мне было об этом известно от одного работника германского МОПР.

ВЫШИНСКИЙ: Назовите его фамилию.

ОЛЬБЕРГ: Фамилии я не помню, но его зовут Вальтер.

ВЫШИНСКИЙ: Поэтому Вы пытались получить паспорт через ФРИДМАНА, а до этого Вы с ним встречались.

ОЛЬБЕРГ: Встречался. Еще до моего визита в МОПР, я говорил с ним об этом паспорте.

✓ ВЫШИНСКИЙ: Как же он, троцкист, и был связан с германской полицией.

ОЛЬБЕРГ: ВАЛЬТЕР сообщил мне, что существует подозрение о его связи с берлинской полицией.

ВЫШИНСКИЙ: Одно дело существует подозрение, а другое дело - связь. Вы на предварительном следствии точно говорили о том, что Вам известно о связи с германской полицией.

ОЛЬБЕРГ: Я уточняю, что мне это было известно со слов работника германского МОПР.

✓ ВЫШИНСКИЙ: И Вы с ним продолжали связь.

ОЛЬБЕРГ: Да, я с ним встречался.

✓ ВЫШИНСКИЙ: Вы считали в порядке вещей эту связь.

ОЛЬБЕРГ: Он нужен мне был для определенной цели, поэтому я с ним встречался.

✓ ВЫШИНСКИЙ: Это был единичный случай или еще были случаи.

Случай моей встречи с Фридманом. Я встречался с ним не раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите о первой поездке в марте 1933 года. Вы ездили в ^{марта} апреле 1933 г. и в июле 1933 года.

ВЫШИНСКИЙ: Это единственный случай или были еще случаи.

ОЛЬБЕРГ: Мне неизвестно в 1932 году или до этого была ли какая-либо связь немецких троцкистов с Берлинской полицией или всей организации (Берлинской полицией) в 1932 году.

ВЫШИНСКИЙ: А дальше, позже.

ОЛЬБЕРГ: Позже возникло соглашение. Если разрешите я скажу подробно.

ВЫШИНСКИЙ: Позже была связь, без подробностей. В 1933 г. была.

ОЛЬБЕРГ: Была.

ВЫШИНСКИЙ: Связь германских троцкистов с германской полицией - это была система.

ОЛЬБЕРГ: Да, это была система и это было сделано с согласия Льва Давидовича Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ: Откуда вам это известно о том, что это было с ведома и согласия Троцкого.

ОЛЬБЕРГ: Одна из этих линий была лично моя, связь которой была организована с санкции Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ: Ваша личная связь с кем.

ОЛЬБЕРГ: С фашистской тайной полицией.

ВЫШИНСКИЙ: Значит можно сказать, что вы сами признаете связь с ГЕСТАПО.

ОЛЬБЕРГ: Я этого никогда не отрицал.

ВЫШИНСКИЙ: Да, я это знаю. С какого времени была связь с ГЕСТАПО.

ОЛЬБЕРГ: С 1933 года. (?)

ВЫШИНСКИЙ: Значит до этого была связь только с Фридманом. Приемственность была между 1932 и 1933 г.

W 3
370
195

ОЛЬБЕРГ: Никакой, потому что в 1932 году это была единственная связь Фридмана, в то время, как в 1931 году началась организованная система связи немецких троцкистов с немецкой фашистской полицией.

ВЫШИНСКИЙ: Теперь вернемся к тому, как вы ездили в Советский Союз.

ОЛЬБЕРГ: В конце марта 1933 года я впервые приехал в Советский Союз по фальшивому паспорту.

ВЫШИНСКИЙ: Где вы получили этот фальшивый паспорт.

ОЛЬБЕРГ: Этот паспорт я получил в Берлине.

ВЫШИНСКИЙ: При помощи кого.

ОЛЬБЕРГ: Некого Фрейдина.

ВЫШИНСКИЙ: Вы получили паспорт на имя Фрейдина и оставались в Советском Союзе до какого месяца.

ОЛЬБЕРГ: До лета, до конца июля 1933 года.

ВЫШИНСКИЙ: С какими заданиями вы приехали в Советский Союз.

ОЛЬБЕРГ: Основная задача — это подготовка и проведение убийства Сталина.

ВЫШИНСКИЙ: Кто такую задачу перед вами поставил.

ОЛЬБЕРГ: Это задача была поставлена Троцким.

ВЫШИНСКИЙ: Через Седова или непосредственно.

ОЛЬБЕРГ: Через Седова.

ВЫШИНСКИЙ: Значит вам Седов передал поручение Троцкого поехать в СССР и совершить убийство Сталина.

ОЛЬБЕРГ: Да, до этого я знал некоторых троцкистов, перешедших из-за границы, вроде Ленбофа, Розенблюма и получил также явку на Ленкера.

- 55 -

Основной метод работы, который мне рекомендовал СЕДОВ, заключался в следующем: Вы поезжайте, постарайтесь получить где нибудь работу, осесть, закрепиться в СССР, а когда Вы закрепитесь в Сов.Союзе, тогда Вы и вступите в связь с теми лицами, которых Вы знаете, и приступите к организации террористического акта. Однако, мне не удалось вступить в 1933г. в связь со всеми этими лицами.

ВЫШНСКИЙ: - Вы в июле 1933г. выехали обратно.

ОЛЫЗЕРГ: - Мне не удалось закрепиться в Сов.Союзе из-за паспортного режима. Я был в Москве, жил я у члена организации немецких троцкистов БОУТАТА. БОУТАТ укрывал меня у себя полтора месяца. ~~После этого я получил паспорт и выехал из страны~~ Я получил работу в Средней Азии, в Таджикистане и поехал туда без всякого паспорта. Я получил туда направление от Таджикского представительства.

ВЫШНСКИЙ: - На какую работу.

ОЛЫЗЕРГ: - На работу по моему специальности: я - преподаватель истории. Приехав в Сталинабад, я обнаружил одно препятствие для того, чтобы я смог остаться в стране: если я выдавал себя за советского гражданина, то это само по себе не вызывало никаких сомнений; но оказалось, что у меня нет никаких бумаг о моем отношении к воинской повинности, достать эти бумаги я не мог. Именно поэтому мне пришлось уехать из Сов.Союза. Я уехал в Чехословакию, в Прагу. Здесь я возобновил свою связь с СЕДОВИМ. СЕДОВ к лету 1933 г. находился в Париже.

ВЫШНСКИЙ: - Вы вернулись в каком году.

872
197

ОЛЬБЕРГ: - Я приехал в Прагу летом 1933 г.

ВЫШНСКИЙ: - Нашли СЕДОВА.

ОЛЬБЕРГ: - Я возобновил с ним письменную связь; я написал ему в Париж и получил от него ответ. С тех пор наша письменная связь возобновилась. Я написал СЕДОВУ о неудаче. Он ответил, что не надо падать духом, если не удалось первый раз, надо будет попытаться еще раз. И он ответил, что он постарается достать лучший паспорт, такой паспорт, в котором я мог бы остаться в Сов.Союзе. Вне зависимости от этого, мне удалось получить паспорт в Праге. Там проживал мой младший брат Пауль ОЛЬБЕРГ. Я имел дружеские отношения с моим младшим братом и я ему откровенно рассказал об истинных целях моего пребывания в Сов.Союзе и о причинах неудачи моей первой поездки. Мне мой младший брат сообщил, что он связан с агентом германской тайной полиции в Праге ТУКАЛЕВСКИМ, что ТУКАЛЕВСКИЙ и сможет помочь этому делу. Через некоторое время после моего приезда, именно - осенью 1933г., я направился с моим младшим братом к ТУКАЛЕВСКОМУ.

ВЫШНСКИЙ: - Кто такой ТУКАЛЕВСКИЙ?

ОЛЬБЕРГ: - ТУКАЛЕВСКИЙ - директор Словянской библиотеки министерства иностранных дел в Праге. Я уже увидел, что ТУКАЛЕВСКИЙ братом моим предупрежден о моем визите.

ВЫШНСКИЙ: - Откуда Вы знаете, что ТУКАЛЕВСКИЙ - агент тайной полиции?

ОЛЬБЕРГ: - От моего младшего брата.

Я рассказал ТУКАЛЕВСКОМУ о том, что я ездил в Сов. Союз с террористической целью, что это не удалось из-за паспорта.

Тукалевский заявил, что он может помочь этому делу, что он постарается достать для меня необходимые документы и если даже возникнет нужда в деньгах, то он не откажется помочь. Я ответил, что нужда в деньгах вряд ли будет. Затем я написал Льву Седову в Париж, изложил предложение, сделанное агентом гестапо и попросил его сообщить мне инструкцию. Одобрит ли Лев Давидович Троцкий соглашение с таким агентом, можно ли получить от него паспорт, или лучше отказаться от всяких отношений с ним. Через некоторое время я получил ответ, который санкционировал мое поведение, т.е. соглашение с Тукалевским. Лев Седов писал, что необходима величайшая конспирация и что никто из других членов троцкистской организации не должен быть информирован об этом соглашении. От Тукалевского я получил связь с Бенда, проживающим в Праге, человеком без определенной профессии, который и устроил мне паспорт следующим образом. В Прагу приехал генеральный консул Республики Гондурас в Берлине Лукас-Пандос, который продал мне паспорт за 13 тысяч чехословацких крон. Эти деньги я получил от Льва Седова.

ВЫШИНСКИЙ - Вы какое нибудь отношение к республике Гондурас имели ?

ОЛЬБЕРГ - Нет, никогда.

ВЫШИНСКИЙ - Почему же избрали эту республику ?

ОЛЬБЕРГ - Я не называл именно этой республики ?

ВЫШИНСКИЙ - А как же ?

ОЛЬБЕРГ - Когда я говорил о том, что мне необходим паспорт, то я не называл предпочтительную страну, паспорт которой мне был бы желателен, и когда Тукалевский сообщил мне, что можно будет достать паспорт республики Гондурас, что это будет настоящий паспорт в том смысле, что он будет выдан генеральным консулом, а не изготовлен на фабрике фальшивок, то я согласился получить этот паспорт.

ВЫШИНСКИЙ - Позвольте пред"явить, этот ли паспорт ?
(комендант пред"являет паспорт)

ОЛЬБЕРГ - Да, этот.

ВЫШИНСКИЙ - Он действительно настоящий паспорт или фальшивый ?

ОЛЬБЕРГ - Он действительно был выдан настоящим консулом от

имени республики Гондурас, такая республика имеется в центральной Америке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Консул этой республики имеется в Праге ?

ОЛЬБЕРГ - Я получил этот паспорт от консула республики Гондурас в Берлине, приехавшего в Прагу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Здесь говорится, что этот паспорт выдан в Берлине.

ОЛЬБЕРГ - Внизу есть штемпель, где сказано, что генеральное консульство республики Гондурас в Берлине и аутентичность этого паспорта подтверждена Пражским консулом.

ВЫШИНСКИЙ - Вы этот паспорт опознаете, за этот паспорт вы заплатили 13 тысяч марок ?

ОЛЬБЕРГ - Да, за этот, не марок, а 13 тысяч чехословацких крон.

ВЫШИНСКИЙ - Паспорт выдан на вас и вашу жену ?

ОЛЬБЕРГ - Да, я женат.

ВЫШИНСКИЙ - Чем вы объясняете, что здесь написано, что паспорт выдан генеральным консулом республики Гондурас в Берлине.

ОЛЬБЕРГ - Тем, что этот паспорт мне выдал генеральный консул в Берлине, приехавший в Прагу.

ВЫШИНСКИЙ - А что же он паспорт сам привез ?

ОЛЬБЕРГ - Сам. Затем я зашел в Пражское консульство, которое соответствующим штемпелем подтвердило аутентичность этого паспорта.

ВЫШИНСКИЙ - Во всяком случае этот паспорт вы получили для въезда в СССР, как гражданин республики Гондурас. Какое отношение вы имели к этой республике ?

ОЛЬБЕРГ - Никогда, никакого.

ВЫШИНСКИЙ - Может быть ваши родители имели ?

ОЛЬБЕРГ - Нет.

ВЫШИНСКИЙ - Предки ?

ОЛЬБЕРГ - Нет.

ВЫШИНСКИЙ - А вы сами откуда ?

ОЛЬБЕРГ - Я рижанин. Отец немец, а мать рижанка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Отец немец, а мать рижанка, разве рижанка это национальность ?

ВО-ЕЧ

- 58-а -

W3
375
200

~~ОЛЬБЕРГ - Нет, я просто объясняю.~~

ВЫШИНСКИЙ - Какое подданство имеете сейчас ?

✓ ОЛЬБЕРГ - Я сейчас не имею никакого подданства.

Я имел, если хотите, подданство республики Гондурас.

ВЫШИНСКИЙ: Это уже дело республики Гондурас, а не мое дело.

ОЛЬБЕРГ: Я определяю свое подданство так, что никакого подданства не имею. Я паспорт этот рассматриваю как липовый и прошу меня не рассматривать, как подданного республики Гондурас.

ВЫШИНСКИЙ: А как?

ОЛЬБЕРГ: Как неимеющего никакого подданства.

ВЫШИНСКИЙ: Во всяком случае этот паспорт липовый, дутый. Тут имеется визитная карточка Тукачевского Владимира. Тут имеются и буквы П. и О. 1936 г. Вы помните это?

ОЛЬБЕРГ: Я помню это. Эта карточка была послана по почте и получена.

ВЫШИНСКИЙ: Где получена?

ОЛЬБЕРГ: В Сталинабаде.

ВЫШИНСКИЙ: По вашему адресу?

ОЛЬБЕРГ: Я тогда там не жил.

ВЫШИНСКИЙ: Карточка послана для вас?

ОЛЬБЕРГ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Что означают буквы П.О.? Припоминаете?

ОЛЬБЕРГ: Припоминаю. Это шифр. В Сталинабаде находился брат Волкова - Дмитрий Волков. Я имел несколько визитных карточек Тукачевского, которые я направил Седову. Мы условились, что если ко мне явится кто-либо из троцкистов, то для опознания дана будет карточка Тукачевского. Карточка была послана в Сталинабад, предполагалось, что в небольшом городке Дмитрий Волков сможет получить эту карточку.

ВЫШИНСКИЙ: Вы приехали как подданный Гондурас с какими целями и какими задачами?

ОЛЬБЕРГ: ~~Должен сказать, что,~~ получив паспорт республики Гондурас, сообщив об этом ^{Тукалевскому} ~~Духаревскому~~, я со своей стороны рассказал, что поеду вновь в Советский Союз. Я на этот раз намеревался поехать в Советский Союз через Германию. ^{Тукалевский} ~~Духаревский~~ заявил мне, что рекомендует в Берлине встретиться со Сломовиц. Я ее знал и раньше. ^{Тукалевский} ~~Духаревский~~ мне сказал, что берлинские троцкисты заключили соглашение с ГЕСТАПО и что я встретившись в Берлине со Сломовиц, смогу в случае нужды найти у нее помощь и поддержку. Я ~~направился~~ в Советский Союз и в начале 1935 года, приехав в Берлин, посетил Сломовиц, которая сообщила мне следующее: за то время, которое я отсутствовал немногие троцкистские кадры остались и что сейчас стоит дилемма - либо ликвидироваться троцкистам, либо пойти на соглашение с немецкими фашистами. ~~Михаилу Базой~~ ^{Михаилу Базой} для соглашения служил вопрос о подготовке и проведении террора. ~~Былхахиронихирияхххх~~ Лев Троцкий санкционировал соглашение берлинских троцкистов с ГЕСТАПО ~~и они действительно были на воле.~~ Они сообщили, что с их точки зрения, т.е. с точки зрения берлинских троцкистов, низвержение советского строя, борьба против нынешнего правительства мыслима двумя путями.

... либо путем интервенции, либо путем отдельных террористических актов. Убийство Кирова, по словам Сломовиц, показало, что террористические акты в Советском Союзе против вождей партии и правительства мыслимы и могут быть проводимы. У нее же на квартире я встретился с сотрудником ГЕСТАПО, с которым она меня познакомила и который сообщил мне, что если мне понадобится какая либо помощь, то они охотно помогут мне в этом деле, в деле подготовки террористических актов против руководителей партии, в первую голову против Сталина.

В марте 1935 года я приехал второй раз в Советский Союз. Я приехал по туристской визе, которая была очень кратковременна и мне буквально через несколько дней пришлось вернуться из Советского Союза обратно. Вернувшись в Германию я пробыл там 3 месяца. За это время опять-таки объяснил Седову положение и получил от него последнее предложение сделать еще одну попытку поехать с теми же целями, причем он сообщил мне целый ряд явок на живущих в Советском Союзе троцкистов. И вот, в последний раз я приехал в Советский Союз в июле прошлого года, т.е. в июле 1935 года.

Приехав в Советский Союз я провел короткое время в Минске, где связался с троцкистами Розен и ..., а затем уехал в Горький, куда мне были даны явки на Елина и Федотова. Я нашел очень быстро и легко этих людей и с их помощью получил работу в Горьковском педагогическом институте. На этой работе я и оставался до дня своего ареста.

Приехав в Горький и ознакомившись с обстановкой я нашел там не двух, а целую группу троцкистов. Надо сказать, что фактическим ее руководителем был директор Горьковского педагогического института Федотов. Он был несколько запуган арестами троцкистов, которые имели место не задолго до моего приезда в Горький, арест Муртичева и других. Он поэтому подчеркивал необходимость сугубой конспирации. Я выяснил, что горьковская группа, руководимая Федотовым состоит из Соколова, Кантора, Масляникова и Иллендера.

ВЫШИНСКИЙ. Значит вы выезжали в СССР сколько раз?

ОЛЬБЕРТ. Три раза. В первый раз в марте 1933г., затем в марте 1935 года и в июле 1935 г.

ВЫШИНСКИЙ. Второй раз, вы сколько времени пробыли в СССР?

ОЛЬБЕРТ. Неделю.

ВЫШИНСКИЙ. Почему так мало.

W3
204

ОЛЬБЕРГ. У меня была туристская виза, которая не могла быть продлена.

ВИШНИНСКИЙ. А вы надеялись ее продлить?

ОЛЬБЕРГ. Да.

ВИШНИНСКИЙ. Но вам это не удалось?

ОЛЬБЕРГ. Нет.

ВИШНИНСКИЙ. Вы вернулись из СССР в 1935 году куда?

ОЛЬБЕРГ. В Берлин.

ВИШНИНСКИЙ. После второго возвращения вы получили Гондурасский паспорт?

ОЛЬБЕРГ. Я и второй раз приехал по гондурасскому паспорту.

ВИШНИНСКИЙ. Вы приехали по туристской визе?

ОЛЬБЕРГ. Да, но и имея гондурасский паспорт.

ВИШНИНСКИЙ. Значит вам этот паспорт не удалось продлить?

ОЛЬБЕРГ. Нет.

ВИШНИНСКИЙ. Таким образом, ^{опять} вам удалось продлить его?

ОЛЬБЕРГ. Мне это удалось.... я как то упустил из виду сообщить, что за это время переехал в Советский Союз мой брат.

ВИШНИНСКИЙ. Прорыв у вас здесь получился. Пауль Ольберг приехал в качестве кого?

ОЛЬБЕРГ. Каковы были задания Тукалевского, данные ему, мне неизвестно.

ВИШНИНСКИЙ. Я вас спрашиваю не об этом. Я спрашиваю в качестве кого приехал сюда ваш брат?

ОЛЬБЕРГ. Я рекомендовал ему поехать в Советский Союз, чтобы он помог мне закрепиться в Советском Союзе.

ВИШНИНСКИЙ. Кто его послал?

ОЛЬБЕРГ. Я.

ВЫШИНСКИЙ: Кто его сюда послал.

ОЛЬБЕРГ: Я.

ВЫШИНСКИЙ: Вы послали его сюда для того, чтобы он помог Вам закрепиться.

ОЛЬБЕРГ: Правильно.

ВЫШИНСКИЙ: Почему он должен был Вам помогать в закреплении.

ОЛЬБЕРГ: Бывает легче, если ктонибудь подготовит подходящую почву.

ВЫШИНСКИЙ: Вы с ним равны по профессии.

ОЛЬБЕРГ: Нет, он инженер, и ему было легче устроиться.

ВЫШИНСКИЙ: Ваш брат приехал не с фальшивым документом.

ОЛЬБЕРГ: Нет, у него были настоящие документы, во всяком случае не такие как у меня мифические бумажки.

ВЫШИНСКИЙ: Значит Ваш брат приехал в СССР по его настоящему германскому паспорту и, как инженер, мог легче здесь закрепиться.

ОЛЬБЕРГ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: ~~ПРИМАНОВСКИЙ~~ Ваш брат имел какое либо отношение к Эстапо.

ОЛЬБЕРГ: Он был агентом ТУКАЛЕВСКОГО.

ВЫШИНСКИЙ: Ваш брат был агентом полиции.

ОЛЬБЕРГ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Вы его прислали сюда и он Вам помог устроиться.

ОЛЬБЕРГ: ~~ПРИМАНОВ~~ Да, это дало мне облегчение, мне удалось через брата получить здесь право на жительство.

ВЫШИНСКИЙ: Вы перед тем, как приехать в СССР в третий раз, виделись с СЕДОВЫМ.

ОЛЬБЕРГ: Я с ним только переписывался.

ВЫШИНСКИЙ: Что Вы ему писали.

ОЛЬБЕРГ: Я описал ему свою неудачу и советовался с ним относительно поездки во Францию.

ВЫШИНСКИЙ: Как отнесся к этому СЕДОВ.

ОЛЬБЕРГ: Он мне ответил, что хотя второй раз мне не удалось, но все-же нужно попытаться в третий раз и я с ним согласился.

ВЫШИНСКИЙ: Когда у Вас был с СЕДОВИМ разговор о том, что нельзя допускать компромети^изации троцкистской организации.

ОЛЬБЕРГ: Это было во вторую мою поездку.

ВЫШИНСКИЙ: Что он Вам говорил.

ОЛЬБЕРГ: Он говорил, если я буду арестован органами Государственной безопасности СССР, то чтобы я не в коем случае не говорил о том, что этот я террористический акт выполняется по поручению Троцкого и чтобы я всячески старался скрыть роль Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ: На кого же он рекомендовал Вам сваливать организацию этого теракта.

ОЛЬБЕРГ: На белогвардейцев, на ЭСТАНО.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы для какой цели сюда приехали.

ОЛЬБЕРГ: Я приехал сюда для совершения теракта.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно, можно так сказать - Вы, Валентин Ольберг, будучи связан с Троцким, через его сына Седова, по непосредственному поручению Троцкого, через Седова, были направлены в СССР в качестве агента Троцкого для подготовки и совершения террористического акта против тов. СТАЛИНА.

ОЛЬБЕРГ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Причем, для успешности проведения этой работы, Вы были связаны, через своего брата, с германской полицией.

ОЛЬБЕРГ: Да, это так.

БЫЛИНСКИЙ: Но два агента.

ОЛЬБЕРГ: Три. Бендер последний, который связал с Лукисом генеральным консулом не является агентом.

БЫЛИНСКИЙ: Во всяком случае вы уверены, что таким агентом является Тукаревский и агентом Тукаревского является ваш брат.

ОЛЬБЕРГ: Я знаю со слов обоих.

БЫЛИНСКИЙ: Значит правильно рассматривать вас как террориста, посланного Троцким для совершения террористического акта.

ОЛЬБЕРГ: Совершенно верно.

БЫЛИНСКИЙ: Расскажите теперь о том, как вы готовили террористический акт.

ОЛЬБЕРГ: Приехав в Горький и познакомившись с членами троцкистской группы, я увидел, что у них имеется ярко выраженная антисоветская настроенность и огромная озлобленность против Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: От кого вы получили явку к Елину в Горьком. Кто был Елин.

ОЛЬБЕРГ: Он был в Горьком секретарем, в Федоров был директором Института.

БЫЛИНСКИЙ: Значит Елин и Федоров вас устроили в институт. Елин знал, что вы приехали по поручению Троцкого.

ОЛЬБЕРГ: Да, конечно. У меня сложилось впечатление, что Елин знал о моем приезде.

БЫЛИНСКИЙ: Вам было чтонибудь известно, когда вы направлялись в СССР, что в СССР был троцкистско-зиновьевский центр.

ОЛЬБЕРГ: Мне было известно еще в 1931 году, что существует в глубоком подполье СССР троцкистская организация из руководящих работников. эту организацию Седов называл: Смирнова, Мрачковского, он говорил, что и Сафонова связана с троцкистским центром. Затем мне было известно о двух моментах связи Троц-

цкого или вернее сына Троцкого Льва Седова с этим центром. Несомненно, что у него было несколько каналов, по которым он имел ^{Горовица} связь с троцкистами в СССР. Он мне говорил о Смирнове, и других.

ВЫШИНСКИЙ: Значит вам называл Седов Смирнова, Мрачковского и Сафонову.

ОЛЬБЕРГ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: О Бакаеве была речь.

ОЛЬБЕРГ: О Бакаеве отзывался Седов как о человеке, настроенном чрезвычайно террористически.

ВЫШИНСКИЙ: Тоже как о троцкисте.

ОЛЬБЕРГ: Во многих беседах, имевших место с ним Седов говорил, что разница между ним и зинovieвцами небольшая и что не стоит распылять силы и мы не рассматриваем их как две организации.

ВЫШИНСКИЙ: Речь идет не об организации, а о человеке.

ОЛЬБЕРГ: Мне известно, что Бакаев был настроен террористически. Был ли он членом центра мне неизвестно.

ВЫШИНСКИЙ: Дальше. Теперь вернемся к вашей практической террористической деятельности. Значит вы приехали в Горький и устроились в Педагогическом институте.

ОЛЬБЕРГ: Установил связь с Федоровым и сказал Федорову, что необходимо приступить к организации боевых дружин. Он ответил, что это сделано до моего приезда в сильной степени. До моего приезда она была организована Пономаревым.

ВЫШИНСКИЙ: Меня интересует не имена, а факты. Расскажите о том, как вы участвовали в осуществлении террористического акта.

ОЛЬБЕРГ: - Я наметил план покушения, распределил фундари среди горьковских троцкистов, а также среди некоторых московских троцкистов и заручился согласием почти всех на участие в этом покушении.

ВЫЛИНСКИЙ: - План был какой.

ОЛЬБЕРГ: - План был таков: я предполагал осуществить это покушение 1-го мая 1936 г. в Москве, во время демонстрации на Красной площади. Мне казалось первоначально, что проникнуть на Красную площадь группе террористов во время демонстрации очень легко, что это не связано ни с какими трудностями. Но меня информировали, что это не так, что попасть на Красную площадь чрезвычайно трудно. Поэтому мною и ~~РЕДЮКОВЫМ~~ был выработан следующий план: мы направляем группу боевиков, возглавляемую КАТАЛ. . . . в Москву за несколько дней до 1-го мая, причем ~~РЕДЮКОВ~~, как директор педагогического института, дает этой группе письмо в Московский педагогический институт им. Бубнова, в котором указывает, что податели письма - отличники, которые награждены за отличную учебу посылкой в Москву на демонстрацию, и он просит, чтобы им дали возможность участвовать с демонстрацией в рядах Бубновского института. В самом Бубновском институте было два троцкиста, связанных с Горьким - ВОЧАРОВ и ЛЕОНТЬЕВ; предполагалось, что они помогут этому делу, т.е. что они расставят горьковских террористов так, чтобы они смогли метать бомбы и осуществить террористический акт (и мне, и ~~РЕДЮКОВУ~~ было ясно, что револьверными выстрелами осуществить план было невозможно).

ВЫЛИНСКИЙ: - Были приняты практические меры к изготовлению этих бомб.

ОЛЬБЕРГ: - МАСЛЕННИКОВ, участник группы, достал оболочки, было подготовлено 5 оболочек. Эти оболочки должны были быть на-

чинены. Предполагалось, что они будут направлены за несколько дней до демонстрации в Москву.

ВЫШИНСКИЙ: - Начинать предполагалось в Горьком или в Москве.

ОЛЬБЕРГ: - Я сам в химических веществах не разбираюсь, и когда меня СЕДОВ спросил за несколько недель, не пора ли отправить, я ему ответил, что рановато. Но предполагалось начинить бомбы за несколько дней до демонстрации в Горьком или в Москве - это записано исключительно от химика, т.е. от МАСЛЕННИКОВА.

ВЫШИНСКИЙ: - Что помешало осуществлению этого плана.

ОЛЬБЕРГ: - Арест.

ВЫШИНСКИЙ: - Вы были арестованы и ряд других.

ОЛЬБЕРГ: - Об аресте других мне ничего неизвестно, я знаю только о своем собственном аресте.

ВЫШИНСКИЙ: - О своем собственном Вы, конечно, знали.

ОЛЬБЕРГ: - Надо полагать.

ВЫШИНСКИЙ: - Вы сообщали СЕДОВУ о ходе Вашей подготовки этого террористического акта.

ОЛЬБЕРГ: - Да, я писал несколько раз в Берлин и вместе с тем я получал также подтверждения.

ВЫШИНСКИЙ: - Как Вы писали, через кого?

ОЛЬБЕРГ: - Я писал в адрес Слоновиц, которая, в свою очередь, должна была переправить дальше.

ВЫШИНСКИЙ - Как вы писали ей ?

ОЛЬБЕРГ - Я ей писал по ее адресу в Берлин.

ВЫШИНСКИЙ - При помощи шифра ?

ОЛЬБЕРГ - Нет, разумеется, никаким шифром не пользовался. Но, конечно, в письмах писали иносказательно. Писали условными словами, понятными мне и тому кому предназначалось письмо.

ВЫШИНСКИЙ - Получили ответ ?

ОЛЬБЕРГ - Перед моим отъездом, между мной и берлинскими троцкистами было условлено, что если Лев Седов захочет дать добавления или какие нибудь новые инструкции от Льва Давидовича, то в Советский Союз будет послан троцкист РОБЕН. Действительно, как я потом узнал троцкист Робен был послан в 1935 году. Ему было дано поручение ^{посетить} ~~посетить~~ меня в Горьком и одновременно посетить ряд троцкистов в Москве и Ленинграде. Но он, видимо испугавшись чего-то проехал Москву и Ленинград, никого не посетив, не был и у меня в Горьком. Я получил от Седовиц письмо в котором она писала, что Робен ^{СССР туристом и вернулся в Берлин} ~~проехал и писала, что наш общий друг настаивает на том, чтобы дипломная работа была сдана к 1 мая.~~

ВЫШИНСКИЙ - Дипломная работа - это что ?

ОЛЬБЕРГ - Это убийство Сталина.

ВЫШИНСКИЙ - А старый друг - это кто ?

ОЛЬБЕРГ - Старый друг - это Лев Троцкий.

ВЫШИНСКИЙ - Последний вопрос, какими мотивами вы руководствовались принимая на себя такое поручение Троцкого, как теракт и отправившись для совершения его в Советский Союз ?

ОЛЬБЕРГ - Я уже говорил, что я был активным троцкистом. Я несу полную ответственность за контр-революционную деятельность за границей. Я был эмиссаром Троцкого за границей. Я считал, что убийство Сталина политически правильно. В моих встречах с Седовым мы говорили о том, насколько совместима тактика терроризма с учением Маркса, мы считали себя учениками Маркса. Седов говорил, что учение Маркса - есть не догма, а руководство к действию, что вопрос индивидуального террора, не есть индивидуальный, а тактический вопрос, который необходимо решать в зависимости от особенно-

w3
387
212

стей момента и что основным моментом была политическая целесообразность. В одном из разговоров Седов привел место из книги Троцкого "Терроризм и Марксизм", что выведенные из себя массы действуют поленом, огнем и дубиной.

ВЫШИНСКИЙ - А у вас массы были ?

ОЛЬБЕРГ - Если масс нет, их надо заменить.

ВЫШИНСКИЙ - Вы были призваны изображать собой массы ?

ОЛЬБЕРГ - Не изображать, а заменить.

ВЫШИНСКИЙ - Заменить массы нельзя.

ОЛЬБЕРГ - Да мы в этом теперь убедились.

ВЫШИНСКИЙ - Вопросов у меня больше нет.

ОЛЬБЕРГ - Я хочу рассказать еще, что мне известно по подготовке террористических актов в некоторых других городах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - От кого вам это известно ?

ОЛЬБЕРГ - Еще за границей я узнал, что в Ленинград направлена группа троцкистов: Гуревич, Быков и друг., с ними должен была держать связь Фридман, но я так до сих пор и не знаю, была эта связь осуществлена или нет. Эта группа троцкистов была направлена для террористических целей. Уже позже мне стало известно о том, что это письмо о том, что дипломная работа должна быть сдана к 1 мая, было адресовано также в Ленинград.

ВЫШИНСКИЙ - т.е. иначе говоря, готовили террористические акты в Ленинграде ?

ОЛЬБЕРГ - Да, готовилось убийство Сталина в Москве, Жданова в Ленинграде и одновременно в Харькове готовили теракт на Постышева и Коссиора.

Из участников этой харьковской группы я знаю, что не все участники этой троцкистской группы присутствовали на этом процессе. Я знаю о Сиковском и профессоре Михине. Мне это известно со слов Федотова, который держал регулярную связь с ними.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какая у вас была связь с Розенблумом из Минска?

ОЛЬБЕРГ: Троцкистская связь. Я переписывался с ним давно, он мой родственник. В 1933 году я намеревался посетить его и передал ему через Ароштама, чтобы он связался с Ленцнером. Мне было известно, что он в Белорусский. Осуществил ли Розенблум эту директиву, я не знаю. В 1935 году во время последнего моего приезда в Советский Союз я встретился с Розенблумом. Розенблум сообщил мне, что связь с Ленцнером он осуществил и совершил с Ленцнером поездку троцкистско-контрреволюционного характера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что Вам известно о троцкисте Алине?

ОЛЬБЕРГ: Мне известно, что он имел какую-то связь с моим братом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Был вопрос вам на очной ставке: кто вам известно из агентов ГЕСТАПО, и был ответ, что мне известен Алин, проживающий в Москве.

Вам известно, какие обязанности выполнял ваш брат, проживающий в Советском Союзе?

ОЛЬБЕРГ: Я точно не информирован, что поручил Тукалевский, но насколько я помню, поручение террористического характера.

ВЫШИНСКИЙ: Почему вы думаете, что поручение было террористического характера?

В том же XXIV, стр. 231 имеется показание П. Ольберга, который подтверждает это обстоятельство.

ОЛЬБЕРГ: Я его не отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ: Поскольку он не вызван свидетелем, я обращаю внимание суда на том XXIV, стр. 231 - очная ставка между В. и П. ОЛЬБЕРГ.

ОЛЬБЕРГ: Я подтвердил все показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы лично встречались с братом?

ОЛЬБЕРГ: В Горьком часто.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое содействие он Вам оказал в Советском Союзе.

ОЛЬБЕРГ: Он мне помог осесть, т.е. помог советскими деньгами, в формальном отношении, чтобы я получил вид на жительство. Вот его помощь, которую он мне оказал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Известно-ли вам, что П.Ольберг, проживая на территории Союза, был связан с ГЕСТАПО?

ОЛЬБЕРГ: Он мне говорил, что он имел связь с германск. консульством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я говорю об агентах ГЕСТАПО.

ОЛЬБЕРГ: Да, он мне говорил. Еще живя в Берлине, я слышал, что, если мне понадобится, я могу обратиться к моему брату.

Лично я предполагал эту помощь использовать в том случае, если бы понадобилась переправка совершивших террористические акты троцкистов за границу, так как сотрудник ГЕСТАПА обещал мне убежище для них в том случае, если бы понадобилось скрыть их из Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы лично не встречались в Советском Союзе с Ареном, отцом или сыном?

ОЛЬБЕРГ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но фамилию Арен слышали?

ОЛЬБЕРГ. Да, от брата. Она связывалась с именем моего брата.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В ваших показаниях говорится о том, что Арен говорил мне, что он и отец были долгое время за границей, и что Арен является решительным врагом советского строя, готовым в любую минуту принять участие в террористическом акте.

ОЛЬБЕРГ. да, совершенно верно, я это подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Берман-Фрин, вы знаете Арена?

БЕРМАН-ФРИН. Да, младшего, старшего не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Револьвер для совершения террористического акта на конгрессе Коминтерна вы получили от Арена младшего?

БЕРМАН-ФРИН. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Фриц Давид, вам фамилия Арен, отца и сына, известна.

ФРИЦ ДАВИД. Мне о нем говорил Берман-Фрин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Говорил как о троцкисте или агенте германской полиции?

ФРИЦ ДАВИД. Он говорил только, что взял у него револьвер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Для какой цели?

ФРИЦ ДАВИД. Для совершения террористического акта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А откуда у Арена был револьвер, вам неизвестно?

ФРИЦ ДАВИД. Я не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А, вы Берман-Фрин, откуда у Арен револьвер, знаете?

БЕРМАН-ФРИН. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Арен дал вам револьвер, как только вы попросили?

БЕРМАН-ФРИН. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы Арена младшего хорошо знаете?

БЕРМАН-ФРИН. Знаю по Берлину.

Берман - Юрин

стр 391 - 415

20 VII 1949

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А в Берлине в качестве кого он выступал, троцкиста или агента германской полиции, или по совместительству?

БЕРМАН-ЮРИН. Я не знал его как троцкиста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как вы в Москве с ним столкнулись?

БЕРМАН-ЮРИН. Я встретил его в кафе "Москва".

ВИШНИНСКИЙ. Почему же вы узнали, что это Арен?

БЕРМАН-ЮРИН. Мы с ним встретились случайно. Я знал его по Берлину.

ВИШНИНСКИЙ. Вы достаточно близко были с ним знакомы?

БЕРМАН-ЮРИН. Да.

ВИШНИНСКИЙ. Много лет?

БЕРМАН-ЮРИН. Да, приблизительно с 1927-28 г.

ВИШНИНСКИЙ. А вы знали, зачем он приехал сюда?

БЕРМАН-ЮРИН. Нет, я этого не знал.

ВИШНИНСКИЙ. И не спрашивали его об этом?

БЕРМАН-ЮРИН. Я сказал, что это была случайная встреча.

ВИШНИНСКИЙ. Что же вы встретили его и сразу сказали: давай револьвер?

БЕРМАН-ЮРИН. Я спросил его, есть ли у него револьвер, сказав, что мне нужно по делам газеты выехать в область и я хотел бы иметь револьвер.

ВИШНИНСКИЙ. Вы ничего не говорили ему о своих целях?

БЕРМАН-ЮРИН. Ничего.

ВИШНИНСКИЙ. Просто по старой дружбе хотели получить в пользование револьвер?

БЕРМАН-ЮРИН. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопросов больше нет.

ВИШНИНСКИЙ. Потом можно будет выяснить, когда будем допрашивать его. Я хочу обратить внимание суда на то, что в связи с заявлением Ольберга, в котором он говорил о том, что в "Бюллетене" оппозиции от марта 1932 г. в № 27, было опубликовано открытое письмо Троцкого Президиуму ЦИК Союза, в котором содержится на одной из последних страниц, вот это требование Троцкого - убить Сталина, я хочу обратить внимание суда на то, что этот номер "Бюллетеня" был изъят при обыске и аресте у Гольцмана.

Гольцман, вы подтверждаете это.

ГОЛЬЦМАН. Да, у меня изъят несколько номеров.

ВЫШИНСКИЙ. Они были на видном месте?

ГОЛЫМАН. В чемодане.

ВЫШИНСКИЙ. Заделанные в потайном месте чемодана.

w3
393
219

ВЫШИНСКИЙ: Где был обнаружен у Вас при обыске вот этот билетень.

~~ВЫШИНСКИЙ:~~

ГОЛЬЦМАН: Он был заделан в чемодане.

ВЫШИНСКИЙ: Как он там был заделан.

ГОЛЬЦМАН: В этом чемодане отыскивалась подкладка.

ВЫШИНСКИЙ: Этот самый номер там и лежал у Вас.

ГОЛЬЦМАН: Я не знаю, у меня там их был не один номер, а несколько.

ВЫШИНСКИЙ: Прошу пред"явить этот билетень ГОЛЬЦМАНУ и пусть он скажет был ли у него этот номер билета, при чем должен пояснить суду, что на этом билете имеется подпись "обнаружено у меня . Гольцман".

ГОЛЬЦМАНУ ПРЕД"ЯВЛЯЮТ БИЛЕТЕНЬ.

ГОЛЬЦМАН: Да, этот билетень был обнаружен у меня.

ВЫШИНСКИЙ: Вопросов у меня больше нет.

УЛЬРИХ: У подсудимых есть вопросы к ОЛЬБЕРГУ. (спрашивает дважды).

ВЫШИНСКИЙ: Разрешите мне еще один раз вопрос к ГОЛЬЦМАНУ.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый ГОЛЬЦМАН, Вы когда привезли этот билетень.

ГОЛЬЦМАН: в 1932 году.

ВЫШИНСКИЙ: А из"яли у Вас его когда.

ГОЛЬЦМАН: При моем аресте, в 1936 году.

ВЫШИНСКИЙ: 4 года хранили билетень Троцкого, в котором говорится относительно убийства Сталина.

ГОЛЬЦМАН: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Вопросов больше нет.

УЛЬРИХ: Подсудимый ОЛЬБЕРГ, я не понял основной цели Вашей поездки - это была подготовка акта или разведка.

ОЛЬБЕРГ: Цель моей поездки заключалась в подготовке, но так как мне не удалось закрепиться в СССР, поэтому

W 3
344
220

HT/ЛК

- 76 -

УЛЬРИХ: А вторая поездка.

ОЛЬБЕРГ: Цель второй поездки та же самая - подготовка теракта.

УЛЬРИХ: Деньги на поездки от кого Вы получали.

ОЛЬБЕРГ: Расходы покрывались Троцкистской организацией, точнее
СЕДОВИМ.

УЛЬРИХ: Лично.

ОЛЬБЕРГ: Я не знаю, но должен сказать, что деньги эти выдавались
не из личного кармана СЕДОВА.

УЛЬРИХ: А от ЭСТАНО Вы получали какую нибудь помощь денежную.

ОЛЬБЕРГ: Кроме паспорта - нет.

УЛЬРИХ: Во время Вашего пребывания в Советском Союзе Вы часто
встречались со своим братом.

ОЛЬБЕРГ: Когда я с ним жил в одном городе (Горьком), мы с ним
встречались еженедельно, а иногда даже чаще.

УЛЬРИХ: БЕРМАН-ЭРИН, расскажите, какое задание Вы получили за
границей перед Вашей поездкой в Советский Союз?

БЕРМАН-ЭРИН: Я получил задание от ТРОЦКОГО поехать в Советский Союз
для совершения террористического акта против Сталина.

УЛЬРИХ: В каких условиях и в какой обстановке Вы получили это за-
дание.

Я был лично у Троцкого в Копенгагене в 1932 году в ноябре месяце. Мне встречу устроил Седов.

ВЛИНСКИЙ: Может быть вы раньше скажете, как и вообще оказались знакомы с Троцким, с вашей троцкистской деятельностью.

БЕРМАН-РИН: Моя троцкистская деятельность датируется с 1931 года в Берлине.

ВЛИНСКИЙ: А до этого.

БЕРМАН-РИН: До этого я троцкистской деятельностью не занимался.

ВЛИНСКИЙ: Но вы говорите, что троцкистская деятельность датируется с 1931 года в Берлине.

БЕРМАН-РИН: Я все время жил в Берлине.

ВЛИНСКИЙ: Чем вы там занимались.

БЕРМАН-РИН: Литературным трудом.

ВЛИНСКИЙ: В 1933 году вы примкнули к троцкистам.

БЕРМАН-РИН: В основном я связался с Гурелевичем одним из руководителей германских троцкистов. По его заданию я всю троцкистскую работу в Берлине вел и в сентябре также Гурелевич связал меня с Седовым.

ВЛИНСКИЙ: В 1931 году.

БЕРМАН-РИН: Да, с Седовым у меня был ряд бесед, при чем Седов систематически старался меня убедить и убедил в том, что вопрос германской политики о переходе на троцкистскую позицию совершился из-за разногласия с ЦК КП Германии, что вопросы ЦК КПГ решаются не в Берлине, а в Москве Сталиным, и поэтому борьба с коммунистической партией есть борьба со Сталиным. С Седовым Гурелевич связал меня в 1931 г. в ноябре. В конце того же года меня вызвал Седов и спросил, нет ли у меня для важного поручения, связанного с поездкой в Москву, для поручения от Троцкого надежного верного человека нашего. Я ему назвал одного из людей, с которыми я был связан - Альфреда Кунда, которого я знал за крепкого троцкиста.

ВЫШИНСКИЙ: Откуда мы знали его как крепкого троцкиста.

БЕРМАН-РИН: Я знал еще в 1925 году, но я должен был предварительно с Альфредом Кунда переговорить. Я переговорил с ним и он изъявил согласие. Я об этом сообщил Седову, тогда Седов попросил меня тщательно проинструктировать Кунда, при чем дело сводилось к следующему: им нужно было ^{отправить} их ~~их~~ в Москву по определенной явке, которую я получил от Гуреловича документы от Троцкого, при чем самые важные документы - о задачах террористического подполья в СССР, директива Троцкого. Нужно было тщательно эти документы спрятать, помочь Кунду, дать ему инструкцию. Он должен связаться лично со Смирновым и передать ему эти документы. Если же Смирнов, заявил мне Седов в Москве не окажется, в Москве его не разыщет, он должен эти документы уничтожить.

ВЫШИНСКИЙ: С каким Смирновым.

БЕРМАН-РИН: С Иваном Игнатьевичем.

ВЫШИНСКИЙ: Он так называл.

БЕРМАН-РИН: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Дальше.

БЕРМАН-РИН: Седов меня предупредил, что эти документы не занимают много места, их легко будет спрятать, что он сам напишет мелким почерком.

... на небольшом куске папиросной бумаге. КУНТ должен, по возможности, осесть в Москве и оставить свой адрес на явочной квартире на тот случай, если он понадобится СМЕРНОВУ; и самому ему надо связаться, создать группу из германских или вообще иностранных эмигрантов, избегать более тесных связей с советскими гражданами, т.к. он языка и условий не знает и может провалиться. От ГРИНВИЧА я получил два документа и 800 марок для поездки, получил я также адрес явочной квартиры (где-то на Арбате, номера не помню), получил пароль и берлинский адрес для переписки КУНТА с ГРИНВИЧЕМ. Я все это передал КУНТУ. Один документ касался новейших установок ТРОЦКОГО о международном положении, преимущественно и специально о Германии. Второй документ я очень внимательно прочитал, потому что для меня там было все ново, — это было написано рукой СЕДОРА — директивные установки ТРОЦКОГО относительно задач троцкистского подполья в СССР. Содержание этого документа: там говорилось, что надо готовиться к переходу на решительные, крайние методы борьбы, нужно подбирать под этим углом зрения людей; людей реальных, которые согласны с этими установками, надо тщательно подбирать, группировать, с людьми же колебавшимися, несогласными с этими установками — надо бороться. Особое внимание, — говорилось в этом письме, — надо обратить на троцкистов — членов ВКП(б), которые в рядах партии не скомпрометированы, как троцкисты. Далее указывалось, что организацию надо строить по принципу строжайшей конспирации, маленькими группами, между собой не связанными, дабы предотвратить при про-

вале одной группы провал части или целой организации. КУНТ уехал в Москву в январе-феврале 1932 г. Через несколько дней мне ГРИНВИЧ сообщил, что он получил письмо, где КУНТ сообщает, что он был на явочно³ квартире, передал документ, получил ответ, как онло условлено, но СМЕРНОВА в Москве не оказалось, вследствие чего он документ уничтожил. Летом 1932 г. ГРИНВИЧ при одной из встреч мне сообщил, что он получил второе письмо от КУНТА, где он писал, что он устроился где-то вблизи Москвы, что имеются успехи в его работе, что дела идут хорошо.

БЕРМАН-ЮРИН - Это все что мне Гриливец сообщил. В ноябре 1932 года у меня была встреча с Седовым, которая мне запомнилась потому, что Седов со мной впервые во время этой встречи заговорил откровенно о необходимости вести террористическую борьбу о необходимости подготовить убийство вождей ВКП/б/. Причем Седов опять таки сослался и все время подчеркивал, что это не его личное мнение, а установка, директива Л.Д.Троцкого. И хочу подчеркнуть, что уже то письмо, которое было переотправлено в Москву через Кунта и о котором я только что давал показания, что это письмо, хотя оно еще не говорило открыто о терроре, но для меня было ясно, что над решительностью и обостренными методами скрываются какие-то другие формы борьбы троцкистов против партии. Я в беседе с Гриливецом намекал один-два раза, что это так е, чтобы он расшифровал, не дипломатничал в своем кругу. По моему это дошло до Седова. Я в 1932 году хотя и не задумывался над этими вопросами, но они как-то для меня не были конкретны и я колебался, тем более, что в такой совершенно ясной форме у меня бесед, до беседы с Седовым, в ноябре, еще не было. Седов очевидно мое колебание заметил и тогда мне говорит, что в ближайшее время Троцкий будет в Копенгагене, не хочу ли я поехать в Копенгаген, встретиться с Троцким. Я, конечно, выразил согласие. Седов ~~полностью~~ назначил мне встречу через несколько дней и сказал, что он даст мне ответ. Встреча состоялась и Седов сказал, чтобы я в этот же день вечером был готов к отъезду в Копенгаген. Вечером мы встретились, он дал мне билет и я уехал в Копенгаген с вокзала Лехтенбарх (?). Седов меня предупредил, что на вокзале меня встретит Гриливец, отвезет к Троцкому. Так и случилось. Прибыв рано утром в Копенгаген, меня встретил Гриливец и мы поехали к Троцкому. Утром, это было в конце ноября, 25-28 ноября 1932 года, меня Гриливец представил Троцкому, сам ~~ушел~~ ушел, и мы остались с Троцким одни в комнате.

ВЫШИНСКИЙ - Когда вы были в Копенгагене ?

БЕРМАН-ЮРИН - Что ?

ВЫШИНСКИЙ - Когда вы приехали в Копенгаген ?

БЕРМАН-ЮРИН - Кого ?

ВЫШИНСКИЙ - Я спрашиваю, когда вы были в Копенгагене, назовите даты ?

БЕРМАН-ЮРИН - Я прибыл в конце ноября между 25 и 28 числом.

ВЫШИНСКИЙ - А на предварительном следствии вы раньше показывали другие даты. Говорили о марте м-це 1932 года.

БЕРМАН-ЮРИН - Я должен сказать, что я на предварительном следствии 1 августа давал в общем показания правильные, но сообщил неправильные даты, потому что в тот момент, это было глупо, конечно, но в тот момент я подумал, что может быть на этом мне удастся выехать впоследствии.

ВЫШИНСКИЙ - Только даты у вас неправильные ? Вы раньше показывали, что вы уезжали, или вернее отъезжали из Берлина в Копенгаген с вокзала "Лектенбарх" (?), а в действительности ?

БЕРМАН-ЮРИН - В действительности с вокзала "Штетинтах" (?). Но о вокзале я спутал, а даты я дал неправильные.

ВЫШИНСКИЙ - О вокзале вы спутали, а время приезда дали неправильно сознательно, умышленно ?

БЕРМАН-ЮРИН - Да.

43
402
228

кого? Почему вы так думали?

БЕРМАН-ОРИН: Это не продумал.

ВЫШИНСКИЙ: Не потому ли, что у вас была установка вообще отрекаться? А у вас была такая установка?

БЕРМАН-ОРИН: Да, конечно. Я вначале вел борьбу.

ВЫШИНСКИЙ: Вы так действовали по своей инициативе или такая установка была у Троцкого? Что вам говорил Троцкий?

БЕРМАН-ОРИН: Ни в коем случае не говорить о моей встрече с ним, ни в коем случае не говорить о его террористических заданиях.

ВЫШИНСКИЙ: Может быть это повлияло на то, что вы это выдумали?

БЕРМАН-ОРИН: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Значит, вы это выдумали, извращая отдельные факты в целях выполнения указаний Троцкого?

БЕРМАН-ОРИН: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Дальше.

БЕРМАН-ОРИН: Я должен перейти к сообщению разговора с Троцким. У меня было с ним два свидания. Он прежде всего стал меня прощупывать в отношении моей работы в прошлом, спрашивал меня, почему я перешел на позицию троцкизма, задавал вопросы о положении в Германии. Я говорил, критикуя практику германской компартии. Спрашивал о настроениях в массах компартии в связи с приходом правительства Папена, со снятием социал-демократического правительства Брауна. Я его информировал очень подробно и сказал ему в этой связи, что нынешнее руководство германской компартии не в состоянии справиться с задачей.

... что это руководство ведет партию к банкротству.

ВЫШИНСКИЙ. Что говорилось о советских делах?

БЕРМАН-БРИН. Троцкий на этом меня прервал и сразу перевел разговор на советские дела. Он сказал, что нельзя ставить вопрос о германской компартии изолированно, вне связи с ВКП(б).

ВЫШИНСКИЙ. Что он говорил о советских делах?

БЕРМАН-БРИН. Он говорил: вопрос нужно поставить так, чтобы повести борьбу против руководства ВКП(б), что основной вопрос — это вопрос о Сталине. Он говорил, что в Советском Союзе существует большое недовольство в массах.

ВЫШИНСКИЙ. Это он вас так агитировал?

БЕРМАН-БРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Какие он предлагал практические меры?

БЕРМАН-БРИН. И все по порядку расскажу.

ВЫШИНСКИЙ. Что то вы очень долго к этому подходите.

БЕРМАН-БРИН. Троцкий далее говорил, что все это настолько оковано Сталиным, что Сталина нужно физически уничтожить.

ВЫШИНСКИЙ. Значит Троцкий прямо и категорически заявлял о необходимости террористического акта...

БЕРМАН-БРИН. Против Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. Так. Аргументируя это по своему, своими соображениями?

БЕРМАН-БРИН. да. Дальше он говорил о том, что другие методы борьбы сейчас недействительны, что для этого необходимы люди, которые решились бы на все, которые бы пошли бы на самопожертвование ради этого, как он выразился исторической задачи. Троцкий в этой связи говорил также...

ВЫШИНСКИЙ. В этот день у вас было две беседы с Троцким?

БЕРМАН-БРИН. да.

ВЫШИНСКИЙ. На чем кончилась эта первая беседа?

БЕРМАН-БРИН. Троцкий был вызван и мы эту беседу не кончили.

ВЫШИНСКИЙ. Через сколько времени он вернулся?

БЕРМАН-БРИН. Он вернулся к вечеру.

ВЫШИНСКИЙ. А вы где находились?

БЕРМАН-БРИН. Я оставался у него в комнате.

ВЫШИНСКИЙ. У него большая квартира?

... что это руководство ведет партию к банкротству.

ВЫШИНСКИЙ. Что говорилось о советских делах?

БЕРМАН-БРИН. Троцкий на этом меня прервал и сразу перевел разговор на советские дела. Он сказал, что нельзя ставить вопрос о германской компартии изолированно, вне связи с ВКП(б).

ВЫШИНСКИЙ. Что он говорил о советских делах?

БЕРМАН-БРИН. Он говорил: вопрос нужно поставить так, чтобы повести борьбу против руководства ВКП(б), что основной вопрос — это вопрос о Сталине. Он говорил, что в Советском Союзе существует большое недовольство в массах.

ВЫШИНСКИЙ. Это он вас так агитировал?

БЕРМАН-БРИН. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Какие он предлагал практические меры?

БЕРМАН-БРИН. И все по порядку расскажу.

ВЫШИНСКИЙ. Что то вы очень долго к этому подходите.

БЕРМАН-БРИН. Троцкий далее говорил, что все это настолько оковано Сталиным, что Сталина нужно физически уничтожить.

ВЫШИНСКИЙ. Значит Троцкий прямо и категорически заявлял о необходимости террористического акта...

БЕРМАН-БРИН. Против Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. Так. Аргументируя это по своему, своими соображениями?

БЕРМАН-БРИН. да. Дальше он говорил о том, что другие методы борьбы сейчас недействительны, что для этого необходимы люди, которые решились бы на все, которые бы пошли бы на самопожертвование ради этого, как он выразился исторической задачи. Троцкий в этой связи говорил также...

ВЫШИНСКИЙ. В этот день у вас было две беседы с Троцким?

БЕРМАН-БРИН. да.

ВЫШИНСКИЙ. На чем кончилась эта первая беседа?

БЕРМАН-БРИН. Троцкий был вызван и мы эту беседу не кончили.

ВЫШИНСКИЙ. Через сколько времени он вернулся?

БЕРМАН-БРИН. Он вернулся к вечеру.

ВЫШИНСКИЙ. А вы где находились?

БЕРМАН-БРИН. Я оставался у него в комнате.

ВЫШИНСКИЙ. У него большая квартира?

БЕРМАН-РИН. Я не знаю, я был в комнате на втором этаже.

ВЫШИНСКИЙ. Одним словом, вам была предоставлена возможность по-
докладать его там?

БЕРМАН-РИН. Да. Вечером мы продолжали наш разговор. И задал ему
вопрос, как согласовать, как сочетается индивидуальный террор с марксиз-
мом. Троцкий на это заявил мне следующее: нельзя к вопросам подходить
догматически, он сказал, что в Советском Союзе создалась такая ситуация,
которой Маркс не мог предвидеть (~~оживление в зале~~ - смех).

Он говорил следующее, что при наличии сталинского режима, как
он выразился, который задавил всякое проявление протеста и оппозиции,
достаточно убить Сталина для того, чтобы коренным образом изменить соот-
ношение сил в стране. Именно поэтому центральной, решающей, все опре-
деляющей задачей он считал совершение террористического акта против
Сталина.

Троцкий сказал еще, что кроме Сталина нужно убить также Кагано-
вича и Ворошилова. Он сказал, что есть опасность, что если Сталин бу-
дет уничтожен, Каганович возьмет в свои руки руководство и поведет ста-
линскую линию, будет ее продолжать. ~~О Ворошилове Троцкий сказал, что~~
~~ему создана....~~

ВЫШИНСКИЙ. Он говорил также о необходимости убить т. Ворошило-
ва?

БЕРМАН-РИН. Да, я об этом сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Еще о комнибудь говорил?

БЕРМАН-РИН. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Кроме вопросов террористического вопроса, какие он
затрагивал еще вопросы?

БЕРМАН-РИН. Он говорил о своих взглядах на положение вещей
в случае интервенции против Советского Союза. Он занимал совершенно
ясную пораженческую позицию и заявил, что в случае войны огромные мас-
сы будут призваны в армию, создастся благоприятная обстановка.

ВЫШИНСКИЙ: Какую он развивал мысль.

БЕРМАН-ЮРИН: Он говорил относительно армии, чтобы мы воспользовались армией для совершения вооруженного переворота. Он заявил, что троцкисты должны пойти в армию, но защищать Советский Союз они не будут, а будут его защищать лишь в том случае, если Сталинское руководство будет уничтожено.

ВЫШИНСКИЙ: Убедил он Вас.

БЕРМАН-ЮРИН: Он в течении этой беседы нервно ходил по комнате и говорил о Сталине с исключительной ненавистью.

ВЫШИНСКИЙ: Вы дали согласие.

БЕРМАН-ЮРИН: Да.

ВЫШИНСКИЙ: На этом кончилась Ваша беседа.

БЕРМАН-ЮРИН: У меня был разговор с ~~ТРОЦКИМ~~ ТРОЦКИМ еще вот о чем: после того как я дал согласие, он мне сказал, что я должен готовиться к отъезду в Москву, причем т.к. у меня будут связи в Коминтерне, я должен буду подготовить террористический акт именно в этой связи.

ВЫШИНСКИЙ: Значит Троцкий дал Вам не только общее указание, но и конкретизировал обстановку условия и места.

БЕРМАН-ЮРИН: Он заявил, что террористический акт нужно приурочить по возможности к какому нибудь пленуму, или конгрессу Коминтерна, чтобы выстрел в СТАЛИНА прогремел на большом собрании, т.к. это будет иметь огромный резонанс не только в Советском Союзе, но и далеко за пределами и вызовет массовое движение во всем мире и будет всемирно-исторически-политическим событием.

ТРОЦКИЙ сказал, чтобы я не связывался не с кем из троцкистов, чтобы вел работу самостоятельно. Я ему сказал, что я в Москве никого не знаю, связи не имею и трудно представляю себе как при таком обстоятельстве мне действовать. При этом я ему сказал, что у меня есть

W3
486
232

знакомый ФРИЦ Давид, - нельзя ли мне с ним связаться, тем более я уверен, что он будет работать в Коминтерне. Троцкий мне утвердительного ответа не дал, но сказал, что он поручит СЕДОВУ уточнить этот вопрос и даст ему на этот счет соответствующие указания. На следующий день я вернулся в Берлин, встретился с СЕДОВЫМ, рассказал ему подробно о моей беседе с ТРОЦКИМ, СЕДОВ меня спросил согласился ли я с директивой Троцкого - о совершении террористического акта, я сказал, что да и СЕДОВ был очень рад и стал говорить мне комплименты, а также стал торопить с отъездом. Это было в конце ноября 1932 г., а уехал я в Москву в марте 1933 г.

... при чем перед отъездом у меня было свидание с Седовым и Седов мне дал следующую инструкцию: В Москве связаться с Давидом и вместе с ним подготовить террористический акт.

~~ВИШНСКИЙ~~: С Фрицем Давидом.

БЕРМАН-УРИН: С Фрицем Давидом, а Фриц Давида я в 1932 г. связал с Гурелевичем.

ВИШНСКИЙ: А Фрица Давида вы знали давно.

БЕРМАН-УРИН: В Берлине.

ВИШНСКИЙ: И знакомство продолжалось.

БЕРМАН-УРИН: До ареста. Но Фрица Давида я знал с 1932 г.

ВИШНСКИЙ: Вы с Фрицем Давидом в Берлине разговаривали на тему о терроре.

БЕРМАН-УРИН: Не совсем в категорической форме, но подходили к этому вопросу.

ВИШНСКИЙ: В порядке прощупывания взаимного.

БЕРМАН-УРИН: Не знал взаимного ли, но прощупывание было.

ВИШНСКИЙ: Вы с ним часто встречались в Берлине.

БЕРМАН-УРИН: Да.

ВИШНСКИЙ: Дальше.

БЕРМАН-УРИН: В Москву я прибыл в марте, несколько позже прибыл Давид. Я с ним связался и о моем задании, полученном от Троцкого, я с Давидом начал говорить несколько позже. В июле 1933 года у нас завел первый откровенный разговор по подготовке террористического акта. Я сказал Давиду, что я был у Троцкого. Он тоже сказал, что был у Троцкого. Мы в процессе целого ряда суждений пришли к такому решению: Давид мне сообщил, что в конце 1933 года состоится кажется 13-й Пленум Коминтерна ИККИ и возможно, что Сталин будет на этом Пленуме. Давид должен мне раздобыть входной билет, а я должен сообразиться с обстановкой и стрелять в Сталина. Накануне Пленума выяснилось, что плохо все подготовлено. Я еще не достал оружия

408
234

и кроме этого по нашим расчетам было известно, что пленум будет проведен в узком масштабе и Сталин на этом пленуме не будет. Так и оказалось. Сталина на пленуме не было и Давид не мог билет достать для меня, и план провалился. Мы решили отложить до Конгресса Коминтерна. Ожидали, что Конгресс будет в конце 1934 года. Действительно конгресс собирались созвать в 1934 году, но он откладывался и мы, естественно, откладывали осуществление наших планов.

Так прошёл 1934 год и стало известно, что в сентябре 1935г. он должен быть созван. Как и раньше на вопрос гр-на прокурора, я получил браунинг с патронами у Арена младшего. Я дал его Давиду, чтобы он у себя спрятал. Накануне конгресса мы еще раз с Давидом обо всем переговорили и Давид должен был раздобыть такой билет. Перед открытием Давид мне сообщил, что к 8-му билету он достать не может, потому что очень строго с продажей билетов, и ему получить не удалось.

409
235

Маш. МГ
Ст. МП

- 91 -

... но он будет на конгрессе, и мы условились, что он должен совершить террористический акт. Через несколько дней мы встретились с ДАВИДОМ, он мне сообщил, что СТАЛИН был на торжественном открытии, но ДАВИД стрелять не мог: ~~СТАЛИН~~ сидел в ложе, в ложе было очень много народа, были также работники ИСЖ, СТАЛИН все время был окружен людьми, так что не было никакой возможности. Таким образом, этот наш план провалился. Но мы конкретного плана на дальнейшее не имели и решили выжидать. В декабре ДАВИД мне сообщил, что недавно к нему явился посланец от СЕДОВА и ТРОЦКОГО и потребовал информации - почему не выполнен террористический акт. ДАВИД его ^{информировал} ~~информировал~~ подробно и получил от него следующую директиву: воспользоваться каким-нибудь другим случаем, форсировать подготовку террористического акта, воспользоваться подходящим случаем - каким-нибудь совещанием, приемом, на который я или ДАВИД должны проинfiltrироваться во что-бы то ни стало, и там убить СТАЛИНА. Посланец этот очень настойчиво требовал активизации нашей террористической деятельности. Но конкретно у нас, во всяком случае у меня, не было в тот момент никаких перспектив - как-нибудь оказать-ся на таком совещании или приеме. В тот момент я себе ясно такого случая не представлял. После того, как на 7-ом конгрессе Коминтерна, нам не удалось выполнить террористический акт, мы были в растерянном состоянии. В мае 1936 г. я встретился с ДАВИДОМ, он мне сообщил, что приехал и был у него опять посланец от ТРОЦКОГО - немец, который говорил с ним чрезвычайно резко, обвинял нас в бездействии, в нерешительности, в отсут-

43
410
236

- 92 -

ствии мужества и требовал буквально, чтобы воспользоваться
любым случаем, чтобы убить СТАЛИНА, что надо торопиться
и нельзя тратить время. НАШИ ему ответили, что нельзя
~~считаться с желаниями, надо учитывать обстановку.~~

22 мая я был арестован, и на этом моя контрреволюцион-
ная террористическая деятельность была прервана.

ВЫШНСКИЙ:- Следовательно, Вы с осени 1932г. вели знакомство с СЕДОВЫМ.²

ОЛЬБЕРГ: - С 1931 г.

ВЫШНСКИЙ:- В своих показаниях на следствии Вы сказали, что познакоми-
лись с СЕДОВЫМ за-границей, встретившись в кафе, в 1932г.

ОЛЬБЕРГ: - Я потом исправил свои показания, т.к. я вначале ошибся на
целый год. Это была ошибка.

ВЫШНСКИЙ:- Сознательная или неосознательная.²

ОЛЬБЕРГ: - Нет, это было неосознательно.

ВЫШИНСКИЙ - Значит вы познакомились с Седовым в 1931 году, летом, осенью ?

БЕРМАН-ЮРИН - В сентябре.

ВЫШИНСКИЙ - В сентябре 1931 года, а уехали весной, 5 марта 1933 года ? Следовательно, вы продолжали свое знакомство с Седовым в течение этих 2-3 лет.

БЕРМАН-ЮРИН - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Вы с Седовым часто встречались ?

БЕРМАН-ЮРИН - Что называть часто... за все это время я с ним встретился 6-7 раз, может быть больше, словом по надобности.

ВЫШИНСКИЙ - Все таки я не знаю какие у вас были надобности.

БЕРМАН-ЮРИН - 6-7 раз встречались.

ВЫШИНСКИЙ - 6-7 раз встречались и говорили исключительно только о троцкистской деятельности ?

БЕРМАН-ЮРИН - Только.

ВЫШИНСКИЙ - Вы с Седовым когда впервые заговорили, или вернее тогда он впервые с вами заговорил о терроре .

БЕРМАН-ЮРИН - В 1932 году.

ВЫШИНСКИЙ - Значит не сразу после вашего знакомства, а по прошествии одного года.

БЕРМАН-ЮРИН - Да.

ВЫШИНСКИЙ - В течение первого года, сколько раз встречались с Седовым ?

БЕРМАН-ЮРИН - За 1932 год я встретился с ним 4 раза.

ВЫШИНСКИЙ - Продолжительны были у вас беседы ?

БЕРМАН-ЮРИН - две беседы были продолжительны.

ВЫШИНСКИЙ - Достаточно ли было времени для того чтобы Седов познакомился с Вами поближе ?

БЕРМАН-ЮРИН - Да, тем более, что он имел обо мне сведения от Грилевич.

ВЫШИНСКИЙ - А Грилевич вас знал с какого времени ?

БЕРМАН-ЮРИН - Как активного троцкиста - с 1931 года, но Грилевич знал меня вообще с 1925 года.

ВЫШИНСКИЙ - Откуда он был знаком с вами в 1925 года ?

БЕРМАН-ЮРИН - ~~Инициатором~~ Он знал меня как работника берлинской компартии.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, рекомендовал вас как человека хорошо известного.

БЕРМАН-ЮРИН - ~~Инициатором~~ Да.

ВЫШИНСКИЙ - Сколько времени вы прожили в Берлине ?

БЕРМАН-ЮРИН - 10 лет.

ВЫШИНСКИЙ - Вас когда именно свел Седов с Троцким ?

БЕРМАН-ЮРИН - Я уже говорил, в 1932 году в ноябре.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, после того как вы с Седовым говорили о терроре или до этого разговора.

БЕРМАН-ЮРИН - Непосредственно после этого разговора.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, разговор ваш с Седовым о терроре был некоторой подготовкой вашей встречи с Троцким.

БЕРМАН-ЮРИН - Он так и сказал, что передаст этот разговор Троцкому.

ВЫШИНСКИЙ - Инициатива разговора принадлежала ему или вам ?

БЕРМАН-ЮРИН - Инициатива разговора принадлежала ему.

ВЫШИНСКИЙ - Как конкретно он формулировал свои мысли ?

БЕРМАН-ЮРИН - Он сказал, что никаких расчетов на массовое движение в Советском Союзе в создавшихся условиях быть не может, что это бессмыслица, что нужно переходить к другим методам и эти методы террористические.

ВЫШИНСКИЙ - Он говорил об индивидуальном терроре, как об единственном средстве для борьбы против руководства ?

БЕРМАН-ЮРИН - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Когда вы с Троцким встретились в ноябре в 1932г., так он, Троцкий, с самого начала, сразу поставил вопрос о терроре ?

БЕРМАН-ЮРИН - Нет, он сначала пропунживал меня как человека, хотя он получил от Грилевиц сведения...

ВЫШИНСКИЙ - Но ваш разговор носил совершенно открытый характер ?

БЕРМАН-ЮРИН - Да, наш разговор носил совершенно откровенный характер. У меня создалось впечатление, что задача Троцкого заклю-

чалась в том, чтобы меня так обработать, вколотить в сознание необходимость выполнения теракта. Все его слова, все фразы, весь подход был к этому приурочен.

✓3
419
240

MT/EM.

- 95 -

ВЫШИНСКИЙ: Можно сделать вывод такой, что ^у Троцкого была специальная задача вас завербовать в качестве агента или это был больше отвлеченный теоретический разговор о терроре.

БЕРМАН-ЮРИН: Нет.

ВЫШИНСКИЙ: Вы чувствовали, что идет обработка ~~вхданием~~ для того, чтобы практически вас использовать?

БЕРМАН-ЮРИН: Да.

ВЫШИНСКИЙ: И вот в этой беседе Троцкий вам сказал, при каких условиях должен быть совершен этот акт?

БЕРМАН-ЮРИН: После того, как я дал согласие.

ВЫШИНСКИЙ: И на этом беседа ограничилась?

БЕРМАН-ЮРИН: С поставил также вопрос о марксизме и индивидуальном терроре. Он дал параллель с установкой эс-эров. Я не знаю, имеет ли это интерес?

ВЫШИНСКИЙ: Он пытался как-то обосновать свою точку зрения?

БЕРМАН-ЮРИН: Да.

ВЫШИНСКИЙ: После того, как вы ушли от троцкого, виделись вы еще с Седовым?

БЕРМАН-ЮРИН: Сейчас же, дня через два-три.

ВЫШИНСКИЙ: До марта вы встречались с Седовым?

БЕРМАН-ЮРИН: Была краткая встреча. Он меня спрашивал, когда я поеду. И еще была встреча.

ВЫШИНСКИЙ: Можно сказать, что у вас были неоднократные встречи? ~~вхданием~~

БЕРМАН-ЮРИН: С конца 1931 года по март 1933 года.

ВЫШИНСКИЙ: Троцкий и Седов одинаково ставили вопрос о терроре и вас агитировали согласиться на теракт?

БЕРМАН-ЮРИН: Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ: Вы дали согласие и были направлены Троцким?

W3
Чет
241

БЕРМАН-ЮРИН: Троцкий через Седова.

ВЫШИНСКИЙ: Вам какиенибудь средства были отпущены?

БЕРМАН-ЮРИН: Н е т.

ВЫШИНСКИЙ: На свои средства ехали?

БЕРМАН-ЮРИН: Д а.

ВЫШИНСКИЙ: Чем об"яснить, что вы ехали на свои средства?

БЕРМАН-ЮРИН: Я достаточно зарабатывал. Я был убежден, что вклять еду на революционное дело. Это чудовищно, но все было поставлено на голову.

ВЫШИНСКИЙ: У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕД ТЕЛЬ: Об"является перерыв до 11 часов утра.